

Мансуров Андрей
Конан-варвар.
Неизвестные хроники

Героическое фэнтэзи

Андрей Арсланович Мансуров

Конан-варвар.

Неизвестные хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918140

Аннотация

В процессе работы над произведениями в жанре сайнс-фикшн, как-то незаметно для меня самого, появилось и несколько совершенно новых и оригинальных фэнтэзи-новелл о похождениях знаменитого киммерийца. Я решил собрать их для удобства таких же фанатов приключений знаменитого северного воина, каким являюсь и сам, здесь, под одной обложкой. Пользуюсь случаем поблагодарить уважаемых модераторов Портала СамПуб за их любезное разрешение использовать и некоторые из уже опубликованных мной в других сборниках, изданных через СамПуб, произведений о Конане. Новый сборник посвящён приключениям, относящимся к периоду, когда Конан выступал в роли профессионального вора и наёмника, а так же был капитаном команды корсаров. Написаны новеллы в традиционном жанре героического и волшебного фэнтэзи, и, надеюсь, столь же интересны и динамичны, как и мои предыдущие книги о подвигах Конана-варвара: "Конан и Слуга Золота", и "Конан: новые приключения". Желаю всем

поклонникам походов знаменитого киммерийца приятного
прочтения!

Конан-варвар. Неизвестные Хроники.

1. Конан и странный чародей.
2. Конан и Опал Нэсса.
3. Конан и тысяча каменных воинов.
4. Конан и Город Теней.
5. Напарник.

1. Конан и странный чародей.

Впервые темника Конан увидел на базаре.

Он как раз шёл между рядами с фруктами, выбирая себе чего-нибудь поэкзотичней: пожевать после очень сытной, но уж очень жирной и слегка пережаренной бараньей ноги. Душа (или желудок – Конан особо не задумывался) просила для лучшего переваривания мясного обеда десерта полегче и покислее. Ароматы навоза, людского и конского пота, базилика, пряностей, благовоний, экзотических фруктов и овощей создавали неповторимый букет, вдохнув который любой человек, даже с закрытыми глазами, понял бы, что он на восточном базаре, даже если б вокруг не стоял оглушительный гвалт от криков зазывал и торговцев, и гул от азартного торга за каждый медный обол.

Душное облако пыли, нависшее над провинциальным го-

родком Паркент, куда забросила варвара непредсказуемая судьба наёмника, уже набрало наибольшую толщину и мощност: собственно, оно каждый день неумолимо возникало к полудню, поднятое ногами сотен верблюдов, коней, неизменных осликов, везущих к главному месту продажи арбы с товарами. Ну, и, разумеется, ногами людей: и продавцов, и покупателей в городе, стоящем на перекрестье караванных трактов, всегда хватает. Да и разве может быть по-другому, когда речь идёт о закупке-продаже-перепродаже-получении-барыша?!

Может быть, именно поэтому в городе, где и жителей-то набралось бы едва с десятков тысяч, караван-сараев имелось – словно в столице: не меньше полусотни!

Внезапно словно что-то вроде тучи набежало на солнце – сразу стало темно, как при грозе! Конан посмотрел вверх. На базар прямо из серо-сизой, словно тусклой, голубизны, называемой восточным небом, отвесно, как бы спикировала некая огромная птица – вроде кондора или грифа! Что-то хлопнуло, совсем как раскрытые в торможении крылья, и вот тень закрывает уже чуть не половину базара!

Завизжали женщины, да так, что у киммерийца заложило уши! За ними заорали младенцы, и даже мужчины! Вокруг, словно настал по-меньшей мере конец света, забегали и засуетились люди. Кто-то из торговцев и торговок спешил спрятаться под прилавок, даже выбрасывая оттуда корзины и ящики с товаром, кто-то – уже из покупателей! – нёсся сломя

голову под навесы и в прохладную полутьму лавок-мастерских, окружавших базарную площадь по периметру. Остальные, и таких было большинство, толкая и давя друг друга, наплевав на визг детей и женщин, и стоны раненных, старались убраться с базара через четверо главных ворот, оставляя на земле корчащиеся тела придавленных. Которые, впрочем, тоже старались отползти в ту же сторону: как можно дальше от странной тени!..

Действия людей, вполне сознательные и целеустремлённые, сказали киммерийцу о том, что они явно не в первый раз сталкиваются с неизвестной ему напастью. Которая и страшна и опасна, но...

Привычна!

Сам Конан бежать или прятаться посчитал ниже своего достоинства: мало ли каких тварей ему не приходилось встречать в своих путешествиях и приключениях! Если б ото всех прятался или бегал, никогда не узнал бы, как этих тварей убивать, и не снискал бы славы лучшего наёмника в Ойкумене.

Так что он, пока даже не вынимая верный меч из ножен, остался спокойно стоять в проходе между прилавками с товаром, заодно выбрав себе – бесплатно, поскольку хозяин с женой скрылись под прилавком, задвинув лаз туда своим же запасным товаром! – плод авокадо посимпатичней, и сразу откусив от него чуть ли не половину.

Тень опустилась ещё ниже. И вдруг словно бы втекла в

щель между полотняными и дощатыми крышами лотков и прилавков, не дающими полуденному солнцу Паркента совсем уж сжечь жителей и гостей провинциального городишки. Варвар не без удовлетворения констатировал, что к этому моменту на базаре не осталось ни единой живой души. Все или скрылись в оружейных, лепёшечных, посудных, ковровых, и с одеждой, и драгоценностями, и прочих, лавках, или, закатившись под прилавки, заложили входы туда теми же корзинами и ящиками, которые только что столь споро выбрасывали оттуда!

Чёрная тень, теперь стёкшая на землю, отнюдь не приняла какую-то определённую форму. Она так и осталась огромным, с доброго носорога, сгустком темноты, формой очень похожим на кляксу. Самую обычную чернильную кляксу, которую иногда ставит нерадивый ученик нотариуса на пергаменте документа, и за которую неизменно получает розгой – по рукам!

Вот только повадками не походило странное существо на безобидную кляксу.

Конан инстинктивно чувствовал исходящую от твари злобу, голод, и опасность. Поэтому замер, стараясь теперь даже не двигать челюстями, и ощущая, как тёплый сладкий сок из надкусанного плода и слюна заполняют рот.

Тварь выпустила нечто вроде не то – отростка, не то – шупальца: как у гигантского спрута, и накрыла им прилавок с виноградом и инжиром. Когда через несколько мгновений

отросток словно бы всосался обратно в тело монстра, на прилавке вместо фруктов осталась лишь горстка серого порошка, похожего на пепел, и тонкого блестящего слоя – вроде слизи, какая остаётся, если по виноградному листу проползёт улитка, пожирающая спелые плоды. Тварь чуть сместилась вперёд – в сторону киммерийца, и выпустила другой отросток.

Этот «разобрался» с грудой арбузов и дынь.

Когда в пепел и слизь превратился прилавок с курагой, алычой и черносливом, киммериец не выдержал: шагнул к словно перетекавшему и бесплотному телу, и рубанул что было сил мечом по его черноте!

Ну – и ничего!

Словно он нанёс удар по воздуху! Меч, не встречая ни следа сопротивления, коротко свистнув, прорезал тело твари насквозь, на долю секунды разделив зрительно часть черноты сверкнувшим сквозь разрез видом земли и прилавок за этим телом! И тут же края разреза сошлись, словно Конан ничего и не рубил!

Киммериец выругался. Тварь никак не отреагировала на его действие – разве что вместо того, чтоб выпустить уже наметившийся было очередной отросток-лапу в сторону прилавка с баклажанами и кабачками, втянула его назад, и выпустила другой: в направлении варвара.

Конан отступил. Отросток потыкался по земле, по тому месту, где Конан только что стоял, и... втянулся обратно.

Другой отросток, потянувшийся было к баклажанам, снова вырос, и накрыл овощи. Труха и слизь остались точно такие же, как от помидоров, дынь, груш и винограда: серая, пушистая, и легко сдуваемая наземь налетевшим неизвестно откуда лёгким ветерком пыль, и блестящая тоненькая плёнка слизи.

Конан двинулся в лавку оружейников: звон от ударов молотов и кувалд с момента нападения стих. Да и вообще: весь базар, словно от этого зависела жизнь людей, замер в почти мёртвой тишине! Варвар подумал, что так эффективно приказать заткнуться своим подданным не смог бы ни один султан – не говоря уж о наместнике Паркента. Которого сам Конан знал, правда, лишь по слухам. Но и того, что услышал о чиновнике, хватило, чтоб проникнуться брезгливым презрением к ленивому и похотливому толстячку-обжоре.

Войдя в лавку, киммериец обнаружил, что людей в ней нет: похоже, все забились в жилые и служебные комнатёнки позади основного зала-кузни, где сейчас пылало яркими зевами три горна, и одиноко стояло около десяти наковален. Готовое оружие, лемеха плугов, разные скобы и гвозди висели по стенам, или лежали в ларях, стоящих вдоль всех стен комнаты. Бросалось в глаза, что опорные столбы, да и балки кровли с досками перекрытия, лежащие на ней, ещё не покрыты, как это обычно бывает в кузнях, толстым слоем пушистого налёта сажи и копоти.

Интересно. И странно. А похоже кузня-то – построена

недавно. Неужели местный базар мог обходиться без такого важнейшего ремесла? Или...

Или она просто недавно сгорела? И её только-только восстановили.

Однако особо долго задумываться над этим некогда.

Конан посопел. Потом подумал, что вряд ли ему кто чего толкового посоветует, раз все сразу попрятались, и никто не стал даже пытаться сражаться.

Похоже, они тут уже пробовали. И, похоже, результат оказался...

Плохим.

Значит, нужно действовать так, как подсказывает чутьё. Его чутьё.

Конан подошёл к одному из горнов, вынул заготовку сабли, калившуюся там. Остриё светилось ярко-оранжевым, к рукояти постепенно переходя в красный и тёмно-вишнёвый. Он хмыкнул, покрутил лезвием, примеряясь. Нормально, хоть и баланс без готовой рукояти не очень, и держать не слишком сподручно. Но для его целей – пойдёт.

Вернувшись к твари, которая за это время расправилась с почти половиной ряда, Конан ткнул в черноту тела раскалённым кончиком.

Ого!

Тварь тут же отдёргнулась: словно он облил её кипятком! Значит, мысль оказалась верной.

Конан начал наступать, наседать на тварь, отгоняя её на-

зад, и стараясь доставать всё её тело сетью пусть неглубоких, но часто лежащихся разрезов, и беспрерывно вертя саблей так, что её огненно-красный конец сливался как бы в большой круг, заодно не давая монстру свернуть никуда из прохода.

Однако долго это не продолжилось: тварь явственно и очень сердито зашипела, и отчалила таким же образом, как и появилась: истончившись, превратилась в как бы поток, вытекший сквозь щели между крышами и навесами наверх. И там, распластавшись в огромное бесформенное пятно-блин, быстро исчезла, стремительно взмыв в пучину неба!

Варвар почесал в затылке. Но по здравом размышлении решил, что пусть лучше тварь убежит, чем её придётся расчленять и закапывать... Такой возни он не любил.

Поэтому он просто прошёл обратно в кузню, засунул саблю туда, откуда взял, и, мирно дожёвывая новое позаимствованное авокадо, отправился к себе на постоянный двор: досыпать после еды.

Эпизод со странной тварью он даже не посчитал достойным, чтоб подумать о нём во второй раз: мало ли с кем его не сводила судьба странника-наёмника!..

Разбудил Конана вежливый стук в дверь.

За эти годы он научился различать даже по стуку: или характер и настроение того, кто стучится, или те события, что могут последовать за таким стуком. Чутьё подсказало ему,

что сейчас состоится...

Визит к нему представителей официальных властей Паркента.

И точно. Когда варвар открыл дверь, за ней обнаружился усатый смуглый мужчина в кольчужной рубахе и с саблей на поясе. Конан знал его: лейтенант стражи наместника. Мужчина оглянулся через плечо, но Конан и сам отлично видел и без этого намёка десять сурового вида воинов, перекрывавших оба конца коридора: некоторые даже держали на всякий случай руки на рукоятках оружия.

– Да продлит Аллах милостивый и милосердный дни ваши, о чужестранец. Это вы – Конан, прозываемый киммерийцем?

Странно. Даже более чем. Обычно на «вы» Конана представители властей не называли. Они или пытались его арестовать, (ха-ха!) или выселить из караван-сарая за долги, драки, или... Да мало ли! Но сейчас – явно не тот случай.

– Привет и вам, отважные воины. Да, это я. – Конан не стал вдаваться в объяснения.

– Не мог бы уважаемый Конан-киммериец проследовать с нами?

– И к кому же это и куда?

– К нашему повелителю, наместнику Паркента, эмиру Аваз-беку. В его дворец.

– А зачем? – Конан решил, что раз уж его не пытаются убить, посадить в зиндан, или просто – запугать, можно поз-

волить себе некую долю хамства. И любопытства.

– Наш всемилостивейший повелитель хочет... Поговорить с вами.

Конан подумал, что это может быть даже... интересно.

А, возможно – и выгодно.

Уж что-что, а запах чистогана он чуял за милю!

– Хорошо! Только подождите: я одену парадную шкуру.

Конан действительно нацепил те из штанов, что смотрелись поновее, и даже шкуру леопарда, добытого в лесах Вендизии собственноручно, накинул на плечи, хотя в Паркенте было жарко. Про пояс с мечом и кинжалами он, разумеется, тоже не забыл. Уж если предстоит беседа, и возможно – работа, нужно подать лицом товар. То есть – себя.

Дворец киммерийца не впечатлил: обычное скопление строений в восточном стиле: клетушки, клетушки по периметру огромного, обнесённого высоченной стеной, двора, с крохотными, как он знал по опыту, комнатёнками для жён, наложниц и слуг, и служебными помещениями вроде кухни, бани, склада продуктов и всего такого прочего. В центре дальней стороны двора – помещение побольше: сам так называемый дворец. А точнее – просто чуть лучше и аккуратней отделанная большая комната. Тёмная даже днём, с узенькими, как положено на востоке, длинными прорезями-окнами, выходящими только во внутренний двор, и завешанная по остальным стенам коврами.

Ковёр имелся и на полу: Конан, пока шёл к правителю, сидевшему на чём-то похожем на трон, возвышавшимся на постаменте у дальней стены, обратил внимание, что походные сапоги почти по щиколотку утопают в высоком мягком ворсе.

Однако интерьер варвара не впечатлил: он бывал в покоях и пороскошней!

Встав в пяти шагах напротив сидящего на кресле с резной высокой спинкой пожилого мужчины, варвар вежливо, но без подобострастия, поклонился. Всё-таки он – гость. Он не поразился внешнему виду владыки: примерно так ему этого «повелителя» и описывали: небольшого роста, средних лет, и очень тучный. К тому же всё время потеющий, и утирающий пот огромным, серым от влаги, платком – эту привычку наместник явно заимствовал у иностранцев из более цивилизованных западных стран. Правда, Конан не думал, что это именно его визит заставил почтенного Аваз-бека так потеть и нервничать.

С минуту длилось молчание. Конан не спешил начинать разговор: он знал, что начать его положено тому, кто был инициатором встречи. Аваз-бек же пристально, с очевидным и даже неприкрытым интересом, рассматривал мускулистое тело, оказавшееся перед ним. Очевидно, осмотром он остался вполне удовлетворён:

- Здравствуй, Конан, прозываемый киммерийцем.
- Здравствуйте, почтенный Аваз-бек.

Вельможа посопел: похоже, не слишком почтительное и неформальное, без громких эпитетов и титулов вроде «колебателя вселенной» или «наимудрейшего повелителя», и традиционным пожеланием, чтоб «аллах милостивый и милосердный продлил его дни», и так далее, обращение к нему простого наёмника – пусть и самого знаменитого в Ойкумене! – не слишком его обрадовало. Всё-таки они – не ровня!

Но как ни странно, дальше не последовало ничего: никаких окриков страже, чтоб проучили наглеца, заставив пасть на колени, и отбить лбом положенные по этикету поклоны, или ещё каких-либо репрессий. Похоже, Конан и правда: был очень нужен!

Ну вот он и выяснил, не задав ещё ни единого вопроса, уже – кое-что!

– Мне рассказали, что произошло два часа назад на базаре.

Конан предпочёл не отвечать на эту фразу, лишь снова чуть склонив голову, в знак того, что слышит. Вельможа продолжил:

– Так быстро и просто разобраться с темником не удалось ещё никому. А если учесть, что до этого ты эту тварь вряд ли видел... Или – видел?

– Нет, почтенный Аваз-бек. Я впервые увидел этого... Темника лишь на базаре, два часа назад.

– Вот-вот, и я говорю – впервые увидев, *так* действовать... Это... Вызывает уважение. И восхищение. Твоей

храбростью и твоей сообразительностью. Силой. Ловкостью. Но должны же быть у такого незаурядного бойца и какие-то... недостатки? Маленькие слабости. Пристрастия. Опираясь на которые я мог бы предложить тебе... Некую работу.

Скажем, сребролюбие?

Конан рассмеялся: просто и от души!

– Да простится мне такое выражение, почтенный Авазбек: вы – самый прозорливый чиновник из всех, встречавшихся мне до сих пор! Вы с первой же попытки выявили моё самое «уязвимое» и слабое место! И – «пристрастия»! Вот что я действительно люблю, так это – полновесные золотые кругляшки! Позволяющие весело проводить время такому... такому весёлому, находчивому и храброму воину, вроде меня!

– Отлично. Позволю себе предположить, что мы нашли... э-э... области взаимного интереса. Я заинтересован избавить своих, вверенных моему попечению, правоверных граждан, подданных моего повелителя: от обременительной, и раздражающей меня, словно заноза в заднице, напасти. А ты – мог бы неплохо на этом деле заработать.

– Ваше предложение, почтенный Авазбек, *уже* очень меня заинтересовало... Но вначале мне нужно хотя бы знать: с чем мне придётся... Встретиться. И сколько круглых золотых блестяшек ваша милость посчитает достойным вознаграждением за мои труды!

– Хм-хм... деловой подход. Верно: ты же даже не знаешь, что это за тварь. Как верно и то, что моя стража и войско до сих пор не преуспели в борьбе с этой напастью.

Слушай же!

– Три года назад у нас была жуткая засуха. Мои подданные отчаялись собрать хоть что-то: посевы засохли на корню, не получилось даже сена! (Кстати: следующей весной мне пришлось купить *за свои* деньги, и раздать всем землепашцам семена для посадки!) – Ага, подумал про себя Конан: раздать, как же! Сказал бы уж честно: продать! Или – дать в долг. С приличной долей барыша за проценты... Но внутренняя политика крохотных марионеточных государств – не его дело. Его дело – заработать себе на жизнь продажей своей силы, хитрости, и умения обращаться с оружием! – А той голодной зимой ко мне на приём вдруг попросился некий...

Чародей.

Я согласился встретиться с ним: мне было действительно интересно, что же ему надо.

Он предложил мне обеспечить мою землю – ну, вернее, землю моих подданных! – регулярными обильными осадками. Ну, то есть, проще говоря – дождями. И брался гарантировать, что всходы не побьют ранние внезапные морозы, или град, и не иссушат обычные для наших мест летние сушовеи. Не поест саранча, или не поразит мучнистая роса... Словом, брался создать условия для получения регулярного

и стабильно богатого урожая – любых культур, что мои дехкане не посеяли бы!

Поскольку вельможа замолчал, словно погрузившись в воспоминания и старые сомнения, Конан, вежливо выждав, нашёл нужным спросить:

– И что же вы тогда подумали, уважаемый Аваз-бек? Что это именно *он* заранее наслал на вашу страну такую напасть, как засуха, чтоб потом дорого продать свои «услуги»?

– А ты очень... Практичен, Конан-киммериец. Да, именно эта мысль в первую очередь и пришла мне в голову. Я был возмущён. Но, с другой стороны, я допускал, что он и правда – может всё это исправить обратно. Разумеется, я спросил о его условиях.

Так вот – ему требовалась часть выращенных продуктов: в свежесобранном, так сказать – то есть, прямо с полей! – виде. Гурт баранов. Несколько верблюдиц. Каждую весну. И мешок того же, чего, собственно, хочешь и ты.

– Понятно. И что вы, почтенный Аваз-бек, ему ответили на такие... э-э... наглые требования?

– В качестве ответа я дал сигнал арбалетчикам, вот как сейчас. – вельможа ткнул холёным толстеньким пальчиком в увесистом перстне с огромным изумрудом, в маленький колокольчик, который Конан приметил давно, и даже догадался о его назначении. Но оказалось, что угадал варвар лишь отчасти: колокольчик действительно служил для вызова подчинённых. Но подчинённых – не из слуг, а из личной стражи!

Один из стенных ковров вдруг упал наземь, и взгляду киммерийца открылась шеренга сердито нахмурившихся и держащих пальцы на спусковых крюках туранских боевых арбалетов, крепких и подтянутых на вид, воинов в чёрных кольчугах!

– Но у чародея, Бэл его раздери, тоже оказался припасён в кармане сюрприз: уже для меня! Этот... э-э... Недостойный трус – просто растаял в воздухе. Словно, так сказать, туманная дымка осеннего рассвета. И я остался с носом. А я не люблю оставаться с носом. – вельможа сделал быстрый знак рукой кому-то невидимому, и ковёр вдруг снова поднялся, скрыв от Конана отряд арбалетчиков.

– Поэтому я разослал во все стороны поисковые отряды... Но даже лучшие мои ищейки и следопыты не нашли логова наглого мага. А через полгода после этого, как только дехкане собрали новый урожай, и привезли его на Паркентский базар, появился первый темник. Он просто упал с неба, и, как и тот, которого ты прогнал, двинулся вдоль прилавков. Пожирая с них продукты и товары.

Вельможа снова сердито засопел, замолчав, и Конан снова вынужден был спросить:

– Так, получается, их насылает тот самый...

– Да, я тоже догадался. И даже приказал, когда появится второй, не пытаться рубить его в капусту саблями, и не стрелять из луков. А – жечь огнём! Факелами!

– Ну, и...

– Ну и восстановить базар в первозданном виде после чудовищного пожара мне обошлось куда дороже, чем покрыть подданным убыток от первого посещения. Когда исчезло лишь несколько десятков мешков продуктов. Это ещё счастье, что базар у меня отделён мощной стеной от остального города – огонь не смог перекинуться на жилые кварталы.

Конан подумал, что этот правитель и правда: заслуженно сидит на своём месте.

Во-всяком случае, в тех моментах, когда дело касается грамотного планирования строительства в городе, и управления. Городом и провинцией.

С другой стороны, стена, огораживающая базар и имеющиеся в ней четыре узких прохода, оснащённых запираемыми на ночь воротами, дают возможность: не столько обезопасить город от навверняка частых здесь, в сухом и жарком климате, иссушающим летом траву, растущую на крышах городских мазанок в готовую вспыхнуть от малейшей искры солому, пожаров, сколько...

Гарантированно собрать пошлину с тех, кто привёз товар на продажу.

И заодно – легко отлавливать тех, кто пытается этот товар попросту... Украсть!

– Однако после этого двое или трое моих наиболее храбрых... Или – глупых – это как посмотреть! – воинов, решили лично попробовать справиться с чёрной штуковиной с по-

мощью сетей, (первый) ведра с отравленной водой, (второй) и бревна-тарана. (это уж – придумка третьего) Попытки кончились плохо. Для них. Сеть просто прошла насквозь, как и таран. Отравленная вода оказалась на земле, тоже пройдя тело темника насквозь.

А трое смельчаков, попавших в лапы неуязвимого монстра, просто исчезли.

Думаю, туда же, куда и продукты.

После этого я своим указом запретил подходить к темнику ближе, чем на пять шагов. А уж жечь его огнём – под страхом повешения! И послал депешу в столицу – нашему всемилоштивейшему и наимудрейшему повелителю, султану Мохаммету седьмому.

Конан позволил себе чуть заметно усмехнуться и покинуть: уж про что-что, а про реакцию «наимудрейшего» догадаться было нетрудно.

– Зря усмехаешься, Конан. Не прошло и месяца, как повелитель прислал своего, придворного, чародея. И тот даже дождался появления темника. – опять повисла пауза.

– Неужели придворный волшебник оказался настолько храбр... Или глуп...

– Вот именно. Так что он последовал за теми, тремя, воинами, а я написал новое письмо. И вот до сих пор жду ответа.

На этот раз Конан головой покачал. Однако спросил:

– И что же, Ваша милость, даже предположений нет, где бы этот чародей, насылающий чёрную напасть, мог бы оби-

тать? Ведь это логово не может быть слишком далеко – иначе те продукты, что существо похитило на базаре, по дороге просто... испортятся?

– Я уже отмечал, что в здравости рассуждений тебе... Посещения чёрной нечисти происходят в среднем каждые три-четыре недели. (Похоже, как раз тогда, когда чародей и его слуги, кем бы они ни были, съедают предыдущую партию еды!) И проследить, в каком направлении улетает по небу его тварь – или твари, если эти существа каждый раз – разные! – оказалось не так трудно.

Но – только направление.

Потому что там, куда ведёт этот путь, лежит проклятье всей моей провинции – топь Бекназар-бая. Купец такой был в Паркенте, весьма состоятельный... Нетрудно догадаться, что эта топь и названа его именем потому, что он первым попробовал построить гать через неё. Чтобы сократить, и сделать таким образом более быстрым, сообщение с соседним Шемом и его торговыми центрами. Где кое-какие из наших товаров – шелка, мумиё, горный мёд и воск, и, конечно, алыча и курага! – пользуются заслуженным спросом. А так – приходится везти их в обход. Что на неделю дольше.

– Понятно, уважаемый Аваз-бек. Не слишком, конечно, мне нравятся болота... Но все неудобства легко компенсируют круглые и приятные на ощупь...

– Золотые монеты. Естественно. Сколько ты хочешь за услуги? (Разумеется, я потребую неопровержимых доказа-

тельств подтверждения смерти чародея.)

То, что вельможа спросил о размере платы прямо в лоб, Конана удивило.

Ну вот не положено на Востоке ставить вопрос столь конкретно! Тут надо подходить мягко, намёками, с недоговорками и подмигиваниями...

С другой стороны, может, почтенный чиновник не слишком-то верит в то, что варвар добьётся успеха. Наверняка ведь посылал экспедиции и отряды в чертову топь. И, похоже – безрезультатно. А один, к тому же никому здесь ненужный, чужак, обойдётся наверняка дешевле, чем целый обоз с пищей, водой и вином для нового отряда войска!

Да и не жалко, если погибнет – чужак же!..

Конан назвал цену, примерно соответствовавшую, по его прикидкам, стоимости подготовки и снаряжения нового отряда.

Наместник поморгал хитрущими глазками, но не стал в очередной раз говорить, что снова поражён трезвости подхода и сметливости – понял уже, с кем имеет дело. Вместо этого вельможа немного, (ну, не более получаса) и, похоже, лишь для приличия, поторговался. А Конан даже позволил наместнику, оказавшемуся столь прагматичным, чуть сбить цену.

Ещё договорились, что лишь четверть суммы Конан получит немедленно – «на сборы и подготовку к походу».

Расставались с уверениями в своём огромном уважении

друг к другу.

И, Конан был уверен: наместник хитренько так посмеивается в усы за его спиной.

Ну как же!

Нашёл излишне храброго, или наивно самоуверенного идиота, готового рискнуть жизнью за...

За благополучие и рост как торговых пошлин, отчисляемых в казну Мохаммета седьмого с каждой торговой сделки в Паркенте, так и за личный барыш Наместника.

Ну, и естественно – за «процветание» подданных: иначе как же собрать необходимую сумму налога с разорённых или бедных рабов?!

Отлично понимал Конан и «тонкий» расчет хитреца: сгинь варвар в топях, так и не придётся особо раскошеляться... Но если наёмнику повезёт – это будет куда лучше, чем страдать от ежемесячных систематических набегов, оставляющих существенные бреши в ежедневной доле толстячка со всех торговых сделок!

Пусть даже после уничтожения волшебника и придётся действительно заплатить наёмнику всю причитающуюся ему сумму!

Вся «подготовка» Конана вылилась в то, что рано утром на том же базаре он нанял трёх измождённого вида дехкан с не менее измождёнными и понурыми на вид осликами, нагруженных так, что еле могли брести, вязанками хвороста.

То, что этот хворост из предгорных лесов предназначен для растопки печей и тандыров, варвара не напрягало. Желаящие печь лепёшки, жарить шашлык, и варить шурпу для прожорливой оравы продавцов и покупателей должны позаботиться о должном запасе дров заранее!

Где находится топь Бекназар-бая, он уже знал отлично. Это именно оттуда налетали каждую ночь комары, изо всех сил старающиеся помешать ему спать спокойно. Комары были на редкость здоровые и зудячие – Конан таких больше нигде не встречал, разве что в джунглях Вендии. Поэтому к месту обитания хозяина темника, и, соответственно, рассаднику летающих кровопийц, никакого почтения варвар не испытывал. И даже надеялся, что если удастся врага изничтожить, комары каким-нибудь образом тоже – того...

Пропадут.

К границе топи их маленький караванчик добрался к закату. Сам варвар ехал на наёмном коне, хозяин которого терпеливо и молча вышагивал рядом.

Конан расплатился, и отпустил всех. Он был рад, что никто его ни о чём не расспрашивал. Впрочем, он знал, что умеет напускать на себя *такой* вид – не больно-то захочешь вести беседы...

Люди и животные скрылись в темноте безлунной ночи: как раз было новолуние. Но чуткий слух киммерийца ещё долго доносил до него тихие ругательства, разговоры, и топот копыт по отвратительной каменистой тропе. Сам Конан

никак не мог понять: каким именно образом огромное болото возникло и благополучно существует на зажатом между горных хребтов и вершин плато? И почему ни одна река из него не вытекает. Нигде.

И, главный вопрос: где следы дороги, по-идее, проложенной к этой топи Бекназар-баем?! Или тот рассчитывал устроить подъездной путь – позже? После преодоления самой сложной части будущего тракта – трясины?..

Наконец всё стихло: его наймиты действительно ушли назад, к городу.

Варвар распаковал любимую спутницу по путешествиям: объёмистую чёрную суму. Достал сухофрукты, вяленое мясо, свежую, восхитительно пахнущую и хрустящую, лепёшку. Бурдюк с водой: на время серьёзной работы он при всей своей бравате предпочитал вино – её. Чистую и бодрящую.

Поев, Конан расположился на извлечённом из той же сумы спальном мешке из шкуры северного марала. Костра он не разводил, хотя груда хвороста рядом с полосой камыша, обозначающей границы болота, достигала его роста. Выждав около часа, он решил, что достаточно. И полез на ближайший склон.

Вначале чахлая, но жутко скользкая травка, и оползни из камней делали подъём опасным: подмётки сапог иногда начинали предательски скользить, или ненадёжно лежащий щебень порывался сползти вниз по склону под весом его немаленького тела. Но затем пошли только голые скальные

уступы, и подниматься стало легче. Без луны, в рассеянном и неверном свете звёзд, киммерийцу с его кошачьим зрением было отлично видно всё вокруг. А уж про то, что навыки скалолазания он впитал с молоком матери, можно не упоминать.

Наконец он взобрался на высоту примерно двухста шагов над поверхностью топи, и выбрал удобную точку для наблюдения. Сел. Приготовился к долгому ожиданию.

Однако его терпение коварный чародей испытывал недолго. Почти сразу Конан разглядел несколько светящихся на фоне безбрежной черноты трясины огоньков: их размещение чертовски напоминало... Окна самого обычного дома! Но варвар не стал торопиться. Сидел ещё около часа, стараясь как можно точнее запомнить расположение светящихся точек, пока не заметил, что вначале одна, а затем – и две другие, потухли.

К этому времени Конан понял, и что перед ним: огромная и почти круглая топь явно являлась котловиной давно погасшего вулкана. И вулкан уже наверняка спал не одно тысячелетие, за долгие годы заполняемый наносами песка и щебня, да останками гниющей травы и камыша... А поскольку выхода всему этому не было – вот оно и болото.

Киммериец стал спускаться тем же путём, что и пришёл, посмеиваясь в усы: всё он рассчитал верно. Ни один чародей не может лечь спать, не поужинав. И не почитав на ночь своих любимых чёрных манускриптов. О зловещих и гнусных

ритуалах. И тайнах ушедших в небытие древних цивилизаций. И способах захватить весь мир.

И каким бы могучим этот чародей не был, для чтения он наверняка предпочтёт самый обычный свет. Например, от свечи. Или – масляной коптилки. Причём одна коптилка окажется в том месте, где маг ест – то есть в столовой или кухне, а другая – в спальне. И нет никакого сомнения в том, что с поверхности земли увидеть такие предательские улики простому путнику или наблюдателю будет невозможно.

Но даже самому предусмотрительному чародею не придёт в голову полностью заколачивать на ночь ставни или закладывать оконные проёмы кирпичами или ещё чем таким – ведь среди вонючих миазмов чёртова болота можно запросто задохнуться. Хотя Конан не сомневался: уж против обычных-то – наземных – следопытов, маг наверняка подстраховался. И оборона от новых отрядов наместника – налажена вполне адекватная.

Об этом говорят и две пропавшие экспедиции, о которых, собственно, варвар узнал весьма легко: вволю накормив шашлыком из молодого барашка пожилого местного ночного сторожа, а одновременно незаметно – как бы исподволь! – и напоив бедолагу молодым, бьющим по сознанию, подобно молоту Тора, вином: до состояния «я тут лучше всех всё знаю!!!», вчерашним вечером.

Закинув руки за голову, Конан растянулся на своём спальном мешке. Над головой сверкали огромные, загадочно мер-

цающие, восточные звёзды, и проносились бесшумные тени: летучие мыши. Но вот комаров здесь почему-то почти не было: то ли их поели ночные рукокрылые, то ли, убедившись, что на берегах болота не останется, чтоб предоставить в их распоряжение свою тёплую вкусную кровь, ни одно разумное – или неразумное! – существо, они улетели кормиться в город. Хе-хе.

Киммериец закрыл глаза, и позволил себе расслабиться.

В том, что возникни опасность – обострённый инстинкт выживания разбудит его, он тоже не сомневался.

Ночь – вернее, её остаток – прошла спокойно. Серый расцвет застал Конана пакующим спальный мешок, и продукты, оставшиеся от завтрака, в суму.

Когда солнце наконец высунуло огненный краешек из-за хребта на востоке кратера, варвар уже вовсю пыхтел, перетаскивая вязанки, по три-четыре за раз, к тому краю болота, ближе к которому находился обнаруженный им свет. Носить и ходить было пока легко: вдоль берега какие-то животные, приходившие, вероятно, на водопой, протоптали неплохую тропку. Да и до места, откуда он планировал начать прокладывать гать, оказалось не так далеко: не более тысячи шагов, хотя почти половину уже приходилось идти вброд: по песчаной отмели у кромки непроходимых зарослей чёртова камыша.

К обеду варвар справился, и теперь сидел на небольшой

расчищенной полянке у самой воды, изредка поглядывая на намеченный маршрут, и жуя свои сухофрукты и вяленое мясо. Запивал он их скупыми глоточками из бурдюка: пить болотную воду по его мнению, мог бы только сумасшедший. Ну, или человек с лужённым желудком и кишками.

Позволив себе полежать с полчаса на груди вырубленного камыша, пока полуденное солнце не перешло явственно на другую сторону долины, киммериец двинулся на разведку в глубину топи. Захватить вырубленный заранее в небольшой роще длинный шест-сlegу он, разумеется, не забыл.

Вот здесь можно будет наступить на кочку. Вот здесь – тоже: он уверенно и методично тыкал концом шеста во все подозрительные места.

А вот сюда придётся-таки подстелить драгоценного хвороста: выглядит, вроде, надёжно, а на деле – предательская глубина!.. Ну а до следующего места, где можно будет остановиться и прикинуть маршрут, он доберётся, когда преодолеет хотя бы вот отсюда – вон до туда.

Ничего романтического или «храброго» в наведении гати Конан не видел.

Просто – очередной, необходимый для выполнения работы, этап. Нудный, да. Тяжёлый. И вовсе не героический. Но говорить об этом ни наместнику, ни кому бы то ни было другому, киммериец не собирался. Для нанимателя главное – результат.

Ближе к вечеру, прогатиив примерно две трети намеченно-

го маршрута, он оглянулся: извилистая цепочка воткнутых в опорных точках пути прутьев-вех растянулась уже на добрую милю. Хворост подходит к концу. А никакого дома, или хотя бы – хибарки, на острове чародея не видно. Странно, да...

Он сплюнул вязкую слюну, утёр пот со лба предплечьем. Придётся-таки опять рубить чёртов камыш!

Камышом мостить тропу было неприятно.

Мало того, что рубить его мечом оказалось неудобно и тяжело – чёртовы упругие стебли никак не желали перерубаться! – так ещё об острые края листьев и пеньков он изрезал все руки и торс: ведь киммериец был, как всегда, лишь в сапогах и штанах. А о такой простой вещи, как рукавицы из плотного материала, варвар, разумеется, не позаботился.

Однако на закате он добрался-таки до вожденной цели: ступил на чавкавшую под ногами полужидкую почву чего-то вроде низкого и плоского островка, в дальнем конце которого виднелась низкая и странная конструкция: не то – заброшенная хижина, не то – просто куча полусгнивших жердей и соломы.

Решив, что тянуть особого смысла нет – чародей ведь не совсем дурак, и наверняка выглядывает хоть изредка в окно! – Конан с мечом в руке двинулся прямо туда. Да и то: он производил столько шума, вырубая и таская камыш, и ругаясь на неподатливые стебли, что даже слепой мог легко

узнать о нём: разве что маг ещё и глух как пень!

Что, разумеется – вряд ли.

Солнце как раз только-только зашло за гребень на западной стороне долины, и лишь рассеянный красно-бордовый свет заката освещал странное строение.

Не-ет, это – точно не дом! И даже – не домик! Руины халупы, собранной из жердей, кое-как скреплённых между собой верёвками, и накрытых чем-то вроде навеса из связок «горячо» любимого камыша, ну никак не могли служить тем строением, окна которого Конан вчера наблюдал! Однако в ожидании всяческого рода подвохов Конан вначале даже обошёл вокруг непонятного месива жердей и остатков развалившихся вязанок.

Нет, ничего!

А если попробовать разобрать вон тот... и тот – завалы?

Когда разгребал вторую огромную кучу, вдруг услышал слабый стон.

Конан утроил усилия, и разметал лёгкую преграду буквально в секунду!

И точно.

Самые его худшие опасения подтвердились: под завалом лежал человек.

То, что это – тот самый исчезнувший несколько месяцев назад придворный чародей, варвар догадался бы, и не будь тот укутан в грязные и полуистлевшие обрывки чёрного плаща – неизменного атрибута всех волшебников. Киммериец

опустился на колени возле лежащего с закрытыми глазами на спине мужчины. Поднял его верхнюю половину тела повыше – та почти ничего не весила! Словно перед ним – просто скелет, обтянутый тонкой плёнкой пожелтевшей иссохшей кожи!

Киммериец влил в с присвистом дышащую щель рта несколько драгоценных капель из своей фляги.

Приоткрылись мутные и явно ничего не видящие глаза.

Конан влил ещё несколько капель. Убедился, что человек не поперхнётся, и влил целый глоток. Ещё один.

Спустя три глотка послышался тихий и плохо различимый голос. К счастью, чародей говорил на туранском: Конан смог разобрать слова – «летучие мыши... узнал про Кона-на-наёмника... Скрылся в запасную берлогу... Бросил, натешившись, как ненужный хлам, даже не прикончив!.. Отомстить...» – иссохшая, похожая на щепку рука махнула в северном направлении, и бессильно упала назад, на сухой камыш.

Глаза снова закрылись, голова на обтянутой морщинистой кожей тощей шее безвольно откинулась на огромную ладонь варвара: чародей умер.

Но восстановить то, что он хотел сказать перед смертью, не так уж трудно.

Про приближение врага чародею сказали разведчики – летучие мыши. То, что Конана-киммерийца маг боится и уважает – понятно по тому факту, что он предпочёл бежать а

не сражаться: вероятно, ещё не готов. Не набрал, «так сказать», (как любит выражаться местный наместник) полную силу. То, что он тешился со стариком, пытая, глумясь, и моря голодом – тоже вполне понятно. Добрая, как говорится, традиция среди магов: заставить соперника постичь всю степень своего унижения и бессилия.

Ну, и попрактиковаться в изошрённых пытках заодно.

И то, что «не добил» – унижает достоинство мага ещё сильнее. Поскольку подчёркивает, что чародей ни в грош его «силу» и способности не ставит.

То, что его просят отомстить за это и всё остальное – разумеется само собой.

Но вот насчёт запасной берлоги...

Бедолага-маг мог бы дать ему хотя бы один – пусть и самый маленький! – намёк!

Или он и сам не знал, где та находится?.. Или он как раз *туда* и махнул рукой?

Тогда всё в порядке! У Конана, разумеется, имелся запасной план! И жест чародея вполне подтверждал его актуальность, и то, что направление варвар выбрал верно...

Выбираться с острова Конан решил утром. После ночёвки.

И сделал это только после того, как всё на острове тщательно и методично осмотрел, и обыскал остатки лачуги. И, разумеется, предал земле тело незадачливого падишахского

чародея, без труда вырыв в рыхлой, влажной, и насквозь торфяной, земле, неглубокую могилу мечом. Однако ни намёка на то, куда мог бы, и каким именно образом это удалось сделать так, что киммериец не заметил, скрыться предусмотрительный чародей, не нашлось. Не иначе, Паркентский вредитель отчалил, пока Конан мирно спал.

Да и ладно: биться насмерть на болоте... Бр-р!

На возвращение к исходной стоянке ушло не более получаса: всё-таки Конан, если брался за дело, делал его капитально – гать получилась отлично заметная и надёжная. С другой стороны, непонятно было, как в такой ...аднице какой-то купец рассчитывал проложить капитальную гать?! Даже трудно себе представить – сколько на это ушло бы строевого дерева, и без того достаточно редко встречающегося в этих краях: кривоватые и чахлые сосенки-арчи, чинары, и тополя и карагачи местных предгорных чащоб явно оказались бы не слишком хорошим материалом для этого... Особенно тополя: они-то гниют в воде за буквально считанные годы!

Задерживаться на месте ночёвки Конан не стал. Просто подобрал тщательно спрятанную суму, и закинул её на привычное место – за спину. После чего неторопливо двинулся назад, по направлению к городку. Но этого направления он придерживался недолго: вскоре, когда кончился отрог хребта, тянувшийся справа от дороги, киммериец повернул на восток. А вскоре – и на север.

Через час он убедился, что направление выбрано правильно: его ожидали.

Огромный матёрый волк злобно скалился, стоя к варвару мордой, и чуть присев.

Конан скинул суму наземь, плавно вынул меч, обходя странного стража по кругу.

Однако тот почему-то с места не сдвинулся. И даже не развернул к киммерийцу туловища: следил за движением врага, поворачивая лишь голову.

Конан, приблизившись ещё, понял две вещи. Волк очень стар: потому что только старые и матёрые звери достигают такого размера в холке – ему до бедра!

А ещё – волк в капкане.

Поэтому и не может развернуть к нему туловище: чудищные зубцы челюстей стальных захватов превращают каждое движение левой передней лапы – в мучения!

Киммериец хмыкнул. Волка, стало быть, можно просто обойти. Ну и поблагодарить – за то, что предупредил своим примером, какие ловушки и препятствия чародей выставил на дороге к запасному логову. Но...

Но бросить погибать вот так – от голода и жажды, без малейшего шанса, своего фактически северного собрата, пусть и неизвестно какими путями оказавшегося здесь...

Что-то в глубине гордой и независимой души варвара противилось этому изо всех сил!

Вздыхнув, он вернул меч в ножны. Выпрямился во весь

рост, и медленно приблизился, показывая зверю пустые ладони. Волк, переставший злобно рычать, и скалиться, смотрел с очевидным страхом и отчаянием загнанной в угол жертвы. Но имелась там и гордость – волк не скулил и не поджимал хвоста! Конан сказал:

– Во имя Крома. Ведь ты – с севера, значит, и ты – его создание!..

Если не будешь кусаться – я попробую освободить тебя.

Понял ли его волк?! Похоже, как ни странно – да! Потому что вздыбленная на загровке шерсть улеглась на место, и огромные зубы исчезли под краями рта! Похоже, страх перед врагом-человеком уступил место простой настороженности.

И ожиданию!

Помощи.

Киммериец так же осторожно прошёл вперёд, и опустился на колени у передней лапы. Его голова оказалась в пределах досягаемости страшных челюстей. Однако волк не сделал и попытки добраться до шеи варвара! Конан, осмотревший захваты, вздохнул:

– Прости. Но тебе сейчас будет очень больно. Потому что я должен открыть замок пружины. Ты уж потерпи!

Киммериец встал, взявшись руками за ствол ближайшего дерева – это оказалась берёза! – и упёрся в неё обеими руками. Каблуком сапога он что было сил нажал на солидную на вид пружину – не иначе, чародей рассчитывал на медведя или человека!

Со щелчком челюсти страшного орудия открылись, и волк выдернул лапу.

Однако зверь не убежал сразу. Вместо этого несколько секунд словно рассматривал варвара – будто старался запомнить!

Конан сказал:

– Лучше не на меня смотри, а сразу начинай зализывать. Ваши собачьи повадки я знаю отлично. Да и слюна у вас, говорят, целебная.

Волк развернулся, и на трёх лапах уковылял прочь. Конан снова нагнулся к капкану. Уже не торопясь разглядел конструкцию. И маскировку.

Ага. Вот, значит, как он был спрятан. Так, что даже волк, мастер уловок и выслеживания, не смог ни учуять, ни увидеть... Ай да чародей. Мастер, ничего не скажешь.

Подлого подвоха и ловушек.

Конан двинулся дальше.

По дороге ему попало ещё три капкана, одна ловчая, смертельно опасная, петля, и бревно-таран, с шумом выскользившее на тропинку, стоило ему кинуть камень поувесистей на подозрительное место в пяти шагах впереди. Ай да чародей – два!

Но всё равно через пару часов перед варваром открылась вполне проходимая на вид долина, тянущаяся наверх с противоположной стороны хребта – вернее, кромки кратера. Он, всё так же внимательно осматриваясь, и пробуя по-

дозрительные места, свернул туда.

Ловушек больше не встретилось. Долина примерно выдерживала направление на север, что Конана вполне устраивало. Правда, ближе к вечеру густые заросли папоротника и кустов, и кривоватые деревца, покрывавшие её дно, поределли, и вскоре его взору представляли лишь голые скалы-стены, сходящиеся всё ближе, и становившиеся всё круче.

Решив, что раз после обеда прошло часа четыре, и других природных укрытий вроде таких удобных зарослей вряд ли попадётся, киммериец принялся за работу: стал рубить ветки и кусты. Через полчаса отличный, низкий, и совсем незаметный на фоне остальной растительности, шалаш, приветливо распахнул ему своё узкое, но уютное лоно. Варвар влез внутрь, прикрыл вход заранее приготовленной затычкой из цельного куста, перекусил, и... Позволил себе расслабиться и мирно заснуть.

Он был уверен, что в столь хорошо сделанном убежище его никакие летучие шпионы, даже и с великолепнейшим зрением, не обнаружат.

Ищи они хоть месяц!

Утром солнце не явило свой лучезарный лик глазам варвара. Вместо него по небу неслись, быстро подгоняемые западным ветром, сгустки серо-стальных облаков. А между стен ложины, превратившейся в самое настоящее горное ущелье, со зловещим присвистом и гулом задувал весьма хо-

лодный и неприветливый порывистый ветер.

А поскольку только-только начался август, Конану невольно пришла в голову мысль, что раз уж чародей владеет приёмами воздействия на погоду, то вот он, скорее всего, и решил «так сказать» подстраховаться: сделать приближение к своей запасной берлоге по меньшей мере – неудобным и затруднительным. Вроде того, что: «а вдруг не особо храбрый, не закалённый пронзительным холодом и прочими погодными катаклизмами, и, возможно, ещё и суеверный, наёмник – отступится?!»

После завтрака, когда Конан двигался дальше вверх по ущелью, перепрыгивая с камня на камень, и иногда переходя вброд небольшой ручей, текущий, как это обычно бывает, по дну такого ущелья, начал накрапывать, а затем и припустил как из ведра, настоящий ливень. Огромные холодные капли, бросаемые ветром прямо в лицо, заставляли варвара щуриться и отплёвываться, что, впрочем, ни на секунду не уменьшало его решимости дойти куда надо, и ни на йоту не уменьшило его умения бесшумно и уверенно двигаться по скользким и неудобным кручам: киммериец же!..

К обеду ливень прекратился. Но задолго до этого Конану пришлось-таки залезть на какой-то скальный выступ, чтобы переждать настоящий горный сель, мощным потоком смывший всё, что находилось на дне ущелья: редкие, больше уже похожие на кустики, деревца дикой алычи и урюка, кусты можжевельника, чахлую травку, оползни блестящего, словно

сланец, щебня, и даже кое-какие огромные замшелые валуны, оставшиеся, очевидно, после прохождения предыдущего потока.

Спустившись снова пониже, Конан двинулся дальше. Идти по дну ручейка после прохождения паводка было неудобно: мусор и какая-то мерзкая белёсо-зелёная слизь покрывали камни и скалы. Чтоб не оскальзываться, пришлось снять сапоги, и поработать более надёжными опорами: загрубевшими и цепкими тренированными ступнями.

Но вот наконец ущелье сузилось настолько, что ручеёк, в который теперь превратился ручей, совсем исчез под каким-то камнем: похоже, оттуда и выходил родник, дающий ему начало. Конан использовал источник, чтоб как следует напиться, и пополнить запас воды в бурдюке. Помыл и ноги, прежде чем засунуть их назад в сапоги – слизь, подсыхая на солнце, отваливалась от ступней мерзкими на вид и на ощупь, к тому же отвратительно воняющими тинной, струпьями.

Вскоре после этого варвар влез на очередную вершину – на разведку. Заглянул за гребень скалы. Хм-м.

До заката ещё оставалось часа полтора. Солнце отлично освещало панораму, лежащую перед ним: укрытая меж высоченных и кажущихся неприступными, гор и теснин, долина. Покрытая на выположенном дне мягонькой на вид зелёной травкой.

И, что странно – даже с пасущимися на ней барашком и

десятком овец.

А в центре ровного как стол, небольшого пространства – мирный миленький домик. Даже побелённый чем-то вроде извести. Ну ни дать ни взять – идиллия...

Призванная усыпить бдительность доверчивых и наивных простаков!

Конан поспешил присесть, и перевалить через гребень скалы назад: незачем вырисовывать свой силуэт на фоне неба! Однако и начать спускаться в обнаруженный «затерянный рай» варвар не торопился. Вместо этого он, высунув под прикрытием нависавшего камня голову над гребнем, принялся тщательно и придиричиво вглядываться в предстоящий спуск.

Н-да... В любом случае поход отсюда вниз наверняка не пройдёт незамеченным: вон сколько предательских оползней, только и ждущих малейшего прикосновения, чтоб с шумом ринуться вниз по склону. И ещё – сколько странных серо-белых нитей, вроде как от паутины гигантского паука, в беспорядке растянутых у земли!

Не иначе как это – устройства для сигнализации.

Чтоб оповещать обитателя, или обитателей домика о непрошенных гостях!

Или даже – самостоятельно уничтожать таковых. Если предположить, что масштабы паутины хотя бы примерно соответствуют тем тварям, что её соткали, паучищи должны быть... Как раз – с барана!

У Конана мелькнула шальная мысль: не эти ли монстры там, внизу, «пасутся», замаскированные хитро...опым гадом-чародеем под невинных травоядных?!

А что? Такая «шуточка» как раз в стиле коварного, но трусливого колдуна.

Или он только прикидывается испугавшимся Конана, чтоб ввести того в заблуждение, и заставить расслабиться от кажущейся лёгкости задачи?..

Перед варваром встала дилемма: если дожидаться ночи, то вылетят на разведку чёртовы летучие мыши, и чародею так и так станет известно о нём. А если пытаться прорваться сейчас... Неизвестно, с какими стражами ему придётся схватиться, прежде чем он доберётся до «домика», но заметит-то чародей его – в этом случае гарантированно! Ещё бы: фигуру киммерийца не увидит только совсем уж слепой!

Конан подобрал булыжник побольше. Прикинул вес и расстояние.

Изо всех сил метнул камень налево от себя: там вниз по склону скопище белёсых нитей казалось погуще: хоть одну-то из них задеть должно! Секунда, другая...

И точно – задел!

Варвар порадовался, что не полез сразу сам: внизу начался настоящий тарарам!

Он позволил себе снова чуть высунуть обмазанное на всякий случай глиной лицо сбоку из-за края спасительного валуна: ого-го!

С диким верещанием – словно стая взбесившихся по весне бабуинов! – толпа «овец», действительно превратившаяся в чудовищных пауков, неслась по направлению к застрявшему на полпути вниз камню!

А завяз тот капитально: похоже, липкость сторожевой нити была столь велика, что вес не меньший, чем у шакала, не мог преодолеть её, и заставить почти круглый булыжник мирно скатиться к зелёной травке «лужка». Фасадная, ровная, часть которого тоже превратилась в полигон, покрытый крючьями и зубьями – словно скрупулёзно построенная солдатами незабвенного короля Вездегета, оборонительная линия...

Монстры, размером оказавшиеся, к сожалению, не с барана, а с доброго телёнка, «настигли» Конановский булыжник. Похоже, он всё ещё пах его руками: твари попытались было укусить камень жвалами, а затем – и ужалить остриём размером с добрый кинжал, оказавшимся на заднем конце брюшка. Конан...

Почесал в затылке.

Но твари оказались отнюдь не глупы. Они быстро отступились.

Последовали ли какие команды из домика, или твари сами знали, что им нужно делать, но не прошло и нескольких секунд, как «стадо» оставило нарушителя спокойствия торчать в липких тенетах, и поспешно вернулось к «поеданию травы» в прежнем невинно-идиллическом облике.

А неплохо, будь оно неладно.

Ну и как ему быть?!

Ждать ночи – нельзя! Летучие.

Лезть напролом – тоже. Пауки.

Конан огляделся: не может такого быть, чтоб он чего-нибудь не!..

Валун на соседней вершине гребня поддавался его усилиям плохо.

Пришлось даже подрить наносы почвы и щебня со стороны долины мага, что лёжа делать оказалось непросто: ведь киммериец не хотел, чтоб его заметили.

Но зато уж вниз его новый «булыжник» покатился резво и громко: даже скала тряслась так, что Конан мог бы почувать и через сапоги. Если б не бежал в это время, снова скрывшись за гребнем, со всех ног – прочь: к следующему намеченному месту. Он даже не стал глядеть, как визжащая, словно гигантская стая гиен, толпа членистоногих снова ломится в бой, в погоне за его новой приманкой.

Через пяток минут он, убедившись, что этот «камешек» тоже, как ни странно, «завяз», и паучьи отродья вновь напали, «обломились», и вернулись к домику «пасть», превратившись в овечек, снова всё подготовил. И сдвинул, запустив вниз, новый камень.

Бежал Конан теперь в противоположную сторону: до очередного намеченного камня добрался через втрое большее

время. Но зато уж этот обломочек напоминал настоящий дом. Или хотя бы сарай.

Уж на этот раз варвар остался взглянуть: неужели такой огромный камень тоже – не прорвёт?!..

Камень прорвал паутину нитей. А, вернее, просто утянул её за собой, посрывав всю её плотную сеть с мест, где были закреплены концы паучьих тенет! И уже был на полпути к дому, когда на него напала тень.

Конан не удивился: когда-то же темник должен проявиться! А сейчас речь идёт о спасении имущества, или даже жизни его хозяина! Возник темник словно на пустом месте: просто встал на пути камешка, и преградил путь. Однако камень, на секунду словно застопорив свой ход, возник снова – с другой стороны тёмного облака, словно бы разочарованно полетевшего за ним. Конан не удивился: камень же – неживой! Следовательно, «проглотить» его тварь не может!

Камень докатился почти до самого домика, из которого вдруг вышел человек. Очевидно, сам маг.

Человек поднял руку, и остановил качение глыбы, которая могла бы легко раздавить его обиталище, буквально в десяти шагах от стены дома. Канаты из паутины, в которые камень обмотался, словно птица – в ловчую сеть, внезапно вспыхнули и... исчезли!

Но если Конан надеялся, что на восстановление сигнальной системы уйдёт много сил и времени, он капитально ошибся. Чародею достаточно было сделать пасс руками, и

что-то пробубнить себе под нос, и защитная паутина растяжек возникла вновь.

На старых местах.

Да чтоб ты провалился, поганец, любящий перестраховаться!..

Конан почувствовал раздражение и злость.

Но – нет.

Он так просто не сдастся!

Собрать достаточно валежника, чтоб «скатать» огромную шаровидную конструкцию в стиле «перекати-поле» оказалось трудно. Ещё бы: в окружающих долину мага горах как нарочно росли лишь чахлые кустики, да колючки! Поэтому кое-что варвар повырубал в соседней, не столь глубокой и «плодородной» долине, а кое-что, конечно, пришлось добыть, просто вернувшись назад. Но через час его «брандер» был готов.

Конан достал из сумы кремень и кресало. Высек искру на трут. Раздул вспыхнувшие крохотные язычки, и всунул вглубь шарика, высотой достигавшего ему по пояс. Мысленно помянув Крома, своего небесного покровителя, перевалил своё творение через гребень, и запустил вниз.

Глядеть, как от встречного ли ветра, или от сухости соломы, которую он положил в центр, пламя тянется за разгоревшимся не на шутку шаром на добрых пять шагов, оказалось приятно.

Не менее приятно оказалось наблюдать, как новая, «свеженаколдованная», паутина – вспыхивает, словно фейерверки из далёкого Кхатая, и с сухими щелчками и треском разлетается серой пылью! А видеть, как чешут прочь, словно от колесницы самого Мардука, чёртовы отродья-пауки, вообще оказалось восхитительно.

А ещё восхитительней оказалось пронаблюдать, как погиб снова вставший на пути ревущего огненного шара, темник: едва сполох огня коснулся чёрного тела, оно вспыхнуло ярче солнца, и... Исчезло, рассыпавшись миллиардами серых пылинок!

Однако Конан не стал дожидаться окончания спектакля, когда маг лично остановит и его огнедышащий подарочек: со всех ног он бросился в ту самую небольшую соседнюю долину, и с её гребня побежал прямо к погружившемуся уже в предзакатную черноту, дну: там он заметил весьма подходящую чашу из кустов и карликовых деревьев.

Сделал он это очень вовремя: не прошло и минуты, как солнце ушло за основной хребет, и наступили сумерки. Тот час где-то в долине мага заверещали, запищали и заревели, перекликаясь, стаи вылетевших в ночной дозор, рукокрылых.

Варвар не стал ждать, пока они появятся над головой, а, едва добежав, начал что было сил прорубать себе проход вглубь зарослей отвратительно колючей акации и кустов дикой ежевики! Там он лёг наземь, и продолжил углубляться в

чашу уже на животе.

Похоже, его тактика сработала: крики, раздавшиеся спустя всего пару минут над головой, казались наполненными разочарованием и растерянностью. Может ли чародей смотреть на то, что творится в его владениях глазами своих слуг? Конану случалось сталкиваться и с такими способностями. Ведь чтобы захватить и поработить – будь то целый мир, или просто отдельная страна! – волшебник обязан реально обладать сверхсилами и сверхспособностями. Ну и, конечно, преданными тварями и слугами-осведомителями.

Чтобы в любой момент знать о готовящихся нападениях, или опасных претендентах на его тёплое местечко!

Иначе – какой же он кандидат на звание «Владыка мира и его окрестностей»?!

Конан ещё послушал, как перекликаются и иногда проносятся прямо над головой так ничего и не нашедшие, и иногда настойчиво – словно методично пропускающий через уток и основу снава и снова свой челнок, ткач – возвращающиеся мыши-разведчики, и...

Мирно уснул.

Разбудил его вой ветра и удары грома.

Разразилась такая буря, какой ещё свет (или Паркент!) не видели! На заросли киммерийца обрушились сплошной стеной буквально потоки ледяной воды! Ветер тряс прикрывавшие его сверху кусты так, что, казалось, сейчас они и Конан улетят к самым, почерневшим, подобно бездонным пучинам

Шианнет, небесам!

Конан покачал лохматой головой: ну и дурачок же этот маг, если рассчитывает такими примитивными способами поколебать его решимость!

Не торопясь он приподнял тело из натекшей под него лужи, и... Просто передвинулся выше по склону.

А что: он, бывало, спал и не в таких условиях!..

Утром для разнообразия светило солнышко, и тишина над зарослями, в которых он скрывался, стояла буквально оглушительная – даже мухи не летали!

Конан пошкрёб ногтями в отросшей на подбородке щетине: вот чует его ...адница, что что-то – не так! Неужели у гада-мага припасено и третье запасное логово?!

Но если про первое он узнал от непосредственных свидетелей, про второе – наслушался легенд и побасенок ещё в соседнем Шеме, и получил намёк от бедолаги – придворного чародея, то где расположено третье, придётся выяснять уже самостоятельно.

А поиски наугад смысла не имеют – долго и хлопотно.

Жить в берлоге, вокруг которой не сложено массы преданий, и не ходит дурных слухов, может, и безопасно... Но вот – не соответствует оно менталитету злых чародеев: о них, будущих Властителях Вселенной, должны знать, и шёпотом передавать друг другу страшные сказки, жители всех окрестных поселений!..

Варвар тем не менее спешить не стал: подкрепился от души вяленным мясом – его запас оказался ещё вполне ничего себе! – напился вволю из пополненных запасов бурдюка. И двинулся тем же маршрутом, что и вчера: вглубь гористой местности. На логово мага он собирался теперь взглянуть с противоположной его стороны.

С верхнего конца малой долинки прямой видимости в долину мага не обнаружилось. Пришлось перебраться через ещё один перевал и хребет. А к гребню очередной горы – подбираться ползком. Но такая тактика себя оправдала: его явно никто не заметил. Потому что и овечки и ловчья полоса из паучьих нитей снова были на своих местах!

Хм-м...

Значит ли это, что маг решил, что его противник сдался и ушёл? Вряд ли. Маг наверняка знает основные привычки Конана: тот будет пытаться выполнить порученную работу добросовестно. То есть – до конца. В-смысле, до конца жизни его – мага!

Нет, колдун вряд ли считает Конана – трусом или глупцом. Вероятней всего тут приготовлен другой сюрприз. Например: Конан с огромными трудностями пробивается к хижине, а там...

А там – никого нет!

Чародей затаился в тайнике. Или удалился в запасное убежище, вероятней всего, спрятанное внизу: под почвой долины.

Потому что нет для чёрного мага ничего любимей и привычней, чем сырые и запутанные тёмные подземелья!

Посопев и раздражённо подёргав щекой, Конан отступил, и спустился назад в долину: нарубить побольше смолистых веток на факелы.

Через гребень он перевалил практически не скрываясь. Ткнул уже зажжённым факелом в ближайшую серебристо-белую паутинную нить. Та, как и в прошлый раз, вспыхнула, передав импульс остальным нитям. И те рассыпались с хлопком в серый порошок.

Конан продолжил спуск, с подозрением глядя на барана и его овец.

Но те оказались учёными: вначале долго его рассматривали.

Этой форы Конану оказалось достаточно: он приблизился настолько, что смог прицельно метать кинжалы, которыми был щедро оснащён его любимый пояс.

Работал Конан спокойно и методично: десять стальных зубьев – десять поражённых тварей! Одиннадцатого монстра – барана! – варвар просто насадил на меч, не без отвращения пронаблюдав, как из раны на вздутом брюшке потекла омерзительная молочно-жёлтая жижа: не то гной, не то – кровь уродливого чудища!

С противным чавканьем тварь сползла с острия, когда киммериец опустил меч вниз. Устрашающего вида жвала всё

ещё продолжали трепетать и двигаться в тщетной попытке добраться до врага.

Конан оглядел поле битвы: только три из поражённых паучьих отродий пытались ещё как-то достать до него. Подойдя, он просто отрубил им головы. Отрубил и остальным поверженным: мало ли! Вдруг – коварно прикидываются?!

И только после этого он вынул из хитинисто-волосатых тел драгоценные метательные кинжалы и тщательно отёр о землю. Спрятал аккуратно в гнёзда на широком поясе, которым был теперь опоясан. Проверить, легко ли футовые лезвия выходят из своих ячеек, не забыл. Двинулся к двери домика.

На пороге пришлось остановиться, чтоб глаза привыкли к полумраку. Но когда Конан вошёл, никакого чародея внутри, конечно, не оказалось. Вместо него киммерийца поджидали трое воинов: самого свирепого вида, и в полном вооружении. Сабли оказались в руках, и щиты надёжно прикрывали тела.

Варвар сразу догадался – это те, похищенные темником на базаре! Но...

Может, они ещё в состоянии понимать его?

Нужно попробовать. Потому что убивать ни в чём неповинных, кроме того, что, насколько он мог судить, позволили себя заколдовать, солдат, не хотелось бы. Он поднял правую руку вверх, показав, что в ней нет оружия:

– Это вы – воины из стражи наместника Паркента?

– Да, чужеземец.

– И чего вам от меня надо?

– Убить тебя!

– Но почему?!

– Потому что ты хочешь убить нашего повелителя, великого и богоподобного Лая!

– А почему вы думаете, что я хочу убить его?

– Он сам нам так сказал!

– Понятно. А... Скажем, попытаться уговорить вас не убивать меня я не мог бы?

– Нет! Довольно слов! Защищайся, проклятый наёмник!

Конан подумал, что действительно: слов было сказано даже больше чем надо. Но...

Но обычно его враги, или слуги магов, желающие «просто убить» его, так много не разговаривают. Значит ли это, что он может попытаться...

Как-нибудь расколдовать их?!

Впрочем, этот вопрос быстро отошёл в область теоретических, потому что на него напали с трёх сторон, и напали профессионально! И варвару пришлось даже отступить из хижины – на оперативный, «так сказать», простор!

Здесь его тяжёлый, но более массивный меч можно было использовать куда эффективней, чем в тесноте комнатёнки, где удары лёгких сабель так и сыпались со всех сторон! Ему даже нанесли пару царапин: не смертельно, конечно, но – обидно!

Теперь Конан не церемонился: перерубил одну из сабель

у рукояти, и треснул её слегка растерявшегося хозяина мечом по голове: плашмя, разумеется – иначе тот оказался бы располовиненным до паха! Второго удалось остановить подножкой, и солидным пинком в печень, пока бедолага пролетал мимо.

С третьим пришлось повозиться: воин попался немаленький и неробкий. Обращаться с саблей и кинжалом, теперь зажатым в другой руке, умел. Но и киммериец не зря провёл лучшие годы в неустанных битвах и работе. Потому что если б не блистательное умение владеть любым оружием – жизнь его давным-давно... Вот именно.

Последнего нападавшего Конан исхитрился обмануть.

Варвар вдруг остановился, отскочив от сардора, поднял глаза на дверной проём, и как бы удивлённо крикнул, разведя руками:

– Слушаюсь, господин! Раз вы приказываете – не убью!

Не оглянуться за спину на такую провокацию мог бы наверное, лишь гений предусмотрительности и сообразительности. Каковым заколдованный воин явно не являлся.

Ну вот и получил удар огромным кулаком в темя – прямо за ухом, у кромки шлема. После чего отправился мирно «досыпать» на травку поляны – где уже корчился от боли второй воин, и лежал, словно срубленный ствол, первый.

Конану осталось треснуть стонущего мужчину по голове тоже, и крепко связать всю троицу их же поясами, и кусками верёвки, что имелась в его необъятной суме – киммериец

припас её в том числе и для таких случаев. Убедившись, что воины упакованы надёжно, и даже зубами друг другу путы не развяжут, Конан вернулся в хижину.

За первой, ничем не заинтересовавшей его комнатой с огромным очагом-печью и простым дощатым столом у окна, и со стоящими рядом лавками, обнаружилась вторая – вероятно, опочивальня мага. В убранстве этой главенствующее место, похоже, занимал тоже стол – огромный, почерневший от пролитых на него колдовских снадобий-зелий, и даже с кое-где проеденными ими насквозь, дырами. О том, что весь он был уставлен разными сосудами, стеклянными и керамическими, и странными приборами, и говорить не нужно: иначе какой же это стол чародея?!

Киммериец довольно долго оглядывал каморку: простая походная кровать в углу, узкая, вряд ли особо удобная. Тюфяк-матрац, набитый соломой. Прикрыт застиранной линялой тряпкой-простынёй не первой свежести. Два табурета, слегка искривлённых и явно скрипучих. На стенах, и под потолком, за досками стропил – веники и пучки высушенных трав. В углу – сундук. Тоже наверняка набитый бутылочками с зельями, мешочками с сушёнными крысиными хвостами, толчённой «печенью единорога», пеплом священного папируса, разными магическими амулетами, книгами, и прочей бессмысленной чепухой.

Вздыхнув, киммериец подошёл к сундуку. Да, втроём такой как раз можно...

Он довольно легко справился и один.

Лаз, открывшийся его взору, даже не был прикрыт крышкой: Конана словно приглашали!..

Ох уж эти чародеи. Всё-то у них – стандартно. Предсказуемо. И... Скучно.

Конан вернулся в первую комнату. Пошарил за печью. Есть! Ну правильно: ведь маг – не маг, а кормить воинов, которые ещё во плоти, нужно чем-то вполне реальным!

Жаль, конечно, жертвовать явно уворованным с базара мешком пшена, но – жизнь дороже. Подумав, он прихватил и полмешка риса, стоявшего тут же, в углу.

Первым в зев подземелья полетел мешок с рисом. Ну и – ничего. Мешок так и остался лежать на дне, у основания деревянной лестницы, ведущей на глубину добрых трёх его ростов. Варвар скинул и мешок пшена, после чего спустился сам.

Нормальное подземелье: проход в обе стороны. Ну правильно: чтоб ему было повеселей! А то как-то слишком просто получалось бы!..

Пойдёт-ка он для начала – направо.

Закинув за спину оба мешка, и подняв над головой чадящий факел из корявой ветви можжевельника, Конан шагнул было вперёд. Э-э, нет! Вон тот участок пола... Как-то он подозрительно выделяется! И цветом, и структурой.

Конан бросил вперёд, на странный квадрат, мешок пшена.

Люк открылся, мешок провалился. Люк закрылся обрат-

но.

Конан выругался – про себя. Подошёл ближе, встал на колени. Попробовал нажать на крышку: подаётся легко! Но... Но до мешка – как до луны: он «почил», напоровшись на острые деревянные зубья, на глубине добрых десяти его ростов!

Проклятье! Бэл его задери! Кто же копал такой глубокий колодец?! Не иначе – те бедолаги, что связанными лежат сейчас там, снаружи.

Хм-м... А маг-то... Не ограничивается полумерами. Нужно иметь в виду.

Через предательскую крышку люка Конан перепрыгнул: два шага для него – ерунда! Но вот дальше... Дальше пришлось кидать вперёд последний мешок.

Этот остался лежать на странном участке пола коридора, заваленный теперь сверху грудой камней – размером с того же доброго барана!

Варвар позволил себе поругаться вдоволь – теперь уже вслух.

Неграл его задери!

Ему попался методичный и последовательный мерзавец. Перестраховщик. Ну а о том, что он очень дорожит своей шкурой, можно и не говорить. Отсюда мораль: ловушки на-верняка не кончились.

Придётся вернуться: он видел в закутке за печью мешки с машем и коноплём...

Спустя два часа, обливаясь потом, моргая от едкого дыма догоравшего десятого факела, и проклиная хитро...опого мерзавца, Конан обнаружил, что сделал полный круг – и вернулся к лестнице уже с другой стороны. Обход тёмного и сырого подземелья потребовал ещё одного мешка – с конопляным семенем! – а мешок с машем варвар так и принёс снова к лестнице.

Ну, что теперь? Может, ещё и поставить мешок на место за печь?!

Делать нечего: придётся вылезти. Хотя бы чтоб отдышаться. И пообедать.

Обедал Конан прямо за столом в первой комнате. На стены и неразборчивые из-под кляпов ругательства упакованных сардоров внимания не обращал. Иногда, правда, варвар бросал заинтересованные взгляды на печь.

Собрана явно из саманных кирпичей. Даже не обожжённых. Да и зачем? Ведь земле не страшен огонь. Печь походила на универсальную: какая-то странная комбинация – и плиты и печи. Такие он видел в далёкой Немидии. Можно и спать, если зима выдалась особо лютой – вон там, наверху. А можно и еду готовить: вон на тех конфорках, на выположенной как бы плите...

Странно.

Закончив трапезу, Конан подошёл ближе, и влез с очередным факелом буквально в самый зёв.

Ага!

Вот как маг ушёл.

В дальнем углу топки имелся колодец. Наверняка ведущий в *настоящее* подземелье!

Ну-ка, где тут наш любимый неиспользованный мешок?!..

Крышка вертикального глубокого колодца оказалась из дерева – это сказало Конану о том, что на самом деле огонь в *этой* топке не разжигался никогда. Да и ладно. Главное – что спуск в тёмное пространство подземелья он предварил традиционным сбросом мешка с машем. Мешок... опять уцелел.

Тогда варвар и сам спустился по узкой – только-только ступню поставить! – длиннющей лестнице, имевшейся внутри. Он насчитал шестьдесят ступеней. Та-ак, это, стало быть, если считать по локтю на ступеньку... Восемь его ростов. А прилично!

Коридорчик, открывшийся у основания лестницы, оказался узким и тесным. Сырой землёй воняло ещё сильнее, чем в первом, ложном, подземелье. Но зато проход был один. Киммериец не торопясь, поминутно оглядываясь, и приближая ко всем подозрительным местам чадающие и трескучие от смолы факелы, двинулся вперёд. Ход шёл, насколько он мог судить, прямо под главный хребет. И точно: скоро пошёл лаз, выдолбленный в скале!

Внезапно пространство и без того чёрного тоннеля впереди ещё потемнело: киммериец понял, что перед ним опять

возник темник! Варвар мгновенно разделил две ветки, что держал пока как один соединённый факел, и метнул тот, что побольше, в темника!

Ох и полыхало!

Конану пришлось даже отбежать, ругаясь и шипя от боли в обнажённой груди и лице: он точно остался без бровей и части волос! Да и лицо теперь – наверняка красней, чем внутренности рыбы-палтуса!..

Но сгорел очередной темник очень быстро, так же оставив после себя на полу тоннеля лишь серую пыль и мерзкую слизь...

Сердито отдуваясь, и щурясь – вспышка на долю секунды лишила-таки его кошачьей остроты зрения! – варвар снова двинулся вперёд.

Странно. Вроде, маг не мог не понимать, что в тёмные тоннели и проходы Конан не полезет без открытого огня. И уж он-то отлично знает, что его детище против этого самого огня не выстоит! Зачем же посылать столь преданного и ценного слугу на верную смерть – без единого шанса?!..

Конан остановился. Проверил ещё раз своё хозяйство: меч, кинжалы, связка сучьев и нарубленных стволов арчи, сума за плечами... Всё, вроде, на месте. И в скале ловушек не больно-то понастроишь... Но вот чует его ...опа – что-то не в порядке!

Варвар привык доверять своим инстинктам, а потому очень быстро, почти бегом, кинулся, как шёл – согнувшись

в три погибели, назад – к лестнице.

И вовремя!

Глухой шум стало слышно лишь вблизи: это сверху в колодец летели камни и кирпичи, и просто – комья земли! Значит, проклятый хитрец как-то заглушил предательские звуки!

Ещё минута – и лаз оказался бы полностью заблокированным выросшей у его основания почти до потолка тоннеля, кучей!

Сжав зубы и прищулив глаза, Конан ринулся вверх по ступеням, пытаясь всячески увернуться от сыпавшихся сверху предметов и комьев, и отплёвываясь от набившейся тут же в рот и нос, пыли. Тяжёлые удары по голове и плечам лишь пришпоривали его мысли и движения: нельзя терять сознание, и уж тем более – останавливаться!

Он молил Крома лишь об одном: чтоб те, кто орудовал там, наверху, не догадались разломать саму лестницу!

Но, вероятно, маг установил лестницу надёжно. Или заколдовал. Так, чтоб никто ни при каких обстоятельствах не мог её испортить. Предусмотрительно, конечно...

Но в данном случае – в пользу Конана!

Когда он появился, словно грозный бог подземного мира Мардук, в туче пыли и весь – в земле, воины, которые уже доломали разломанную самим варваром перед спуском печь, и теперь скидывали вниз и её обломки, дробя кирками (один), и сбрасывая лопатами, (остальные двое!) и земляной

пол хижины, невольно отпрянули!

Конан с рыком, достойным действительно – Мардука, исправил свою ошибку: поотрубал головы с лицами, на которых застыло выражение фанатичной преданности.

Заодно дал себе слово: никогда больше не пытаться «вернуть в нормальное состояние» тех, кого очередной сволочь-чародей заколдовал. Себе дороже выходит!

Только когда обезглавленные тела попадали наземь, варвар протёр засорённые и слезящиеся глаза. Потряс головой: из лохматой шевелюры высыпалась настоящая груда песка и земли. Да и тело... Грязища! Бэл его раздери!

Ладно, теперь хорошо б хотя бы... Помыться.

А то стыдно даже перед чародеем – не то, что перед самим собой!

Никакой чародей, разумеется, при выходе из хижины не обнаружился: ещё бы! Конан уже понял, что тот трусоват, и в открытый бой вступить лично – просто не осмелится.

Чтобы помыться пришлось спуститься в дальний конец долины: там берущий в её противоположном, верхнем, конце, ручеёк, образовывал настоящий маленький пруд.

Когда Конан, скинув пояс с кинжалами, штаны и сапоги, влез в воду, вокруг него расплылось безобразное чёрно-коричневое пятно. Он безгласно отодвинулся подальше: на чистое место. Окунулся. С наслаждением протёр себя руками: до чего приятно чувствовать, как растворяются и отлипают

комья и грязь, в которую превратилась от его же пота пыль! Варвар снова, уже надолго, погрузил в воду голову – чтоб окончательно вымыть из смоляных жёстких волос всю труху и землю.

Когда вынырнул, обнаружил, что от пояса с кинжалами, меча и одежды, его отделяет фигура в чёрном плаще: маг собственной персоной!

Конан долго ничего не говорил, и даже из воды не торопился вылезать, так и оставаясь стоящим в пруду по грудь. Зато лицо мага, отлично освещаемое предзакатным солнцем, изучал пристально: точно! Этого мерзавца он раньше где-то!..

– В Бритунии, Конан, в Бритунии. Ты тогда убил моего учителя, Великого Упсалу. За что тебе, кстати, большое спасибо. Потому что под старость лет эта сволочь стала раздражительной и нервной. Меня, как ученика, колдун тогда гнобил и унижал особенно сильно. А уж как чародей боялся тебя!.. Кто-то там, какой-то древний дух, обитавший в его магических предметах, нагадал, что он погибнет от рук сурового северного воина с огромным мечом. И что даже всё его наследие будет уничтожено – тем же северянином.

А поскольку я не без некоторых, – маг позволил себе невесело и криво ухмыльнуться, – оснований считаю себя наследником Упсалы, естественно, что я тоже имел причины бояться тебя! Поэтому – уж не взыщи. Я убью тебя.

Конан молчал, выжидая. Ну вот не может такого быть,

чтоб маг не приготовил на прощанье чего-то *этакого*. Оригинального и пафосного. Позволившего бы порисоваться.

Хотя бы перед самим собой!

Все они этим грешат!

И точно. Маг, видя, что варвар не отвечает, спросил:

– Может, последнее желание? Женщину? Вкусный обед?

Кувшин вина?

– Пожалуй. Насчёт кувшина доброго вина – хорошее предложение.

– Без проблем. Только... – и уже совсем другим тоном, в глубине которого звучала не ирония, а – сталь, – Выйди из воды, подняв руки – так, чтоб я их видел!

Конан, криво усмехнувшись, нарочито медленно двинулся вверх по пологому илистому склону, молясь про себя лишь об одном: только бы не поскользнуться! Но всё прошло благополучно: он выбрался из воды без осложнений. Стоя на песчаной отмели, киммериец чувствовал, как его рассматривают. Но не подал виду, что его это бесит, потому что знал – маг только этого и добивается!

Даже руки варвар держал так, как приказал маг: ладонями вперёд и вверх.

Маг, шагах в пяти от которого киммериец теперь стоял, остановленный жестом ладони, довольно долго изучал взглядом обнажённого киммерийца: словно какой-нибудь коллекционер – редкостное украшение. Поцокал губами. Сказал тихо, обращаясь словно к самому себе:

– Надо же, *какая* фигура... Ты действительно выглядишь, как настоящий мужчина: мускулистый, пропорциональный, целеустремлённый. Лицо грубовато, но по-своему красиво. Я бы тоже хотел... Но – специфика, сам понимаешь! Или ты накачиваешь мышцы: в сотнях боёв и походов. Или уж – мозги: в тиши каморок и подземелий, в сотнях часов зубрёжки рун древних фолиантов...

Конан промолчал.

– Жаль, не удастся перевербовать тебя, или сделать своим рабом, как вон тех, – маг презрительно кивнул за спину, – Но это не получилось бы с тобой. Слишком сильная воля, слишком независимый нрав. Гордость.

Конан промолчал и на это. Он просто смотрел магу в глаза.

Маг вздохнул:

– Хорошо, Конан. Вот тебе твоё вино!

Но когда маг поднял руки, и раскрыл было рот, чтоб сделать уже знакомые Конану пассы, стремительная молния метнулась к его груди откуда-то сбоку: Конан разглядел недавнего знакомого: огромного волка!

Маг, однако, не был удивлён или сбит с ног: он оказался защищён чем-то вроде невидимого кокона, оболочка которого вдруг вспыхнула голубыми искрами и сполохами!

И тело нежданного помощника, налетев на невидимую до этого преграду, с воем и треском отлетело назад!

– Неплохо. *Так*, с напарником-волком, на меня ещё не пы-

тались нападать! – маг покачал головой, – Но от прикосновения *живых* я надёжно защищён! – тут чародей поднял руки, явно готовясь расправиться с рычащим и злобно скалившимся животным, тщетно пытавшимся прорваться к телу врага сквозь вновь ставшую невидимой, защиту!

Конану так не хватало именно этого: чтоб кто-то, или что-то – хотя бы на краткий миг отвлекли внимание колдуна от рук киммерийца!

Варвар не стал спрашивать, защищён ли маг от «неживых»: вместо этого он, до этого постепенно, как бы осознав бессмысленность сопротивления, опустивший руки вниз, довёл до конца долго подготавливаемое движение, и без замаха от бедра метнул кинжал – один из тех, что обычно хранились в голенищах его сапог!

Маг схватился за грудь: именно туда, пронзив худощавое тело насквозь, вонзился злой стальной зуб! Расширившиеся глаза сказали Конану, что он застал мага врасплох!

Хрипящий и хватающий ртом воздух Лай передвинул ладони на рукоять...

Однако ни сказать что-то, ни вынуть кинжал чародей так и не успел: словно поняв, что чары сняты, волк кинулся на чародея, и сбил-таки с ног! Встав над телом поверженного врага, он, теперь беспрепятственно, закончил дело: мощные челюсти в одно краткое мгновение перегрызли горло колдуна!

Конан, уже не торопясь, взглянул наверх, мысленно исто-

во поблагодарив своего сурового покровителя – Крома! Он не сомневался: это именно его Небесный защитник послал ему столь странного напарника! Этого волка!

После краткой мысленной благодарности варвар прошёл три шага, отделявшие его от лежащего на земле и ещё хрипящего тела. Наблюдать агонию совсем уж было расслабившегося и торжествовавшего победу перестраховщика Конан не стал. Тем более, что он, в отличии от большинства своих противников-колдунов, не получал наслаждения от наблюдения за страданиями жертвы.

Вместо этого киммериец повернулся к серому напарнику, и сказал:

– Спасибо. Ты пришёл вовремя.

Волк, разумеется, не ответил, но посмотрел киммерийцу в глаза.

Конан кивнул ему.

Повернулся снова к поверженному трусу. Тот явно умирал. Тогда Конан вынул из голенища лежащего сапога второй кинжал, и перерезал до конца всё ещё слабо трепещущее горло. С позвоночником пришлось повозиться – всё-таки – не меч! – но он справился.

И вот уже остекленевшие глаза чародея смотрят в его глаза с высоты зажатой в руке отсечённой головы, которую киммериец держит за волосы. Но прежде чем обратиться в последний раз к поверженному магу, Конан глянул на «напарника»:

– Тело – если хочешь – твоё!

Волк, сразу резко, словно презрительно, отодвинувшийся от туловища, снова посмотрел варвару в глаза.

Конан хмыкнул:

– Согласен. Я тоже не стал бы *такого* есть!

Он повернулся к голове, где ещё светились странным блеском глаза:

– Отвечаю на единственный, и наверняка мучающий тебя вопрос. Киммерийцы *никогда* не лезут в воду, не прихватив оружия. Хранят его воткнутым в ил между ног. А где спрятали, вылезая из воды...

Зажал между ягодицами! Тренированные мускулы. Всё ясно?

Странно, но глаза мигнули.

Конан кивнул:

– Ладно. Нехорошо издеваться или глумиться над мёртвыми. Но если б я спросил о *твоём* последнем желании, ты бы насторожился. И мне не удалось бы так просто убить тебя, – Конан не извинялся и не старался оскорбить мертвеца. Он просто констатировал факт, – Итак. *Твоё* последнее желание!

Голова промолчала. Но – Конан мог бы поспорить на остаток своего гонорара! – глаза сменили выражение удивлённого гнева на – просто ненависть.

Откровенную и понятную.

Однако киммериец вовсе не был в претензии.

Ненавидеть его – право каждого. Чародея. Будь то – живого, или мёртвого.

Он положил голову рядом с собой на траву, и полез в суму: где-то там, в её необъятных недрах, хранилось всё необходимое и для таких случаев.

Последнее прибежище очередного несостоявшегося Властелина Мира: простой полотняный мешочек, наполненный самой обычной солью...

Ему нужны «доказательства».

А наместник наверняка отлично помнит лицо наглого чародея.

Тайную долину они покинули, двигаясь рядом. Перед походом вполне спокойно и мирно пообедали вяленным мясом из Конановских запасов. Зверь спокойно шёл у ноги киммерийца, всем видом показывая, что совсем не боится того. Конан понимал, что на перекрёстке они расстанутся, потому что слишком разные у них пути и судьбы.

Но он был рад, что судьба, или небесный Покровитель свели его с мужественным и надёжным другом хоть на краткий миг.

И он совсем не жалел о предстоящем расставании: ведь они, работая «командой», добились того, чего хотели!

Один из них – отомстил!

А другой – честно заслужил свою плату!

2. Конан и Опал Нэсса.

«... и будет богатой и благополучной жизнь жителей страны,

когда опал получит, что предназначено ему Скрижалями, и Избранные двенадцать взойдут на моё ложе!»
(Из Кодекса пророчеств Тимуды Несравненной.)

– Стой, где стоишь, или превратишься в дикобраза!

Конан аккуратно поставил на землю приподнятую было ногу.

Неторопливо повернулся, не забыв, впрочем, проверить, торчат ли из голенищ сапог рукоятки верных кинжалов, и удобно ли будет, если понадобится, выхватить меч. Его поразило не столько то, что он, опытный воин, вор-профессионал и следопыт, не обнаружил присутствия врагов, сколько то, что голос звучал тоненько-пискляво, и слышался словно от земли – как если бы говоривший сидел, и был маленьким ребёнком.

Поэтому картина, открывшаяся его взору, не явилась для варвара сюрпризом: человек, который отдал ему приказ, оказался карликом, и его рост не превышал трёх футов. Впрочем, при более внимательном осмотре странного воина выяснилось, что тот всё же не совсем карлик – у тех головы как у обычных людей, а тело непропорционально мало – а, вроде, лилипут. Всё в его фигуре казалось вполне пропорцио-

нальным: и голова, и торс с жилистыми руками, держащими небольшой лук с наложенной стрелой, и ноги, обутые в миниатюрные, но хорошей выделки, сапоги.

– Это ты, что ли, собрался утыкать меня стрелами? – в голос Конан старался сарказма или иронии не подпускать, чтоб ненароком не обидеть кроху, хотя ему уже стало смешно. Смешно от нелепости ситуации: как если бы белка сказала тигру, что сейчас она его загрызёт!

Его собеседник отнёсся к вопросу серьёзно: махнул рукой, и приказал:

– Бойцы. Покажитесь.

Из-за кустов с обеих сторон прогалины бесшумно вышли, или с земли поднялись, около двадцати лучников. Выражения лиц у них оказались достаточно свирепы, чтоб Конан поверил, что они и правда могут пострелять в него. И не успокоятся, пока не достигнут того эффекта, который обещал предводитель. Поэтому он кивнул:

– Я понял. И чего вам от меня надо?

Предводитель, казалось, опешил на долю секунды. Потом вновь нахмурил брови:

– Нам – ничего. Кроме того, чтоб ты объяснил, какого Варкисса *ты* зашёл на нашу территорию, и чего *тебе* здесь надо?

Конан невольно почесал в затылке. Но врать смысла не увидел:

– Собственно говоря, я иду за опалом Нэсса. Мы кое с кем

договорились, что я достану этот камень из заброшенного Храма Пурха, и этот «кое-кто» отвалит мне за него немного денег. Или много. Это уж, смотря на чей взгляд.

– Так, понятно. А почему ты не спросил нашего разрешения на проход через нашу территорию?

– А потому что до вот этой самой минуты я и не знал о вашем существовании. Меня никто не предупредил о том, что этот лес – чья-то собственность. Но если дело только в этом, я готов исправить ошибку: я, Конан-варвар, приношу свои искренние извинения, что вторгся в ваши владения без спроса. И прошу вашего разрешения на проход через вашу территорию! – Конан всегда считал, что глупо завязывать бой, когда можно попытаться договориться. Да и не хотелось ему этих милых бедолаг убивать.

Предводитель, казалось, смутился ещё больше. Потом глянул на своих подчинённых, и жестами подозвал к себе троих более пожилых мужчин отряда. Они о чём-то оживлённо зашептались, изредка бросая на киммерийца сердито-настороженные взгляды.

Затем троица расступилась, и предводитель вышел чуть вперёд:

– Мы, вообще-то, торгуем с людьми из Шопесты. И они отлично знают и нас, и наши правила. Так что нам непонятно, как они могли тебя не предупредить... Но мы знаем и тебя, Конан-варвар. И верим тебе на слово. Потому что ты – человек чести. Поэтому если ты пообещаешь, что не тро-

нешь наших селений, и не будешь покушаться на наших женщин, мы разрешим тебе проход через наши владения, и даже дадим проводников – чтоб ты скорее вышел на путь к Храму. Устраивают тебя наши условия?

Конан огромным усилием сдержался, чтоб не рассмеяться от души.

Их женщины! Покуситься на крошек, едва ему по пояс!.. Ха! Но...

Может, они действительно, искренне верят в то, что их женщины – самые желанные и красивые?!

Да и на здоровье! Ему разные экзотические туземочки, разумеется, нравятся, но – трёхфутовые!.. Это уже перебор.

– Я, Конан-киммериец, обещаю вам, что не буду покушаться на ваших женщин. И селенья ваши не трону.

Четверо командиров переглянулись. Предводитель сказал:

– Принято.

Все остальные воины словно расслабились, и некоторые даже стали засовывать стрелы назад в колчаны, и вешать луки через плечо. Конан подумал, что они, похоже, и правда его знают. И доверяют.

Надо же. Как далеко и широко разошлась молва о нём...

Поэтому он протянул руку:

– Конан!

Предводитель пожал её:

– Мэрдок.

Подошли и остальные трое. Конан познакомился с Лайоном, Вудро и Томом.

– Вудро и Том проводят тебя до границ наших владений. А нам нужно продолжать дежурство. Так что извини – и прощай! Удачи тебе.

А деловой подход. Конан благодарно кивнул, и не без интереса проследил, как крошки бесшумными тенями словно растворяются в гуще леса. Он не удивился, что это произошло так легко: весь костюм воинов весьма подходил для маскировки: по общему охристо-бурому фону камзолов, рубах и штанов были разбросаны зелёные, тёмно-зелёные, и жёлто-коричневые пятна неопределённых форм. В таком наряде действительно легко затеряться в чаще, освещённой солнцем. А для ночи...

– Скажи, Вудро – если это не секрет, конечно! – Конан двинулся туда, куда ему рукой указал малыш, – На ночь вы переодеваетесь в чёрную одежду?

Вудро подумал, пошкрёб подбородок. Затем всё же ответил, прищурив глаза:

– А ты быстро всё схватываешь. Сразу чувствуется профессионал. Да, на ночь у нас есть чёрная одежда. И ещё плащи с капюшонами.

– Понятно. Однако мне непонятно вот что: вокруг на десятки миль – ни одного жилья. (Ну, я имею в виду – человеческого жилья.) От кого же выставляете столь сильные пикеты-посты?

– А-а, ну да. Люди из городов и сел к нам заходят очень редко. Но пикеты мы выставляем сейчас не от них, а... Впрочем, откуда же тебе знать про... – Вудро почесал теперь в затылке, – Видишь ли, Конан, разной нечисти здесь водится предостаточно. Совы-гарпии, пантеро-львы, ежесуслики, мохнатые кровососы... Хуже всех – странствующие медведи – молодые самцы. Или, скажем, стаи гиено-лисиц. Многих мы можем остановить вот такими, – Вудро кивнул за спину, – пикетами. Хотя убить человека тут может даже тварюшка размером с палец, – воин показал фалангу маленького пальчика, – Например, звенящая многоножка. Жутко ядовитая, и живучая. Пока не раздавишь в блин, будет пытаться уку-сать...

Поэтому в наши леса люди, как ты верно подумал – не заходят просто так. И не потому, что тут пожить нечем. Очень даже есть чем. (Собственно, на этом, ну, на дарах леса, мы и живём: охотой, рыбалкой, ягодами-грибами, орехами, и всём прочем.) Но вот пшеницу тут, как и остальные зерновые, вырастить сейчас невозможно.

Их вытаптывает и пожирает копер. Вернее, стадо коперов. Конан хмыкнул:

– Что ещё за стадо коперов? Никогда не слышал.

– И не удивительно. Они обычно живут как раз там, возле развалин Храма. А к нам приходят в поисках еды. (они всеядны) Но никогда дальше нашего леса не заходят. Мы сами долго думали, пытались по-всякому бороться с ними: охоти-

лись, стреляли отравленными стрелами, – Вудро похлопал себя по колчану, – заманивали в волчьи ямы, ставили капканы, накидывали сети... Ничего их не берёт: они – словно заколдованы!.. Коперы ещё и очень свирепы. И крупны: в одиночку с копером даже такой сильный воин как ты, – Вудро не без уважения снова окинул варвара оценивающим взглядом с ног до макушки, – вряд ли справится. Именно поэтому, как мне кажется, твой наниматель и не сказал тебе про коперов и про нас. Похоже, он не столько хотел получить свой опал, сколько – избавиться от тебя. Скажи честно: ты наступил кому-то в Шопесте на хвост?

Конан... призадумался.

А ведь и правда: он «наступил» кое-кому там, в захолустном, и каком-то тусклом и пыльном, городе-на-перекрёстке-торговых-трактов, на хвост! Очень даже неплохо причём наступил. И вполне может оказаться, что купчишки, которых он «пощипал», всё же договорились. И скинулись.

И вот Саидакмаль, глава их Гильдии, вызвал его глухой ночью, через доверенного охранника, с постоянного двора, где Конан кормил местных клопов на неудобной жёсткой постели, и предложил «столь важное и выгодное дельце, что справиться может только такой опытный, отважный и сильный воин, как ты! И принесёт оно тебе выгоды... Гораздо больше, чем если... (Хитрое подмигивание!) Ну, ты понимаешь!»

Любопытно. Внимательно разглядывая Саидакмаля, вар-

вар тогда подумал, что, похоже, и правда – дельце не настолько «простое». Об этом ему сказали и такие моменты, как покусываемые губы, отводимый в сторону и вниз взгляд, и крупные капли пота на лбу и шее солидного пожилого мужчины.

Но если честно, Глава гильдии произвёл на Конана, скорее, благоприятное впечатление. Такому больше подошло бы быть не начальником оголтелой своры жуликоватых наглых прашелыг и мелочных торгашей, какой, на взгляд киммерийца и являлась Гильдия купцов Шопесты, а, скажем... Достойным отцом и дедом многочисленного семейства.

Да и вообще: если совсем уж честно, многое в чёртовой Шопесте казалось Конану не совсем нормальным. Ну, хотя бы то, что при малейшем громком шуме все жители, где бы ни находились – на базаре, или на кривых и немощённых грязных улочках, неизменно вскидывали головы к небесам, и начинали истово осенять себя местным знаком почитания богов. Городской заменитель Мирты – некто Нэсс! – хоть и считался «добрым» богом местного пантеона, однако, как обнаружил не без удивления киммериец, любимым ругательством мужчин было: «Нэсс тебя забери!» Женщины же вообще никогда не упоминали этого имени. И предпочитали общаться, даже торгуясь, полушёпотом...

Впрочем, «заморочки» местной религии и нравов не слишком беспокоили киммерийца – с той точки зрения, что он абсолютно безнаказанно «пощипал» троих наиболее со-

стоятельных купцов, и даже дом казначея местного падишаха, а его всё ещё не пыталась арестовывать здешняя тайная полиция. Что говорило о том, что местная элита или не слишком верит в её способности схватить гиганта-северянина, или...

О том, что «обработанные» предпочитают, чтоб про его «работу» местный Правитель не узнал.

Имелся ещё вариант, который ему подсказало поведение, и присказка простых граждан: «На всё – воля Нэсса!». Может, поэтому к своей судьбе многие относились как, скажем, к солнцу на небе: светит – хорошо. Скрылось за тучи – тоже хорошо. Конану казалось, что ничто не в состоянии пробудить местных жителей от состояния равнодушной как бы летаргии, и наплевательства по отношению ко всему на свете.

В том числе и к своей судьбе.

И ещё эти граждане казались киммерийцу запуганными. И уж явно не местной полицией и стражей: те и сами казались какими-то потерянными, и даже строевых упражнений, или учений никогда не проводили. (Он выспрашивал об этом специально!)

Про людишек с таким «менталитетом» однажды метко сказала одна из его очередных боевых «подруг» – кушитка Аста: «Словно их пыльным мешком по голове трахнули!..».

Однако как бы Глава гильдии не превозносил способности и отличные физические данные варвара, и какими бы радужными ни казались перспективы «поработать» за хоро-

шую плату с какой-то там древней реликвией, Конан всё же доверял больше своему чутью.

Поэтому и потребовал тогда с Саидакмаля сразу треть суммы: в задаток!..

– Хм-м... А как эти коперы хотя бы выглядят? И какого размера?

– Ну... Размером копер с верблюда. Большого верблюда. И выглядит почти так же. Однако: и шея у него мощней, и ноги – толстые, как у слона. И – главное! – кожа очень толстая и прочная. Ни одна наша стрела так, по-моему, никогда её и не пробилла. Может, поэтому и не действует яд из молочая. – Конан подумал, что и правда: не выглядели тощенькие луки малышей так, чтоб можно было пустить стрелу с достаточной скоростью и силой, – А ещё у копера очень крупная голова. Нет, не так: я бы сказал, что это не голова, а просто – пасть! С отличными, острыми и крепкими, зубами! Которыми копер прекрасно может разжевать: что человека, что, скажем, бревно. Мы первое время пытались убивать их толстыми копьями из огромных самострелов – так вот они эти копия перекусывали на раз!

– Н-да, похоже, серьёзный противник... – Конан коротко глянул на Тома, который за всё время беседы так рта и не открыл, а только изредка согласно кивал, – Но как же тогда вы с ними справляетесь?

– Хе-хе... Ты верно вычислил: раз мы до сих пор выживаем, значит, нашли кое-что... Средство. Мы коперов – просто

отпугиваем. Они не выносят запаха бледных поганок. Поэтому мы стали тщательно культивировать эти грибы: их плантации буквально окружают все наши деревни. И ещё – вот! – Вудро покопался за пазухой, и извлёк нечто, похожее на ладанку. Только большую, – Здесь – сушёные бледные поганки! Человек-то своим носом их не чует вообще, а вот копер – за десять шагов! И – сразу фыркает, разворачивается, и убегает!

Конан усмехнулся, покачав лохматой головой:

– Надо же!.. Человек всегда найдёт средство! А можно у вас попросить: и мне такую же ладанку? Не бесплатно, конечно: скажешь, что вам нужно.

– Хм. А ты быстро схватываешь суть, Конан-киммериец. Ладно, думаю, если дать тебе такую ладанку, ты и правда, никому про неё не расскажешь, да и про нас тоже... Но для этого нам придётся сделать крюк. Пройти через деревню кера Горсида, потому что от нашей мы уже далеко.

Надеюсь, он не будет против.

Кер Горсид оказался почтенным на вид старцем. Всё, что положено старейшему Главе рода у него имелось: и седая окладистая борода, и длинные, благородной формы усы, и умные, сохранившие юношеский задор, глаза. И выдержка: когда ему доложили что прибыл Конан-киммериец, да ещё и с такой странной просьбой, он и бровью не повёл.

– Значит, ладанку, говоришь? – осанистый старик осто-

рожно потерял густую бороду, ниспадавшую почти до груди. Затем оглянулся на четверых обступающих его соратников: старцев примерно его возраста, явно – советников и помощников. А в будущем, вероятно, и преемников, – А вы как думаете, друзья?

Сердито глядевший на Конана крайний справа старик, отличающийся непропорционально крупной головой, и животом, словно у любителя пива, буркнул:

– А с чего бы это нам делиться нашими секретами с каким-то проходимцем, который разболтает про нас по всему Средиземью?! Пусть убирается побыстрее, пока жив!

– Я понял твоё мнение, почтенный Баддок, – Горсид, ничем не выказав эмоций, взглянул по другую сторону от себя, – А что скажет почтенный Дольбер?

Дольбер оглядывал варвара, склоняя голову то к одному плечу, то к другому. Очевидно, это помогало ему: не то размышлять, не то – оценивать пришельца.

– Думаю, Конан-киммериец и сам не захочет про нас кому-нибудь рассказывать, даже если мы не попросим его дать слово киммерийца. А мы попросим. Так, на всякий случай. Правда, Коссип?

Тощий высокий – побольше трёх футов! – старец рядом с Баддоком степенно покивал. Он, как и Том, за всё время знакомства и последующего разговора не произнёс ни слова. Но варвара рассматривал тоже очень внимательно: хитринка в глазах маленького человечка не позволяла сомневаться в

житейской умудрённости и деловой хватке.

– Кархо?

Последний из старцев сказал весьма весомо:

– Мы все слышали о Конане-киммерийце. Мы знаем, что он, хм... Скажем так: забирает у богатых то, что у них имеется в избытке. И никогда Конан не позволял себе обидеть неимущего, или слабого. Поэтому я тоже, как и многие из нас, – при этих словах «почтенный» Баддок сердито дёрнул пухлым плечом, – считаю, что Конан – человек чести. И поверю ему на слово, если он его даст.

Кер Горсид покивал с довольным видом. Сказал:

– Конан-киммериец. Согласен ли ты дать слово никому не рассказывать о нас, и наших секретных способах борьбы с коперами?

Киммериец, уже раз дав обещание насчёт женщин, не видел смысла препираться из-за того, что не стоило ему никаких усилий.

– Согласен. Более того: если я достану опал, и буду возвращаться через ваши владения, я обещаю, покидая их границы, вернуть вам ладанку, если вы мне её сейчас дадите.

– М-м-м... Думаю, такой вариант устроит нас всех, – Горсид обвёл глазами всё своё воинство, и не встретив возражений даже со стороны всё ещё свирепо посверкивающего глазками, и поджимавшего пухлые губы Баддока, хлопнул в ладоши.

Прибежавшая девушка могла бы считаться красивой. Да-

же очень красивой – если б была соответствующего роста. Вот теперь Конан понял, почему малыши настаивали, чтоб он пообещал «не трогать женщин»!

Горсид что-то пошептал девушке на ухо, показав руками что-то круглое и небольшое, девушка метнулась за спины старцев, и вбежала в дверь самого большого бревенчатого дома, судя по всему как раз и служившего резиденцией общинного Совета, на пороге которого сейчас и стояли его члены. Вернулась она буквально через минуту, в руках что-то держала. Горсид бережно взял это.

Конан увидел ладанку – такую же, как у Вудро, но несколько большего размера.

– Конан! Прошу тебя нагнуться, и одеть на шею, если это не противоречит никаким твоим верованиям! – старец выступил чуть вперёд, и взял в обе руки шнурок, на котором ладанка висела.

Конан степенно подошёл, нагнулся. Старец аккуратно надел ему на шею оберег, прошептав чуть слышно: «Во имя Мирты Пресветлого!»

Ладанка, казалось, ничего не весила.

– Теперь ты защищён. – Горсид поднял ладонь как бы пресекая попытку Конана задать вопрос, – Ты нам за неё ничего не должен. Но мы просим тебя: если будет возможно, верни нам её в целости по завершении твоей миссии.

Конан отступил на шаг и почтительно поклонился:

– Благодарю, почтенный Кер Горсид, и вас, господа, за

оказанные мне честь и доверие. Обещаю вернуть этот талисман, если... Вот именно: будет такая возможность.

– А что, возможность может и не представиться?! – это снова влез буквально шипящий от плохо сдерживаемой ярости Баддок.

– Может. К примеру, если меня убьёт стража Храма Пурха. Или землетрясение отделит меня от этого леса. Или наводнение сделает долину Мазори непроходимой... Мало ли что в жизни может случиться! Человек, как говорит поговорка, предполагает, а лишь Мирта Пресветлый – располагает!

Четверо старцев-старейшин переглянулись, с хитрыми улыбками поглядывая и на отдувающегося недоверчивого собрата. Тот, заметив их взгляды, предпочёл промолчать.

Конан кивнул головой:

– Благодарю ещё раз, почтенные. А теперь – прощайте!

– Счастливого пути, Конан!

Проход через деревню запомнился Конану: нет, не самими небольшими и аккуратно сработанными избами из почерневших от времени и замшелых понизу, брёвен, и не натянутыми меж ними верёвками с развешенными на них бельём и одеждой. И не крошечными аккуратными огородиками с разной зеленью: в-основном, как понял Конан, с корнеплодами.

А – женщинами.

Они теперь выглядывали буквально из каждого окна, и

провожали его та-а-акими взглядами... Конан то краснел, то бледнел: с таким вожделием, так оценивающе-призывно, словно кошки – на сметану, на него и самые прожженные шлюхи Шадизара не смотрели!

Да что же это такое?! Своих мужчин им, что ли, не хватает?!

Впрочем, деревню они покинули быстро, и уже через три минуты хода она полностью скрылась из глаз: не знать, что тут людское поселение – так и не найдёшь никогда! Конан порадовался за лесной народец: действительно, отличная маскировка, продуманная оборона, разумный подход к решению проблем. Полное самообеспечение всем необходимым. Да ещё и торговля...

Похоже, эти малыши выживут, что бы ни случилось.

До границы леса дошли, как Вудро и сказал, за два часа. Солнце уже клонилось к горизонту, и Конан оглядывал открывшуюся с прогалины долину Мазори тщательно: искал место для возможной безопасной ночёвки.

Том, до этого так и не проронивший ни слова, вдруг снял с плеча котомку приличных размеров, которой разжился в деревне, где Конану дали ладанку:

– Конан. Возьми. Тут продукты. На пару дней тебе должно хватить. Это моя двоюродная бабушка собрала – она живёт в деревне Горсида. – голос у человечка оказался высокий, словно у мальчика до ломки, и очень тихий.

Конан поколебался было. Но нельзя отказываться от того, что предлагают от души: маленький воин может обидеться. А ему не хотелось обижать крошечный народец. Тем более, после того, как они доверились ему, и помогли.

– Спасибо. Я ценю ваше гостеприимство. И помощь. – он потрогал ещё раз ладанку на загорелой обнажённой груди. Затем попрощался крепким рукопожатием с обеими проводниками, и стал спускаться по заросшему высокой травой пологому склону. Оглянувшись шагов через пятьдесят, обнаружил, что воины ещё ему машут. Конан и сам помахал.

Но когда оглянулся ещё через шагов сто, на опушке уже никого не было.

Солнце коснулось горизонта в дальнем конце долины.

Конан, неторопливым шагом приблизившийся к груде обломков скал, скинул наземь свою суму, и Томовскую котомку. Обошёл вокруг нагромождения: всего-то в нём и оказалось шагов двести в окружности, и вблизи они уже не так сильно, как издали, напоминали полуразрушенную цитадель. Конан вздохнул: нет, только великаны или боги могли бы построить крепость из камней такого размера: самый маленький оказался размером с избу. Правда, такую, как в деревне малышей.

Покачав головой, киммериец забрался на самый высокий столб-монолит. Тот казался тёмно-коричневым, и его весь покрывали жёлто-бурые охристые прожилки и потёки. Кона-

на поразило, что его меч странно заколебался у него на поясе: будто ожил, и захотел спуститься вниз, ближе к камню.

Такое явление Конан уже встречал: не иначе, камень содержит ту чудесную руду, которая притягивает железо. Киммериец вынул меч из ножен и приложил лезвием к камню. Точно! Меч свободно висел почти вертикально, и держался прочно: чтоб оторвать обратно, пришлось покрепче упереться обеими ногами в камень...

С вершины открывался бы хороший вид. Днём. Сейчас же оказалось видно только то, что впалая равнина и дальше покрыты островками низкого кустарника, и травой. Вдалеке, на фоне розовеющего вечерним закатом горизонта, выступала только одна зловеще угловатая тень: Храм, к которому он и шёл. А таких странных груд камней, где он решил сейчас устроиться на ночёвку, больше почему-то нигде не имелось. Как и каких-либо других следов присутствия человека.

Ну и ладно. По-крайней мере, он сможет развести костёр и укроется от ветра. Которого, впрочем, здесь и так почти не ощущалось.

Немного дров у Конана в суме сохранилось. Он подумал, что нужно было взять больше – знал же, что Храм Пурха стоит на болоте, и там разжиться сухой древесиной вряд ли удастся. Однако поздновато сожалеть: нужно поужинать, да ложиться спать.

На ужин киммериец поджарил себе кусочки мяса, нанизав их на прутики: остатки окорока марала, который вчера

очень неосмотрительно подставил бок под его самодельное копьё. Но поскольку печень он съел раньше, оставалось сказать спасибо и за жестковатое мясо явно пожилого животного: всё лучше, чем сушёные лепёшки и безвкусная вяленая солонина, которые он захватил в наивной надежде на то, что управится с «миссией» за какие-нибудь три дня!

Какое там. Он потратил эти три дня только на то, чтоб добраться сюда, а до конца пути ещё как минимум сутки: до Храма явно с десятков миль! Похоже, командир малышей Мэрдок предположил правильно: от него просто... хотели отделаться!

То ли – хотя бы на время, то ли уж – навсегда!

Ну так шиш же им! Он докажет этим трусливым и коварным купчишкам, что слово Конана – это слово Конана! Обещал принести – и принесёт. Конечно, если только опал действительно существует, и до сих пор хранится в Храме Пурха, Конан его добудет! И вот тогда этому поганцу Саидакмалю придётся раскошелиться!..

Согреваемый приятными мыслями об увесистых золотых кругляшках, Конан вытянулся на своём повидавшем виды одеяле из шкуры горного козла, и некоторое время чутко внюхивался в не слишком приятные ароматы-миазмы, источаемые трясинной, и вслушивался в окружающую ночь, рассматривая дивно мерцающие звёзды.

Нет, подозрительного или непривычного – ничего! И – никого!

Впрочем, если что-то отличающееся от привычного стрёкота цикад, трелей лягушек, шёпота ветерка, зуда вездесущего комарья, или криков летучих мышей и прозвучит, или поблизости окажется кто-то злобный и опасный, имеющий нехорошие планы в отношении киммерийца, его охотничий инстинкт обязательно заставит его проснуться, как уже случилось сотни раз! Поэтому он смело мог пускаться в дальние экспедиции в одиночку, не беря никаких спутников-напарников, и не оставляя никого сторожить: он сам себе и сторож и лучший охранник!

Проснулся Конан внезапно. Но остался лежать так, как лежал – прижавшись спиной к шершавому и ещё тёплому, днём нагретому солнцем, камню. (Стало быть, спал недолго! По всем ощущениям сейчас – около полуночи!) Что-то в окружающем пространстве происходило. И это что-то явно было направлено против него!..

Он продолжал внимательно вслушиваться, и вглядываться сквозь полуприкрытые веки в окружающую тьму, разгоняемую лишь светом звёзд – луна как раз отправилась на перерождение! – и вскоре понял: его пытаются окружить, чтоб напасть со всех сторон сразу! Крошечные точки отблесков от глаз то исчезали, то появлялись по периметру примерно двадцатишагового кольца. Жаль, что костерок Конана прогорел до конца, и превратился в золу: судя по расстоянию между глазками, и их высоте от земли, они принадлежали

каким-то небольшим животным, вроде койотов или лисиц.

А вот если б у него был постоянный огонь, такие твари просто не подступились бы. Но для этого дров пришлось бы захватить настоящую вязанку!

Ну да и ладно. Ему не привыкать.

Конан незаметно сжал ладонь на рукояти меча и приготовился к атаке.

Она не замедлила начаться!

Раздался отрывистый лай – словно команда! И свора кинулась к нему.

Варвар вскочил на ноги, и метнул шкуру-одеяло налево от себя – в ближайших нападавших. Те на долю секунды замешкались, и он смог поразить тех, кто кинулся на него прямо спереди: лезвие меча пропело смертоносную песнь, и вот уже три небольших силуэта корчатся, жалобно скуля, на траве у его ног, а Конан мощным взмахом обрушил трёхфутовое лезвие на тех, кто задержался из-за шкуры!

Поражено ещё двое!

За остальными ему уже пришлось бежать: без единого звука рассеянные остатки стаи кинулись врассыпную! Но Конан смог метко брошенным мечом пригвоздить к земле ещё одного!

Подойдя, он убедился, что последний поражённый мертв: меч прошёл сквозь спину, и вышел из брюха. Варвар аккуратно вытащил оружие из небольшого тела, отёр его о шерсть. Точно: или лисица, или койот! Не очень-то хочет-

ся даже рассматривать их вблизи: мясо падальщиков обычно несъедобно – оно жёсткое и вонючее. (Впрочем, когда ничего другого не оставалось, ему приходилось довольствоваться и таким!)

Но Конан всё же пожертвовал несколькими щепочками, и вновь разжёг костерок, чтоб рассмотреть шесть тушек по-лучше.

Да, лисицы. Степные. Оранжево-бурый окрас шерсти, пасть, усеянная мелкими треугольными зубками, лапки с небольшими коготками... Интересно: как они могли рассчитывать справиться с ним, большим и хорошо вооружённым, с таким плохеньким «оружием»?! Вывод можно сделать лишь один. И неутешительный.

Звери, такого как он размера, до сих пор оказывались лёгкой добычей. А с вооружёнными людьми стая, похоже, до этого не встречалась. Что тоже говорит о многом.

В частности, о том, что люди предпочитают сюда не со-ваться.

Значит, выводы о том, что его послали на смерть, в третий раз подтверждаются.

Конан позволил себе сдержано усмехнуться.

Бараны. Они не знают, с кем связались.

Тем приятней будет посмотреть в их заплывшие жиром перепуганные глазёнки.

Утром он открыл котомку бабушки Тома.

М-м, а неплохо! Домашние пироги, кулебяка, колбаса, сыр... Он мысленно поблагодарил и бабушку и Тома, после чего с аппетитом уничтожил добрую половину припасов: Том явно не мог предположить такого. Обычному человеку – да, могло бы хватить на пару дней.

Но Конан – и не обычный человек.

С довольным видом он откинулся на скалу за спиной, и поковырял кончиком кинжала в зубах: если б не эти припасы, пришлось бы думать о том, чтоб повытаскивать печёнки из поганцев лисиц-койотов... А так его избавили от грязной работы по свежеванию.

Спуск казался незаметным, но Конан видел: туда, куда и он идёт, текли и небольшие ручейки, где-то впереди сходящиеся в нечто вроде мелкого ручья, откуда он мог в случае чего и напиться, и пополнить запасы воды.

Конан шёл неторопливо – он знал, что здесь враги не подкрадутся незамеченными.

И точно. Не подкрались.

Вместо этого с обеих сторон из-за кустов ежевики, и ошестинивающихся сухими стеблями и острыми листьями бугорков осоки к нему устремилось почти одновременно, словно по сигналу, с добрый десяток весьма грозно выглядевших тварей, до этого, очевидно, лежавших в засаде на брюхе, прижав морды к земле: вон, жидкая грязь на животе и шее некоторых ещё не высохла!

Если б не описание, он бы удивился. А так подобия вер-

блюдов на толстенных волосатых ногах сразу заставили его потрогать лишний раз ладанку на шее.

Не прошло и двух минут, как коперы, набегающие теперь и сзади, отрезая его от скал «крепости», окружили его. Бэл! Ну и монстры!

Вот уж действительно – не голова, а сплошная пасть. И сейчас эти пасти, которыми свободно можно было бы отхватить его голову, грозно лязгали, и истекали слюной.

Но в десяти шагах от него твари словно налетели на невидимую преграду: бегущие впереди вдруг предупреждающе – не то заржали, не то заревели, и вот уже копыта-лапы вспарывают борозды в траве и земле, тормозя массивные тела! Монстры, окружавшие теперь киммерийца почти правильным кольцом, переглядывались, как показалось варвару, с неподдельным удивлением и досадой. Однако никто невидимой черты переступить, похоже, не стремился! Значит...

Для проверки Конан сам сделал шаг – в нужном ему направлении.

Толпа «эскорта» почти одновременно – словно они репетировали это заранее! – тоже сделала шаг: туда же. Однако кольца стая не разорвала.

Варвар усмехнулся: надо же... Впрочем, с «почётным караулом», или без него – двигаться вперёд надо. Не стоять же здесь неизвестно сколько, в надежде, что твари потеряют к нему интерес?!

Идти в компании злобно пялящихся и фыркающих, да

ещё и постоянно, хоть и тщетно, облизывающихся и хлопающих пастями монстров, оказалось вовсе не так весело, как он себе представлял: посмотреть-то на это представление было некому! Поэтому Конан просто шёл, куда ему было нужно, и больше не заботился о маскировке и тишине: с такими топаящими и взрыкивающими спутниками он уж точно ни от кого не спрячется.

Заодно киммериец рассматривал монстров. Те уже не казались вот прямо совсем непобедимыми: кроме пасти и копыт, (вернее – подобия копыт: ноги-колонны заканчивались настоящей стопой, как у слона – вероятно, на таких удобно передвигаться и по песку, и по болоту!) подходящих орудий для нападения у зверей не имелось. Кроме того, действительно крупными были только два животных. Остальные в холке не достигали и Конановского плеча. Он прикинул, что будь они с таким один на один, он бы сладил легко. Уязвимые места: длинная выдающаяся вперёд шея, глаза. Сердце – в груди спереди.

Но позволить ему проверить эту мысль на практике коперы не спешили: никто так и не приблизился к нему. Правда, и не отстал...

Через час киммериец повернул к воде, хлопая сапогами по прибрежной грязи, и опустился на колени, чтоб набрать свежей воды во фляжку, и напиться из ручья, превратившегося, скорее, в небольшую и неглубокую речку, и по берегам поросшую низкорослым рогозом и камышом. Коперы поче-

му-то восприняли это как личное оскорбление: трое встали на дыбы, и начали размахивать копытами в воздухе, остальные начали не то топтаться, не то гарцевать на месте, сердито косясь на него, и ревя громче обычного: комья грязи и пучки травы из влажной земли под ударами копыт так и летели!

Конан не придумал ничего лучше, как зачерпнуть воды в свои широкие ладони, и брызнуть в ближайшего копера.

Эффект поразил его самого: с ржанием, достойным лучших скакунов, и такой же прытью, стадо сорвалось с места, и умчалось прочь!

Надо же! Они что – не любят купаться?! Вот грязнули.

Он позволил себе рассмеяться, а затем и выругаться на шемитском.

Ладно, возможно, тут скрыто что-то большее, чем просто нелюбовь к бледным поганкам или чистой воде. Может, как раз здесь и нащупается слабина того, кто сотворил омерзительных тварей.

А Конан уже не сомневался, что странных монстров кто-то сотворил умышленно. И, вероятней всего, как раз для защиты и охраны территории вокруг бывшего Храма.

Другое дело, что Храм давно заброшен и бездействует. Но...

Бездействует ли он на самом деле?!

Ведь он сам об этом знает только со слов чёртова Саидак-маля.

А тот, как уже стало понятно, отнюдь не был заинтересо-

ван говорить варвару правду!

При внимательном рассмотрении по мере приближения оказалось, что Храм Пурха не столько разрушен, сколько «недоразрушен». Не так уж много обломков валялось вокруг чернеющей весьма впечатляюще на фоне неба, вполне цельной конструкции.

До «руин» Конан дошёл к вечеру. Задержался, потому что останавливался в тени столпа-камня на обед. После обеда отдыхал, и тщательно изучал равнину ещё раз – уже с высоты столпа, над которым позволил себе только приподнять голову, телом оставаясь за замшелым выветрившимся укрытием.

Ну и ничего интересного. Или опасного.

Кроме самой мрачной чёрно-серой громады коробки Храма в дальнем конце долины, на заднем плане декорированной густым лесом.

В сам Храм Конан вглядывался особенно долго и пристально.

Да, нельзя сказать, что тут живут. Иначе вон тот портик давно восстановили бы, обломки от входа убрали, дыру в потолке заделали, да и траву с крыши повыкосили бы... Однако ни следов присутствия поблизости людей, ни коперов, варвар не заметил. Что само по себе, конечно, ничего не значило: сколько раз его вот так, с помощью внешних признаков заброшенности и безлюдности, пытались ввести в заблуждение!

Но всё равно: идти внутрь придётся. За опалом. Который находится там, в здании.

А именно – в главном зале, украшая лоб какого-то там древнего Божества: Конан не запомнил сложного имени из трёх частей, на каком-то тарабарском диалекте, которое ему назвал глава Гильдии купцов.

Парадный вход, который сейчас был скрыт наиболее густой тенью, поскольку солнце заходило как раз позади Храма, Конана не впечатлил. Он видал монументальные порталы, украшенные и попомпезней. Однако не через него же он собирается входить?!

Весь опыт варвара говорил ему о том, что проникать в такие места в процессе «работы» лучше не «в лоб», а – через «запасной» путь. И, чтоб враг по возможности и не догадывался, что *оттуда* может быть совершено... Проникновение.

Чуть продвинувшись вправо, киммериец пригляделся внимательней: да, вот с этой стороны, под прикрытием кустов, а затем – и отвалившихся от здания блоков, пожалуй, удастся подобраться незамеченным, кто бы ни сидел там на страже.

Единственное, что нужно – чтоб солнце окончательно зашло за горизонт. Ну а луны как раз нет.

Удачно он выбрал время!

Перебраться, цепляясь за стыки между каменными бло-

ками-кирпичами, и корни вездесущих кустов, цепко въевшихся в малейшие трещинки кладки стены, на крышу бокового портика, профессионалу труда не составило. После чего оставалось только тихо, так, чтоб камушек не шелохнулся, перейти по почерневшей от непогоды и времени крыше постройки, поросшей травой, поселившейся на нанесённым ветрами весьма впечатляюще толстом слое почве, выше – к центральному своду.

Чуткий наблюдатель, сидевший где-то глубоко внутри варвара, исподволь отмечал, как загадочно-зловеще выглядит лес, до которого оказалось на самом деле не меньше пары миль. Как подозрительно тихо в пучине окружавшей Храм если не трясине, то – очень жидкой топи: ни одной трели лягушек-жаб, как известно, не упускавших столь удобного для жизни, и буквально кишевшего москитами, комарами, и прочей летуче-кусачей мелочью, болота. И что даже ночные птицы или летучие мыши не показывают свои силуэты на фоне звёздного неба, на котором, как назло, не имелось ни облачка.

Вот именно это: то, что не было – не то, что жабьих рулад, а даже стрёкота сверчков и цикад и писка куда-то исчезнувших комаров! – и настораживало варвара сильнее всего. Эти твари нутром чувствуют, где опасно, и не суются туда. А, казалось бы, в здешних-то заливных лугах и топях им – самое раздолье!..

Киммериец протянул руку. Почти нежно коснулся вы-

щербленных каменных прямоугольников кирпичей, плавно переходящих в купол свода – высота приземистой полусферы не превышала десятка шагов. Но стоит ли лезть туда, наверх, к центральному отверстию-окну, вот так: сходу?

Крохотный червячок сомнения грыз его давно – с того самого момента, как он с верхушки замшелого столпа увидел громаду впечатляющих размеров в этом пустынном, неплодородном, и вообще – столь не подходящем для объекта поклонения и массового паломничества, месте. Вот чует его сердце – не для верующих и адептов какой-то там религии его возводили.

А для фанатиков!

Здесь пахнет, как, впрочем, и обычно в его приключениях – тёмным, и чуждым людской морали и совести, запретным культом!..

Зрение позволяло киммерийцу видеть в темноте не хуже кошки. А в свете звёзд ему вообще грех было жаловаться на видимость. Поэтому он, наплевав на естественное желание сознания как можно быстрее проникнуть внутрь, и покончить с неприятным и хлопотливым делом, двинулся по крыше вокруг купола, не забывая оглядываться и чутко вслушиваться.

Есть.

Он бросил туловище вниз, и наотмашь ударил мечом назад – даже не глядя!

Чёртова тварь, шелест кожистых крыльев которой он

услышал за несколько мгновений до того, как обошёл купол по периметру до конца, не успела даже заорать: меч напрочь отсёк ей голову, часть груди и одно из крыльев!

Осмотр бьющегося в агонии тела оказался интересней, чем результаты обхода, который не принёс, собственно, ничего нового: ну, трава и трава, ну, обломки – и обломки.

А вот тело летающего монстра сказало Конану, кроме того, что принадлежало какой-то чудовищной помеси летучей мыши и утки, ещё и о том, что кто бы ни придумал и не создал эту тварь, для охраны здания Храма снаружи, в людях не нуждался: огромные навывкате глаза, источающие сейчас лютую ненависть и животный ужас от осознания скорой смерти, явно в темноте позволяли видеть отменно, а утиный, непропорционально огромный клюв, чем-то так напоминал коперов!..

Хотя бы зубами: те оказались почти как у чёртовых «верблюдов»: острые, треугольной формы. Ну и правильно: чего мудрить, раз нашёл подходящую, надёжно работающую конструкцию. Каждый чародей, при всех их комплексах и жажде мировой власти, всё же остаётся в глубине души, как давно понял киммериец, банальным... Лентяем!

Крылья в размахе достигали, вероятно, десяти шагов: если б было нужно, такой монстр легко мог бы унести в когтистых лапищах целого барана... Но Конана такое чудище не могло ни удивить, ни остановить: видали и пострашней.

Поэтому оставив истекавшего остатками чёрной вонючей

крови монстра лежать на месте, киммериец принялся исследовать и остальное пространство крыши, чутко всматриваясь и вслушиваясь в окружающее безмолвие: мало ли!..

Обход позволил найти три, вроде, подходящие для проникновения, дыры: первая как раз почти там, куда он вначале подошёл: она находилась чуть левее места, с которого он начал обход круглой конструкции. Вторая представляла собой настоящий пролом в боковом портике: камни кровли и стены обрушились, не то от времени, не то – от землетрясения, и пролезть мог не то, что Конан – а и стадо коперов.

Однако по здравом размышлении Конан решил, что землетрясений на болотистой почве не бывает. Следовательно – это проседает, медленно разрушаясь от времени и сырости, фундамент. И это место в кладке наиболее слабо, и, разумеется, ненадёжно.

Поэтому для визита внутрь он предпочёл третью дыру: она располагалась на почти противоположной от разрушенного портика стороне, и выходила на заднюю сторону строения: как раз на лес.

Протискиваться сквозь треугольную щель оказалось трудно: в глубине стен пятифутовой толщины она становилась и уже, и иззубренней. Но киммериец не потому получил прозвище лучшего вора Ойкумены, что отступал перед трудностями, или искал лёгких путей: он мог, при необходимости, просочиться почти в любую щель – совсем как змея. Вернее – змей!

Внутри оказалось темно.

И даже свет, который по-идее должен был просачиваться внутрь из окна-отверстия в центре купола, и из пролома разрушенной стены напротив, да и из входного портала, не рассеивал непроглядного мрака, царящего в гулком и явно пустом пространстве. Которое, как чуял Конан, давно никто не нарушал присутствием: пахло лишь пылью и плесенью.

Бесшумно развязав горловину своей сумы, Конан достал крюк с привязанной к нему верёвкой. Он прикинул, что её пятидесяти ярдов ему должно хватить с избытком – до пола не должно быть больше десяти.

Крюк удалось закрепить надёжно: за несколько особо хорошо сохранившихся кирпичей. Верёвка бесшумно ушла вниз, мягко спускаемая умелыми руками. Конан ещё раз оглядел крышу, настойчиво вслушиваясь в почти звенящую тишину.

Ничего.

Он перекинул перевязь с мечом за спину: так-то оно понадежней будет!..

Ладно, лезть надо.

Где-то после десятого ярда спуска он начал пытаться нащупать пол ногой.

Нет. Нет... Вот ушёл вверх и узел на верёвке, обозначающий двадцать ярдов, а пола так и нет. Хм-м... Странно. Может, пол главного зала – ниже уровня земли? Вряд ли. Потому что тогда он был бы весь залит грунтовыми водами, и

здесь плескалось бы озеро.

Когда верёвка закончилась под ногами, Конан все равно слез до последнего узла на самом конце – пытаюсь-таки хоть что-то нащупать... Тщетно.

А вот прыгать с неизвестной высоты на неизвестную поверхность – не дело. Потому что мало ли какую гадость измыслило чёрное коварство очередного мага, который тут поработал! Можно напороться, скажем, на острые колья. Или – лезвия ножей. Или...

Вот именно – лучше не пытаться это выяснить на собственной драгоценной шкуре!

Придётся возвращаться.

На подъём ушло минут десять: Конан старался свои злость и усталость сопением не выдавать. Теперь он вынужден был перейти к тому пролому, куда легко вошёл бы отряд всадников. Крюк, правда, пришлось закреплять за башенку портика, а не за крошащиеся под пальцами кирпичи кромки пролома.

Верёвку он разматывал уже быстрее, и спускался не так тихо.

Но – с тем же результатом. Дна не было!

Да что же это...

Киммериец раздражённо сплюнул прямо на крышу, на которой снова сидел: странные тут творятся вещи. Не иначе, как пространство внутри главного зала не намерено подчиняться его представлениям о том, каких оно должно быть

размеров.

Ну да и ладно. Раз внутри всё так же тихо, и пахнет по-прежнему тленом веков, придётся-таки идти напролом. Не сидеть же у входа до рассвета?!

Но идти вслепую в такое странное место... Чёрта с два!

Он, всё ещё стараясь действовать бесшумно, спустился на землю. Прошёл к порталу. Постоял, вслушиваясь. Бэл раздери: он же чует, что – никого!..

Конан, уже не боясь звона кремня о кресало, разжёл трут и несколько оставшихся щепок прямо тут же – у порога входного проёма. Запалил от костерка приготовленный факел. Поднял над головой: вперёд!

Вход выглядел обычно. Ну портал и портал. Дверей вот только нет и в помине: то ли украли какие расхитители, то ли их и не было. Зато пол зала оказался выложен искуснейшими мастерами: такую прекрасную мозаику из различных пород цветного камня Конан редко видел и во дворцах. Однако стен почему-то видно не было, как бы высоко он свой факел ни поднимал!

Киммериец старался быть внимательным к щелям в полу: неровён час, нарвёшься на какую-нибудь ловушку... Но если прямо у входа оказалось нанесено немного пыли, на которой не отпечатался, впрочем, ни один след – ни людской, ни звериный! – то дальше вглубь зала не имелось и пыли, и отлично сохранившие полировку плиты отбрасывали обратно в глаза слепящие блики от его факела.

Конан решительно зашагал прямо: ему описали зал, хоть и не предупредили, что тот окажется настолько огромным: только через добрых десять минут вдали наконец показалась задняя стена.

Да что же за шутки здесь выкидывает его чувство времени и пространства?! Или это – такое колдовство? А хорошо. Для служителей. Получается, снаружи Храм – крохотный (Ну, сравнительно!) каменный куб, а внутри можно спокойно разместить хоть базарную площадь огромного города. Да, кажется, и не одну!

Пол под ногами перестал складываться в разные узоры и геометрические фигуры, а превратился в чёрный монолит: похоже, из обсидиана. Конан подивился: отполировать столь твёрдый и неподатливый при обработке материал мог только очень настойчивый и сильный мастер. Нет – мастера! Десятки, сотни работников! Вооружённые прочнейшим инструментом. И располагающие огромным запасом времени...

Кто же на самом деле построил этот Храм?! Похоже, он куда древней, чем кажется. И поэтому – опасней.

Ловушки древних династий и народов понять и обнаружить куда сложнее! А уж обезвредить...

Но вот под ногами снова оказалась мозаика из вычурно-изящных изображений цветов, побегов, линий, и фигур разных цветов: мрамор, гранит, песчаник, ещё что-то... А вот сами узоры показались странно знакомы!

Конан сердито поджал губы: точно! Ещё бы не знакомы!

Он опять вышел прямо к входному portalу, будь он неладен!

Да что же это?!

Он ведь не слепой, и не полный идиот – шёл всё время прямо! Тут-то он уверен в себе.

Но...

Но получается – что не прямо.

Ах, вы так, значит, со мной...

Конан коротко рыкнул, поднял факел, сгоревший уже больше чем наполовину. И стремительно ринулся в тягуче-вязкое, и словно издевающееся, пространство...

Провести остаток ночи в бодрствовании и повторении тщетных попыток варвар особого смысла не видел. Поэтому постелил у входа своё одеяло, и даже не позаботился положить под изголовье кинжалы: теперь-то ему было отлично понятно, почему внутри нет даже следов звериных лап. Уж звери-то чувят *такое!*..

Разбудило солнце – Храм древние строители расположили таким образом, что его восходящие лучи попадали как раз в портал входа, образуя на пыли и плитах подобие дорожки, истаивающей там, в глубине таинственно полутёмного зала.

Вот по этой неверной дорожке варвар и двинулся, даже не позавтракав, и удивляясь, почему это свет не проникает через окно-отверстие в куполе: по идее, должен бы. Однако в центре купола не видно было даже хоть сколько-нибудь

светлого пятна. А ведь круг этого окна имел не меньше пары шагов в поперечнике!

Завтракать пришлось там же – у входа. Потому что поход натошак в глубину Храма и при солнечном свете оказался безуспешен: спустя каких-то двадцать минут варвар вышел вновь ко входу. Серdito поглядывая на стены – ничем выдающимся в смысле декора те не порадовали: простые, и даже не отполированные каменные блоки кирпичей! – Конан расправился с припасами, собранными давешней бабушкой. Но котомку не бросил, (мало ли!) а спрятал назад в свою необъятную суму. Теперь нужно подумать.

Раз в лоб, прямо, не пройти, должен найтись какой-то другой способ. Ведь не может так быть, чтоб сами жрецы и строители этого древнего безобразия не предусмотрели *для себя* прохода – хоть какого-нибудь! – к алтарю! Алтарю, видимому теперь при свете ослепительно сияющего солнца, там, вдали – у задней стены, и словно айсберг, возвышающемуся над струящейся над самым полом дымке таинственного сумрака.

Конан стал внимательно рассматривать плиты. И скоро заметил кое-что.

А ведь похоже на Лабиринт! Если попробовать идти по вот этим лозам, они, возможно, могут вывести...

Однако следование по предательски извивающейся ядовито-красной дорожке через час снова привело его ко входу, заставив описать, как он понял, полный круг!

Бэл их раздери. Вот хитро...адые твари! Что делать-то?!

Такая система защиты, получается, оказалась куда действенной, чем охрана с помощью всяких монстров, защитников, и ловушек! А ведь он не может даже выместить хоть на каком-нибудь страже свою досаду: нет здесь стражей! Ну, живых... Но раз Храм считается Храмом – должны быть хотя бы служители.

Он всматривался в стены и пол, раздражённо хмурясь. Нет. Что-то должно быть здесь этакое... Простое. Но одновременно – такое, что любому умному человеку в голову просто не придёт.

Значит, придётся попробовать... Вести себя глупо. Не так, как обычный человек...

Киммериец, сердито отдуваясь и оглядываясь через плечо, встал к еле заметному в глубине алтарю спиной.

Двинулся от входа задом – ориентируясь на медленно тускнеющее пятно входа.

Ого! Примерно на сотом шаге пятно потускнело настолько, что его стало просто не видно даже его кошачьим зрением!!!

Вокруг расстилалось чёрное вязкое пространство, загадочно-зловеще переливаясь всеми оттенками агата и обсидиана, на голову давило похлеще, чем если б нырнул на глубину двадцати саженьей, а в уши, до этого словно заложенные ватой, начали лезть какие-то посторонние звуки!

Конан быстро огляделся, присев пониже, и даже встав на

колени: да, верно! Вон: позади, за спиной, явно что-то происходит! Какое-то движение!

Люди?! Нет, пока ещё – смутные, еле различимые в полумраке тени! Но...

Но он не сможет до них добраться, если развернётся вновь передом: тогда его встретит неизменный «любимый» портал! Радует только то, что незнакомцы, похоже, пока не заметили его присутствия... Хотя и двигались необычно, так же как он – спиной вперёд! Смотреть оказалось, мягко говоря, дико. Но незнакомцы, похоже, привыкли: словно у них глаза на затылке! Или они здесь уже каждый камень, каждую плиту мозаики знают... Хорошо только, что хоть и идут лицом к нему – а пока не обнаружили.

Вот и надо не торопиться, а так и оставаться – бесплотной и бесшумной тенью!

Сдерживая дыхание и постоянно кидая взгляды одними зрачками во все стороны, варвар пригнулся пониже, и стал просто недвижимой бесплотной тенью, словно растворившись в полумраке огромного зала. Ему повезло: процессия из двенадцати серо-чёрных фигур, одетых в подобие хитонов, спадавших до самого пола, как раз скрылась, так и не заметив его, в одном из боковых проёмов, похожем на проём самой обычной двери.

Откуда здесь – *двери*?! И – главное! – *куда* они могут вести?! Ведь ни одного входа снаружи, кроме парадного, он не нашёл?!

Однако Конан поторопился, пока его не засекали, подняться, и дойти до алтаря.

Это оказался немаленький постамент из двенадцати высоченных ступеней, с жертвенным камнем наверху. Спереди сквозь все ступени был проложен вроде как жёлоб, выходящий в чашевидный бассейн. Не иначе, как для сбора крови: об этом говорили и отвратительные буро-коричневые потёки, покрывавшие дно жёлоба и бока камня. Киммериец решил пока спрятаться за мощным прикрытием постамента позади ступеней. Благо, здесь лежала тень, и слиться с серо-чёрным полом проблемы не представляло.

Нужно же узнать, куда он, наконец, попал, и чем это может грозить на самом деле! Потому что никакого опала Нэсса, как и описанной ему фигуры самого Нэсса в образе человеко-слона, якобы долженствующего восседать на алтаре, заметно почему-то не было.

Нигде.

Не прошло и минуты, как тёмные тени вновь появились из чёрного проёма.

Но теперь спокойствием и невозмутимостью и не пахло: могучие руки сильных мужчин, видимые из-под чего-то вроде сутан, тащили к алтарю – явно жертву!

Ну и, разумеется, это опять оказалась красивая девушка! Да ещё и нагая...

Конан грязно выругался про себя.

Вот ведь везёт ему на такие дела!..

Нет бы для разнообразия – спасти пришлось какого-нибудь юношу, или мужчину. Или старушку... Ну, или хотя бы женщину. А тут – почти девчонка, лет двенадцати!

И явно – девственница.

Девочка между тем кричала, билась в могучей хватке, и посылала проклятья (Ну, не похвалы же?!) на головы своим палачам на странном языке, которого Конан, насколько мог судить, никогда раньше не слышал. Ага, очень ей это помогло...

Но вот её подтащили к жертвенному камню.

Четверо жрецов привязали распяленную девушку за руки и за ноги лицом кверху к кольцам, вмурованным в пол. Теперь жертва могла только бессильно рыдать и дёргаться, в тщетных попытках освободиться от своих пут, да ещё ругаться, и ёрзать худенькой спиной по шершавому равнодушному камню, на боках которого застыли омерзительно шелушащиеся потёки, поскольку он явно пережил смерть не одной такой несчастной.

Конан подумал, что напрасно эти придурки не посмотрели вначале назад, за ступени, распластавшись за которыми он сейчас лежал. Но вылезать и освободить девушку, проклятья и вопли которой теперь перешли в еле слышную молитву и всхлипывания, пока не спешил.

Знал, что главное представление ещё впереди.

И точно.

Из тёмного проёма появилась фигура повыше: наверняка

Главного жреца. В обеих руках перед своей грудью он что-то нёс. Конана пронзила догадка: вот он – опал Нэсса!

И сейчас его наверняка будут «омывать» в крови очередной невинной и беззащитной жертвы, чтоб «сделать нашего покровителя ещё могущественней и благосклонней к своим верным рабам!»

Сколько раз он с таким д...мом сталкивался! Даже где-то поднадоело...

Но девушку спасти всё равно придётся.

Иначе он не будет Конаном-киммерийцем!

Спасать и правда – пришлось.

После «традиционного» чтения молитв, с вознесением рук с блестящим предметом над распростёртым беспомощным телом, Главный положил опал в выемку у головы жертвы, и достал из-под хитона чуть изогнутый и отблескивающий стальными зубцами нож немаленького размера – почти меч!

Но когда он попытался вонзить его дико закричавшей при виде стали девушке в грудь, меч уже киммерийца перерубил руку с зажатым орудием смерти!

Рука, отрубленная по плечо, упала к подножию камня, извиваясь и дёргаясь, словно настоящая змея!

Конан не стал ждать, пока остальные жрецы достанут из-под хитонов то, к чему сразу потянулись их бледные, но мускулистые руки, а с боевым киммерийским кличем промчал-

ся по периметру камня-алтаря, отрубая головы, нанося колющие и режущие удары, и вспарывая животы.

Выхватить кинжал успел лишь один, наиболее свирепый на лицо, жрец: по виду – настоящий стигиец. Однако не слишком это ему помогло: живой, словно ртуть, варвар перерубил поднятый клинок вместе с шеей оскалившегося мерзавца!

Теперь вокруг камня никто не стоял, зато лежащих – стелющихся, ругающихся, или бившихся в агонии, валялось хоть отбавляй.

Конан, затылком почуяв опасность, повернулся к Главному.

Вот гад! Жрец оказался весьма настырным и мужественным фанатиком: теперь он пытался целой рукой разжать пальцы отрубленной, чтоб перехватить оружие жертвоприношения!

Конан исправил ситуацию: отрубил сразу голову.

Она покатила как раз по жёлобу вниз. И упала в бассейн. Вскоре туда же дошла струя крови из перерезанной шеи жреца. Из бассейна донеслось подозрительное шипение и повалил дым.

Это Конану очень не понравилось. Он мгновенно обежал жертвенник, перерубая пути девушки, и метнул ненужный больше меч назад – в ножны. После чего перекинул замершее не то – от ужаса, не то – от удивления тело через плечо, и ринулся к выходу!

Однако как бы сильно киммериец не спешил, подобрать с пола свободной рукой каким-то образом укатившийся на дюжину шагов от ступеней опал, он не забыл! Вспомнил варвар и про странный способ «прибытия» – бежал спиной к выходу! Ориентировался при этом на медленно отдаляющийся алтарь, из ямы перед которым теперь валил ужасно густой, кроваво-коричневый, и словно липкий, дым, и появились гигантские языки пламени – как от настоящего пожара!

Девушка на его плече что-то закричала. Бросив взгляд назад, Конан обнаружил, что вход начала перекрывать нетопливо опускающаяся сверху капитальная решётка!

Он и сам заорал, и надал что было мочи, хотя бежать задом оказалось ужасно неудобно и медленно! Но в последнюю секунду Конан кинулся на пол, и бросил вперёд, под острия пик, свою ношу, и проскочил, уже на спине, и сам!

Острия чуть скользнули по могучей груди, оставив три кровоточащих бороздки...

Со скрежетом и грохотом острия пик ударили в пол: мозаичные плиты словно скрючились, пошли трещинами от удара! Ещё более страшный грохот и рёв, словно из глоток тысячи раненных медведей, донёсся изнутри, со стороны алтаря!

Конан не придумал ничего лучше, как снова взвалить даже не попытавшуюся подняться на ноги удивлённую девушку на плечо, и ринуться прочь со всех сил – благо, бежать уже можно было нормально!

За спиной гремело и ревело, иногда словно потоки пламени лизали его обнажённую спину, заставляя щуриться, трести лохматой головой, и рычать, а омерзительный запах горелой плоти и жжёных волос бил в ноздри, заставляя наддать ещё! Конан, мощно втягивая обжигающий воздух широко открытым ртом, продолжал нестись из последних сил, крепко вцепившись одной рукой в опал, а другой – в извиляющееся, и почему-то пытающееся слезть с плеча тело...

Сзади раздался оглушительный взрыв!

В спину киммерийца словно дунули ураганы всех океанов! Его подхватило вихрем, и пронесло шагов двадцать! После чего бросило лицом вниз прямо в мелкую, и затянутую зелёно-жёлтой ряской, лужу заболоченной равнины Мазори.

Однако он успел бросить подальше вперёд ту, что нёс на плече: пусть хоть она спасётся!..

После этого оглушающая чернота навалилась на его голову, и он уплыл во тьму Валхаллы...

Однако оказалось что никуда он не уплыл.

Очнулся от того, что кто-то брызгал ему в лицо слегка воняющую болотом воду, и сильно хлопал по щекам, что-то надрывно-рыдающее приговаривая женским голосом.

Кром, что с ним случилось?!

Открыв глаза, и увидев над собой крохотное, чумазое и заплаканное детское личико, он всё вспомнил. Спросил по-

зингарски:

– Погони нет?

Девушка недоумённо поморгала – явно не поняла. Может, попробовать по-местному, по-шемитски?

О! Сработало. Тоненький и охрипший, сорванный от крика голосок, ответил:

– Нет-нет! Никого там из жрецов не осталось! Но вот вокруг нас сейчас... Может, посмотришь, о мой спаситель? Хотя они ближе, чем на пять шагов пока не подходят...

Конан повернул голову.

А-а, старые друзья! Вокруг хлопало пастями с ужасающими для неподготовленного взгляда орудиями убийства, стадо в десяток коперов, переминаясь с ноги на ногу, но не смея подойти ближе. А приятно: стало быть, ладанка с грибами ещё работает...

– Плесни в них водой – как только что плескала мне в лицо. – Конан кивнул в ответ на немой вопрос и удивлённо расширившиеся глаза густо-синего цвета, казавшиеся непропорционально большими на крошечном личике. – Вот-вот: зачерпни прямо ладонями, и плескай!

Стаду одной пригоршни оказалось мало: девушка брызгала трижды, пока коперы не соизволили возмущенно не то – заржать, не то – зареветь, зафыркать, и ретироваться, сердито хлюпая по трясине огромными стопами, и подёргивая длинными плетями почти конских хвостов. Девушка вздохнула явно с облегчением. Подошла снова к нему:

– Ты... как?

Киммериец потянулся, лёжа на спине, проверяя все мышцы и органы...

Болезнь, вроде, особенно ничего не болело, если не считать того, что чувствовал он себя так, словно пару суток играл в перетягивание каната со стадом слонов-Нэссов.

Он криво усмехнулся:

– Нормально. Хотя, конечно, бывало и получше. Я – Конан-киммериец!

– Спасибо, Конан-киммериец. Я уж думала, пришёл мой смертный час! – девушка шмыгнула носом, трогательно его сморщив, и смахнув непрошено выступившую вдруг слезу, – А как ты узнал, что меня принесут в жертву именно сегодня, в день после рождения новой Луны?

Конан подумал, что пытаться соврать, чтоб выглядеть лучше, чем он есть, смысла нет:

– Никак я этого не узнавал. Я – просто наёмник. Меня прислали сюда украсть опал Нэсса, и обещали заплатить за него неплохие деньги. А тебя, кстати, мне как называть?

– Опал. И я – избранная Дочь Нэсса.

Когда первый порыв естественного удивления прошёл, и Конан смог закрыть рот, ему пришла в голову странная мысль:

– Так вот это, – он указал на всё ещё лежащий поблизости овальный камень, переливающийся всеми цветами радуги в

свете заходящего солнца. – не опал?!

– Опал. Но – не опал Нэсса. Это опал Тимуды. Это ему меня должны были принести в жертву. И это его должны были омыть в моей крови. Чтоб Тимуда в очередной раз возродилась. Тогда двенадцать Избранных жрецов-Нэссов снова совершили бы акт священного соития! Ну, ты же их всех видел? И даже позаботился о том, чтоб они... – девушка запнулась, нервно хихикнув, – ни в какой акт вступить не смогли!..

А через год у меня должна была бы родиться сестра. А потом всё, как обычно – её младенческая душа должна была вселиться в очередную избранную смертную девушку. Вернее – новорожденную девочку. И это её должны были через двенадцать лет снова... Забрать сюда, в Храм. А Тимуда, позаботившись о благополучии своего послушного народа, снова отправилась бы в Царство теней Каледда. Погрузившись в священный бесплотный сон на следующие двенадцать лет.

– Хм-м... – если Конан и посчитал ритуалы Нэсса и Тимуды несколько запутанными и странными, это ровно ничего не значило: мало ли у каких народов и их Божеств – какие обряды, традиции и верования, – Так ты – стало быть, дочь Богини и Бога?

– Нет, только Богини. Да и то – не сама, а через её Дух. – девочка похлопала себя по почти плоской груди, – А мой отец, как и Великий Нэсс, до избрания был простым смертным.

– Так это не жрецы строили этот Храм Пурха?

– Нет. Не они. Это наш Праотец Нэсс, под руководством отца Тимуды, Великого Пурха, который избрал его своим Главным Слугой, лет шестьдесят назад заново отстроил этот, – девочка махнула рукой в ту сторону, откуда они бежали, – Храм Пурха. И это Нэсс принёс сюда этот опал.

Именно этот опал сделал возможным возрождение и воплощение Богини Тимуды в материальном теле. И, можешь мне поверить, она так прекрасна, что ни один смертный, даже жрец, (вернее – особенно избранный жрец!) не может устоять против её чар: некоторые даже умирали на её ложе, отдав ей в порыве страсти все соки своей души!

Конан подумал, что соки всё же – не совсем души, но спросил о другом:

– Так что, получается, все эти двенадцать «избранных» после «избрания» называются Нэссами?

– Ну да. Так уж принято, – девочка гордо вскинула на него вспыхнувший гордостью взор, – Так же, как Избранниц именуют – Опал!

Варвар подумал, что действительно – очень удобно. «Избранниц» во всяком случае не перепутаешь. Что же до жрецов... «Эй, Нэсс, возьми-ка чашу для омовения! Да не ты, а вон тот, с бородавкой! Нет, с малиновой бородавкой! На щеке!»

– Лучше скажи, куда мне тебя теперь отвести? Может, если твоим отцом был простой смертный, у тебя остались здесь

какие-нибудь родственники?

– Разумеется! Глава гильдии купцов Шопесты, Хуссейн Саидакмаль – мой дядя. А вот отец мой погиб. Его тринадцать лет назад избрали. И забрали – чтоб подготовить. У нас в стране каждый год забирают по одному мужчине. Обычно – самому сильному. Ну, чтоб сделать Жрецом Пурха. И подготовить к роли Мужа Тимуды, отца очередной Опал.

Я родилась через полгода после его исчезновения. Мы с матерью оказались совсем одни. И очень бедствовали. (Ну, мы же тогда не знали, что я буду – Опал! Хотя у нас *такого* ни одна девочка никогда не знает!..) И если бы не дядя Саидакмаль...

Словом, десять лет я жила под опекой Хуссейн-бека.

Но потом, где-то полгода назад, избрали и похитили и меня. Думаю, мой дядя так и не смог смириться с этим. Скажи мне правду: это он... нанял тебя?

– Ну да. Я же тебе сразу сказал. Но... Как ты смогла выжить здесь?!

– С трудом. Хотя у них тут всё наверняка рассчитано. Чтоб сломить дух и тело жертвы. Но так, чтоб она осталась жива... – взгляд снова опустился к земле. Киммериец понял, что бедняжку действительно, «готовили». А всё же она молодец: не покорилась! – Если честно, эти полгода, пока меня готовили к ритуалу, были худшим кошмаром в моей короткой жизни... – девушку передёрнуло, и она, рухнув на колени, закрыла глаза руками.

Чтоб унять безутешные рыдания начавшейся истерики, Конан спросил:

– А твой дядя... Саидакмаль – он не посчитает кощунством то, что я не позволил свершиться чёрному обряду? Всё-таки – насколько я понял, у вас здесь Нэсс и эта самая Тимуда – Божества из высших? Вот я и думаю – Хуссейн-бек-то... Примет тебя назад?

Девушка к счастью, действительно словно очнулась:

– Если он ещё жив, то с удовольствием примет меня. Он поклоняется Мирте Пресветлому, а не Нэссу и Тимуде.

У Конана словно гора с плеч свалилась: хвала этому самому Мирте Пресветлому, ему не придётся ломать голову, как посадить на очередной трон очередную жертву колдовства или заговора! Зато...

– Так, получается, твой получивший новое имя, и «избранный», отец, должен был участвовать в твоём убийстве, и потом... Хм!

– Да.

– Но как же он... Ведь – *отец* же!

– Конан! Он же не мог знать, что это – я! Его дочь. Он же исчез до моего рождения!

Конан почесал в косматой голове. Похоже, эти Тимуда и Нэсс вовсе не против инцеста! Вот ведь ...! Впрочем, ведь ничего страшного не свершилось, если только...

– А ты... Не сердись на меня за то, что я, получается, убил твоего отца?

– Нет, конечно! Его же готовили двенадцать лет! За это время Жрец Тимуды отрешается от всего мирского, и полностью забывает всё то, что было с ним до попадания в Храм и посвящения!.. Так что ты убил не моего отца, а просто одного из двенадцати фанатиков! Да и, если быть откровенной, я и не испытывала к нему дочерних чувств: ведь я его даже не видела никогда. И даже не смогла бы сказать, который из двенадцати – он! – девушка хмыкнула и дёрнула тощеньким плечиком.

Конан подумал, что это весьма похоже на правду. Несчастных «избранных» обычно долго и тщательно готовят: зомбируют молитвами и ритуалами, и поят всякой наркотической отравой, так, что они и имени-то своего вспомнить не могут – он уже сталкивался с подобным. И не один раз...

Жрец ведь – не человек. Он – символ проявления Власти Божества. Или Богини.

– А твой дядька знал, что тебя должны принести в жертву?

– Разумеется!

– Но почему тогда он сразу не отправил спасать тебя – большой отряд наёмников?!

– Он не смог бы. Ему не позволили бы adeпты Тимуды и Нэсса. То есть – почти все жители Шопесты. Кроме того, проходить через Портал Храма Пурха может только избранный. Или – жрец. Вот так меня и забрали – мы с матерью были на базаре, как вдруг небеса разверзлись, вокруг нас возникла серо-чёрная воронка, меня схватили чьи-то крепкие

руки, и унесли прямо в небо...

Впрочем, у нас избранниц Тимуды всегда забирают именно так – чтоб понятно было, кто это сделал. И для чего. И какими сверхъестественными способностями обладают жрецы Культа Нэсса, и насколько чудесна их сила. Очередная Избранная Опал возносится в небо у всех на виду.

И жрецы всегда оставались при этом абсолютно безнаказанными. Никому и в голову не могло прийти, что можно как-то воспротивиться воле Богини!

Ну, так было до сих пор...

Конан подумал, что напрасно он забрался «порезвиться» в эту глухую провинцию Шема. Здесь и климат ужасен, и Стигия – рядом. А городок, в котором он решил поорудовать, и которого почему-то избегали его знакомые коллеги, и путешественники, оказывается, не так уж и безопасен... Как и «пристукнутые» жители: они, оказывается, «пристукнуты», и тихи лишь пока речь не идёт о попытках воспротивиться воле их гнусных божеств, и их кровавому культу.

И лучше будет, чтоб он тоже – побыстрее и навсегда покинул Шопесту.

Разумеется, не раньше, чем получит плату.

За Опал Нэсса!

Когда варвар, опираясь о чавкающую почву ладонями, поднялся, наконец, на ноги, его взору открылась весьма удручающая картина.

Храм Пурха лежал в руинах. Вернее, эти руины в точности повторяли те, в которых он останавливался на ночёвку сутки назад. Вот только эти ещё не успели порости травой и мхом... Но если он хочет найти свою суму, лучше поспешить, пока солнце окончательно не село.

Пока они двигались к развалинам, (Теперь-то их никто не назвал бы «недоразрушенными»!) Конан расспрашивал девушку о матери и отце. Однако ничего особенного не узнал: отец до «избрания» звался Нурмумином, и служил десятником в местном гарнизоне. Мать – златошвея. Шила и халаты-чапаны для знати, и скатерти-сюзанэ, а когда кончился запас золотых нитей – простые балдахины-пологи от комаров для постелей...

Правда, чтоб убедить Опал вернуться к руинам, ему пришлось даже подпустить грозного рыка в голос:

– Ты что?! Хочешь идти домой натошак?! Между прочим, хоть тебя и перенесли мгновенно сюда, отсюда-то до Шопесты – пять дней пути. Это моим шагом.

А твоим – неделя!

Сума киммерийца нашлась быстро, и даже оказалась не повреждена: камни Храма словно избегали падать на неё! Чёрная и до сих пор весьма объёмистая поклажа Конана так и осталась лежать у входа. (Хорошо, перед тем, как начать свою попытку пробраться к алтарю «задом», он догадался вынести её наружу, за портал, и забросить подальше в густые кусты!) Если б не это – варвар даже не сделал бы попытки

отыскать свои припасы: камней внутри бывшего Храма оказалось навалено по пояс, а местами – и повыше...

Он вынул в первую очередь кусок вяленного мяса:

– Вот. Поешь. Только жуй как следует – оно жестковато.

Девушка так и впилась зубками в кусок: даже замычала от удовольствия!

Конан подумал, что вряд ли её там, в Храме, усиленно кормили. Скорее, наоборот! Голод и постоянное давление на юный разум обычно лучше всего помогают справиться с сопротивлением жертвы. Однако она – молодец. Боролась до последнего!..

Сам же киммериец со вздохом облегчения достал из сумы котомку, которую дала ему бабушка Тома, и вынул из голенищ сапог кинжалы.

Поглядел на Опал, на котомку. (Хвала Крому, она достаточно велика!) Прикинул.

Так. Если сделать прорезь вот тут, по дну, и вот тут – наметить отверстия для рук... А сюда перекинуть лямку...

Через три минуты он с гордостью подал получившееся изделие девушке:

– Ну-ка – примерь!

В свете заката лицо и шея девушки залились густой краской:

– Ой!!! Конан!!! Я только сейчас вспомнила, что я!..

Конан, вежливо отвернувшись, буркнул:

– Вот именно!

После чего повздыхал.

Девушка, первой нарушив неловкое молчание, начала хихикать:

– Это надо же! И ты всё это время молчал! Твоему чувству такта мог бы позавидовать любой падишах! А я-то за полгода привыкла – хожу, словно так и надо! А ты, бедолага... То-то я удивляюсь, что ты всё время отводишь глаза, и там, у себя в штанах, что-то поправляешь, да поёрываешь!

Конан не сдержался: от его оглушительного хохота в лесу, отделённому от них двухмильным пространством, даже проснулись и возмущённо загалдели какие-то птицы!

Опал смилостивилась:

– Ну ладно. Можешь теперь смотреть!

Конан повернулся. Хм-м... А неплохо.

Впрочем, хоть ей и двенадцать, будущих восхитительных форм не может скрыть даже то мешковатое платье, что он соорудил из банальной котомки!

Заночевать решили у второго разрушенного Храма: Опал сказала, что здесь, у свежеразрушенного, её будут мучить страхи и воспоминания.

Конан прекрасно её понимал.

Дошли до руин уже далеко за полночь.

Поужинали, или пополуночидали, если можно так сказать про столь позднюю трапезу. Конан решил, что здесь, в замшелых камнях, им могут угрожать только змеи, и решил

снова не сторожить ночью, положившись как всегда на свой слух и инстинкты. Опал легла на его одеяло без глупых возражений вроде: «это же твоё одеяло!»

Самому варвару уже приходилось ночевать на траве, или прямо на снегу, или на голых камнях... И в куда худших условиях: и при ветре, и на морозе!

Утреннее солнце разбудило его даже раньше, чем проснулась свернувшаяся калачиком и трогательно посапывающая в кулачок девочка.

Конан смог наконец без помех рассмотреть её.

А неплохо, чтоб ему лопнуть! Очень приятные, правильные (Ну, когда расслаблены сном!) черты лица. Великолепные густые волосы цвета воронова крыла. Изящно изогнутые, словно туранский лук, брови над пушистыми опухлыми ресниц... Да и зубки, насколько он помнил, очень белые и ровные.

Он готов поклясться печению Неграла, что через каких-то года три она станет первой красавицей Шопесты!

И уж дядя Саидакмаль наверняка найдёт ей выигрышную партию.

Конана почему-то от такой мысли кольнуло в сердце.

Девушка вдруг открыла глаза – похоже, почувала его взгляд.

Фиолетовые!

Вот в чём дело, пронеслась где-то глубоко в голове мысль – именно поэтому её и избрали! Ну а на поверхности созна-

ния маячила другая мысль: какие огромные!..

– Конан! Когда ты *так* на меня смотришь, мне хочется снова раздеться! И... – она недоговорила, хитро прищурившись.

Вот паршивка! Так многозначительно посмотреть могла бы только прожжённая и опытная... С пелёнок, что ли, *это* в женщин заложено?!

Настал черёд варвара густо покраснеть и потупиться:

– Прости! Задумался. И засмотрелся. Ты... очень красива. Неудивительно, что тебя избрали.

– Да, ты прав. Дух дочери Тимуды должен вселиться в самую прекрасную девушку. Тогда у всех подданных нашей страны на следующие двенадцать лет будет достаток, мир и благополучие! И всякие болезни, как и войны, минуют нашу родину...

– Хм-м... Встречался я уже с такими культами. – варвар умолчал, что, как правило, он сам и там являлся «нарушителем вековых традиций», – Ни к чему хорошему это обычно его адептов не приводило. Благосклонность Богов ритуальными убийствами невинных жертв не снискать. Разве что таких сволочных, как Богов Стигии!

– Да, ты снова прав. Дядя тоже говорил, что этот культ пришёл в нашу страну от соседей. А тех, кто поклоняется, как он, Мирте Пресветлому, сейчас в городе осталось немного. Более половины уехали за последние шестьдесят лет – ну, после того, как восстановили Храм...

– Могу себе представить. Не каждому понравится, что его дочь могут принести в жертву дуре, которая возрождается к жизни только чтоб заняться... э-э... актом оплодотворения. И родами. Духовными. – варвар возмущенно фыркнул.

Опал похихикала. Сказала:

– Тимуда вряд ли дура. Просто, наверное, она – одна из тех, немногих сохранившихся сейчас, *древних* Богинь. Которые выше Духовных ставили телесные наслаждения!

– Возможно, возможно... Но я не собираюсь её достоинства и предпочтения сейчас обсуждать. Вот, возьми-ка, – Конан протянул Опал пригоршню сушёных сухофруктов и кусок зачерствелой лепёшки, – позавтракаем, да двинемся.

Рассеянно жуя, девушка поглядывала то на киммерийца, то на камни руин, то на небо. Варвар видел, что у неё море вопросов вертится на языке. Но только когда они покончили с завтраком, девушка спросила:

– А ты уже придумал, что попросишь у моего дяди за моё спасение?

Конан фыркнул:

– Как – что?! Оставшуюся часть денег, конечно! Мы так и договаривались.

– А такой вариант ты не рассматривал – ну, чтоб спаситель получил ещё и спасённую – в жёны?

Конан поперхнулся водой, фляжку с которой в этот момент поднёс ко рту. Во взгляде, которым он наградил «спасённую» мелькнула совсем не храбрость:

– Опал! Прошу тебя! Тебе же ещё двенадцать! А мне – тридцать один! Так что я вот тут на досуге обдумывал план подкормить тебя как следует, да обменять – на вес! Ну – за столько монет, сколько ты потянешь на весах Гильдии купцов!

– Нахал! Даром, что явно – варвар, так ещё и мужчина с дурным вкусом! Не оценивший по достоинству мою поистине неземную, избранную, красоту! И очарование!

Конан откинулся на камень, о который опирался спиной во время еды, и пооткрывал рот – словно выброшенная на берег рыба. Потому что слов не хватало.

Потом не выдержал – рассмеялся, громко и от души!

Спустя несколько секунд девушка, до этого кидавшая на него деланно сердитые и капризные взоры, присоединила свой звон серебряных колокольчиков к его басовитому ржанию...

3. Конан и тысяча каменных воинов.

Повесть. (Продолжение повести «Конан и сокровища пиратов» из сборника «Конан: новые приключения».)

О том, что деньги из пещеры Астига Безухого очень быстро закончились, перейдя из карманов команды «Вестрела» в загребущие лапы трактирщиков, и кошельки девиц лёгкого поведения города-порта Манзеи, можно даже не упоминать.

Но именно то, что они закончились, и сподвигло Конана и его хитроумного помощника Велтрана попытаться наконец найти кого-нибудь, кто расшифровал бы им таинственную карту и записку на ней. Конечно, в недрах старого города в Кордаве они знали бы, к кому обратиться. Но команда так бурно предвкушала долгожданный «отдых», что корабль Конана не доплыл даже до столицы, остановившись в порту Манзеи. Как вначале наивно считал киммериец – временно.

Однако ничто не бывает настолько постоянным, как что-то «временное». И вот уже от денег почти ничего не осталось, а они с Велтраном – на базаре в старом городе. Свои «подпольные короли» и главы преступных «синдикатов», разумеется, имелись и здесь. И варвар отлично знал их всех – ещё бы, спустя годы «сотрудничества», а особенно – стольких дней «отдыха»!

Но в лавке менялы-Юркисса Конана ждало разочарование: сам Юркис лежал на огромной кровати в тёмной задней комнате, и, судя по-всему, его земное существование подходило к концу: обжигающее дыхание горящего и сотрясающегося в лихорадке тела ощущалось даже на расстоянии двух шагов, а покрасневшее лицо даже словно светилось в полумраке каморки! Велтран поцокал зубом. Конан прокашлялся.

Сухопарый старец, дряблую кожу лица которого покрывали коричневые, почти чёрные, пятна, а сама кожа теперь не обтягивала кости черепа, а, казалось, существовала как бы

отдельно, проваливаясь или выпирая в самых неожиданных местах, разлепил опухшие глаза, поморгал, и с полминуты шурился, всматриваясь в посетителей. Сказал:

– Малика, оставь нас.

Крупная пожилая женщина, главная жена Юркиса, скривила рот на бок, но возразить своему господину не посмела. Уходя, зыркнула на Конана пронзительным чёрным глазом. Еле слышным шёпотом сказала:

– Прошу тебя, капитан Конан! Вы же видите!.. Не дольше десяти минут! Да и то – только в память о твоих давних услугах! – после чего скрылась за парчовой занавесью, отделявшей заднюю часть опочивальни больного. Но Конан мог бы поспорить, что никуда женщина, разумеется, не уйдёт, а так и останется где-нибудь в тёмном уголке, прильнув чутким ухом к занавеске: подслушивать!

Ну, собственно, на то и жёны. И женщины.

– Подойдите ближе, Конан, Велтран. Моё почтение. Давненько вы не посещали моё заведение. Похоже, дела у вас пошли в гору.

– Спасибо на добром слове, Юркис. – зингарец, более тактичный и дипломатичный, чем всегда прямолинейный и конкретный, как удар топора, варвар, сразу взял инициативу в свои руки, – Да, в последнее время дела идут, хвала Мирте Пресветлому, неплохо. А что же приключилось с тобой? Мы так привыкли видеть тебя деловым и шустрым, что сейчас смотреть на тебя – настоящее мученье для наших чувстви-

тельных сердец!

Старик покудахтал. Очевидно, это должно было изображать смех. Конан и Велтран переглянулись, но промолчали. Старик пояснил:

– Люблю я тебя, Велтран. Ты – настоящий дипломат. Тебе бы в Диване каком заседать, да Фармоны-указы всякие сочинять да подписывать... А вот если вспомнить получше, в нашу предпоследнюю встречу именно ты сказал, что скорее прирежешь меня, чем согласишься на сорок процентов... Ну, ладно-ладно, – заметив вскинувшееся покрасневшее лицо киммерийца, собирающегося встать на защиту верного помощника, Юркисс поторопился уйти от скользкой темы, – Я так думаю, вы пришли два года спустя не для того, чтоб ворошить старые обиды.

Выкладывайте.

– Вот это – мужской разговор. – теперь Конан перехватил инициативу, подумав, что прожженный плут правильно делает, что сразу переходит к сути – может, ему и осталось-то... Несколько дней! Или даже – часов. И дорога каждая минута! – Как насчёт того, чтоб подзаработать?

– С моим большим удовольствием! – старик снова покудахтал, – Однако, разумеется, на долю, меньше, чем в двадцать процентов я не соглашусь!

Конан опешил:

– Какие двадцать процентов?! Ты – о чём? Я же ещё не начал...

– И не надо тебе начинать, Конан-киммериец. – по виду менялы теперь никто не сказал бы, что он только что был при смерти. Вот что делает с настоящим дельцом возможность срубить денег! – Думаешь, я не догадался в чём дело, как только Сухроб, – рука старца указала куда-то в угол, и Конан действительно заметил зоркий мальчишеский глаз, смотрящий на них с Велтраном из-за свёрнутого в углу ковра, – доложил, что вы входите в лавку? Кхе-кхе-кхе... Короче: у нас в Манзее только совсем уж глухой и тупой не знает, что твои ребята прогуливают сокровища Астига-безухого, которые вы нашли на его острове, острове Потерянных Душ. И что это, судя по-всему – только малая их часть. А остальная спрятана в надёжном месте. А где расположено это место – указывает манускрипт на карте... Написанный на древне-стигийском.

Вот и давай её сюда. Ты же знаешь: в древнестигийском я – мастер.

– Мастер-то ты, конечно, мастер. Однако – двадцать процентов! Не-ет, это уж слишком. И не забывай: не один ты знаешь языки. Древние наречия знает и Хассан-кривошей. И Шухрат-одноногий. И Муртазбек. И...

– Ладно, хватит перечислять. Пусть будет пятнадцать!

Конан возмущённо (делано!) фыркнул:

– Юркисс! Пойми ты одну простую вещь! Мы ещё даже не знаем, *что* там хранится – ну, в том месте, которое указывает проклятая карта! А вдруг там – вовсе не сокровища?

– Сокровища там, или не сокровища – а я хочу пятнадцать

процентов от того, что вы там найдёте! И не надо мне втюхивать про Хассана. Он меньше тридцати не возьмёт!

Конан, прикидывая, что примерно так и обстоят дела, тем не менее повозмутился, что это – чистый грабёж, и что сидя дома старик-меняла фактически ничем не рискует, а всю раб­отён­ку, вероятно, грязную и опасную, придётся делать ким­мерийцу и его команде, и при этом рисковать жизнью и прочее такое...

Как раз вот это – традиционный восточный торг! – и продолжалось минут десять.

Сошлись на десяти. И ещё Конан умудрился выторговать в счёт будущей добычи и три бочки солонины – но уже под двадцать процентов!

– Ладно. К делу. Где карта-то?

Конан достал из-под куртки тщательно оберегаемый, и за­вёр­ну­тый в водонепроницаемый пергамент, свиток.

– Свет! – замечание относилось к мальчишке.

Словно по волшебству, спустя буквально пару секунд, за затылком менялы возникла площадка-коптилка с маслом, да­ю­щая, впрочем, вполне приличное освещение.

Старый плут долго и придирчиво изучал свиток. Щурился, морщил нос. Даже поколупал в паре мест кривым и грязным ногтем. Затем с видимым разочарованием откинулся глубже на подушки. Проворчал:

– Ничего не выйдет из нашей договорённости, Конан. Да и вообще – ничего не выйдет. Разве что ты найдёшь того, кто

действительно знает этот язык.

– Погоди-ка, Юркис... Разве это – не древне-стигийский?!

– Нет. Тут всё несколько хитрее. Древне-стигийский – только алфавит, – заметив недоуменные переглядывания Конана с Велтраном, меняла пояснил, – Ну, буквы, проще говоря. А само послание написано по пунисски. Этого языка не существует уж лет двести. Так же как и самого государства. И народа. Вырезали их всех под корень кочевники из Вендии. Какая-то там у них была война на религиозной почве. То ли кому-то уж слишком противному и кровожадному поклонялись эти самые пуниссы, требуя от вендийцев людей для жертв, то ли ещё чего – никто точно не помнит. Но и народа и языка давно уж нет. И я даже не знаю, какой умник смог написать на нём целое послание.

– Ну, какой умник смог написать – мы знаем. Но от этого не легче. Потому что он тоже – того. Словом, там же, где и твои, Мардук их задери, пуниссы.

Ты лучше скажи, что нам теперь делать-то?

– Хм-м... – старик пошкрёб в тощенькой козлиной бороде. – Что делать, я и сам пока не знаю. Одно могу сказать – если и есть где человек, владеющий пунисским – так это – точно не в Манзее! Может, имеет смысл попробовать поискать там, где она раньше располагалась? Ну, пунисская империя?

– А где это?

– Конан! Как не стыдно! Уж ты-то – попутешествовал!

Должен знать, где находятся Чёрные Королевства! Или уж – догадаться. Потому что Вендия – как раз через пустыню от них! «Любимые» соседи, словом.

– Ага, понятно. Что ж. Спасибо и на этом, Юркисс.

– Честно говоря – не за что, Конан. И знай: это – первый раз, когда я что-то рассказал тебе, или кому бы то ни было, фактически задаром. В счёт, так сказать, наших хороших и доверительных отношений! Или я такой добренький, потому что болею...

Конан насчёт «хороших и доверительных» отношений не заблуждался.

Поэтому не удивился, когда их, уже стоящих на пороге, окликнул дребезжащий, но исполненный хитрецы и стали, голос:

– Конан! Если найдёшь переводчика, помни: солонину в долг дам даже под пятнадцать процентов!

Проходя мимо невольничьего помоста, где как раз огромный и голый до пояса распорядитель нахваливал очередную партию живого товара, обливаясь потом под нещадно палящим полуденным солнцем, и зло шипя на «мерзавцев», не желающих стоять так, чтоб видно было, какие они «здоровые и крепкие», Конан и Велтран препирались.

– ... а я сразу сказал, что ничего из этой затеи не выйдет! Эта гнусная сволочь наверняка неспроста зашифровала всё именно на пунисском! Значит, это – или очередная его ло-

вушка, или...

– Или памятка себе самому, любимому, чтоб не забыть чего. Особенно, если он к тому моменту, как её составить, просидел там, на острове, лет десять. Он же не мог не понимать, что шансы на то, что там его подберёт какой-нибудь случайный корабль – мизерные! Вот, наверное, и боялся забыть все... э-э... Тонкости.

– Вот именно Конан, вот именно! Потому что – что бы там не было, (Но вряд ли что-то такое, чего нельзя было бы продать – иначе эта старая лиса Юркисс и не заикнулся бы про проценты!) оно наверняка хитро спрятано. И – охраняется!

– Сам так думаю, помощник. – Конан положил могучую длань на плечо коротышки, преувеличенно тяжко вздохнув, – Поэтому у нас два варианта: продать эту карту какому-нибудь достаточно наивному простаку, – Велтран возмущённо фыркнул! – или найти-таки того, кто владеет пунисским.

На этот раз Велтран покачал головой, так выразительно глянув исподлобья, что Конан не мог удержаться от смеха.

Смех, однако, оказался прерван тоненьким и дрожащим голоском, донёсшимся с помоста, мимо которого они как раз протискивались:

– Если милостивому господину будет угодно, я владею пунисским!

Конан резко обернулся, остановившись. Да и Велтран, даже приоткрывший от удивления рот, поторопился глянуть:

кто это тут такой «знающий»?!

«Знающим» оказался тощий и загоревший буквально до черноты, подросток – почти мальчик! – молящими глазами глядящий на них с невольничьего помоста, сложив перед грудью тощенькие ручки. Собственно, кроме этих самых глаз – весьма больших, и выразительных, надо признать! – ничем выдающимся подросток похвастаться не мог: сквозь пергаментную кожу торчали рёбра, ноги выглядели столь тонкими, что вообще непонятно было, как их обладатель стоит на них, а впалый живот, казалось, прирос к позвоночному столбу: похоже, хозяин живого товара не слишком-то баловал своих «неперспективных» подопечных приличной, да и просто – кормёжкой.

– Ты владеешь пунисским? Это правда? Или ты просто пытаешься нас заинтересовать, чтоб мы выкупили тебя из лап злого хозяина?! – Конан, не скрывая скепсиса в тоне, сощурился, и смотрел на мальчишку так, как смотрел обычно на врага в бою: он действительно хотел напугать невольника, – Смотри у меня! Если я заберу тебя, и выяснится, что ты соврал – жизнь в застенках этого торговца, – варвар махнул рукой в сторону как раз с очередным клиентом обсуждавшим достоинства зубов более-менее крепкой и здоровой на вид женщины, крепыша, – покажется тебе раем! Потому что ни я, ни моя команда не любим лжецов!

Мальчишка затрясся: он явно не предполагал, что варвар может не поверить ему. Но когда рот снова открылся, сомне-

ний или колебаний в тоне заметно не было:

– Это совершенно точно, если моему господину будет угодно: я владею пунисским!

– И кто же научил тебя ему? – Конан всё ещё сомневался.

– С позволения моего господина, моя мать, да примет Мирта пресветлый её безвременно упокоившуюся душу!

– Может, ты ещё и читать умеешь? – это влез скептически скривившийся Велтран.

– Умею, если милостивому господину будет угодно, и даже на восьми языках.

– И кем же эта, столь мудрая и многознающая женщина, была?!

– С позволения милостивого господина, женой Первого толмача падишаха Бахромбека второго!

Конан и Велтран переглянулись. Действительно, Бахром-бек второй торговал со всем Средиземьем. И толмач-переводчик при нём был известен, как отличный мастер своего дела. Без работы не сидел. Пока самого падишаха не убили в результате дворцового заговора. А его слуги и подданные не разбежались...

Конан решительно двинулся к лестнице на помост, откуда, ведя за верёвку на шее «покупку», как раз спускался давешний покупатель.

Забравшись наверх, Конан сразу подошёл к мальчишке, и мечом отрубил верёвку, которой тот был привязан к общему кольцу. Повернулся к продавцу:

– Я забираю этого!

– Э-э... Минуту, господин! Что значит – забираю?! Он стоит пять тенгге!

– Наглая брехня. Я сам только что слышал, как упитанную и работоспособную женщину купили за два. Так что такой заморыш не может стоять больше одного тенгге!

– Э-э... Ну хорошо, мой господин. Только ради вас! Три!

– Нет. Одно – и точка.

– Но милостивый господин, – смотреть, как крупные капли пота покрыли лоснящееся от жира лицо немаленького, в общем-то мужчины, который однако рядом с огромным киммерийцем и сам смотрелся словно подросток, и как идёт белыми пятнами кожа складчатого от жирка живота, возможно, было бы интересно. Но и Велтран и Конан сотни раз видели в бою, как выглядит реакция труса. – Это же... Грабёж среди бела дня! Мой бизнес под покровительством самого наместника! И если я прикажу его страже...

– Давай-давай, прикажи. А я – свистну своим молодцам. Они как раз невероятно злы, потому что наверняка трезвы, а в долг им больше не наливают. И мы с удовольствием всей командой разнесём весь этот крохотный базарчик, да и полгорода заодно! Не говоря уж о том, чтоб шутя перебить всю ту банду недоумков, которую ты гордо называешь стражей наместника! Да и пора уж нам убираться из Манзеи. И как же обойтись без запоминающейся «прощальной вечеринки»?! А то этот ваш захолустный городишко достал меня – скука

смертная. Здесь нет даже приличных шлях! Вот и порезвимся на прощанье!..

Свистнуть?

По лицу торговца теперь лились совсем уж реки пота – да оно и верно: про Конана-киммерийца, его команду отчаянных головорезов, и их нравы и обычаи здесь, в Манзее, не знал только совсем уж тупой. Или глухой. Так что торговец пролепетал:

– Как моему господину будет угодно... Одно теньге.

Конан подумал было, что, собственно, деморализованному и втоптанному на глазах у всей площади скоту можно было бы – в воспитательных целях! – не давать и этого теньге... Но – он сам назначил эту цену.

А слово Конана – закон!

– Велтран. Отдай ему его мзду! – презрения в голосе варвара не заметил бы только верблюд, как раз привязанный к коновязи возле одного из столбов помоста.

Велтран извлёк монету из кошелька, который в свою очередь извлёк из-за пазухи. Монету попробовал вначале на зуб. И только после этого всунул в трясущуюся руку.

Конан на это уже не глядел. Осторожно, но крепко придерживая мальчишку за тощее предплечье, он вводил его с базара в направлении порта.

Поднявшись на борт, киммериец свистнул.

С полдюжины оставленных на всякий случай на корабле

головорезов выскочили из кубрика мгновенно – вот что значит дисциплина и выучка!

– Парэс. Отведи этого... Как тебя зовут, кстати?

– Аннис, мой господин.

– Этого Анниса на камбуз. Пусть Занусс его накормит. Рувим, Вахид, Лейбен и Фатхулло. Бегом в город. Найти всех наших, и – немедленно на корабль! Отходим через час! Джапар. Сходи тоже на камбуз, выясни у Занусса, всё ли у нас запасено, и если не всё – вот тебе кошелёк с двадцатью тенге – докупи. У тебя час.

– Слушаем, капитан! Слушаю, капитан! – его приказания всегда отличались конкретностью, и Конан знал, что недопонятым не останется.

А ещё он думал, что они с Велтраном разработали очень грамотную тактику: по приходе в любой порт с любой добычей на борту, вначале доукомплектовать продовольственные, водные, винные, и прочие запасы, а уж только потом – прогуливать остальное добытое! И пусть покупать из еды приходилось в-основном лишь такое, что не портится как можно дольше – типа той же солонины, сухарей, сухофруктов и тому подобного: пусть оно и не столь вкусно, зато – позволяет избежать болезней, и... Достаточно долго плавать автономно. Что для джентльменов удачи – важнейшее условие жизни! И работы.

Когда все разошлись – или, вернее сказать, разбежались, потому что попробовал бы кто исполнять приказы кимме-

рийца с лентой! – Конан задрал голову кверху. Так. Воронье гнездо придётся, конечно, переделать. Потому что сейчас оно может выдержать вес только совсем уж лёгкого и сухопарого вперёдсмотрящего, типа Рнего или Шервана, а Конан и сам хотел бы иногда... Взглянуть. На что бы там ни было. Но это – позже. А сейчас нужно начинать готовиться к отходу. Поэтому неплохо для начала осмотреть не расчехляемые уже с месяц паруса. Осмотреть снаружи корпус. А то вдруг – оброс...

– Велтран! Посмотри-ка, кто там остался в кубрике. Пусть лезут на мачты, и... – на верного помощника полился поток ценных указаний. На которые толстячок и не подумал ворчать или кривиться: Конан и сам отлично знал, что тому больше нравится «свободный поиск», а не «прогуливание» уже добытого...

Потому что одно дело – истовая вера и надежда на Куш. А другое – когда этот куш уже в кармане.

И он сразу кажется и маленьким, и... Банально скучным.

Только спустя три часа, когда осмотр всего, и особенно запасов в трюме, полностью удовлетворил киммерийца, команда в полном составе оказалась на борту, и паруса были подняты все, и «Вестрел» острым форштевнем рассекал море в паре миль от волнолома порта Манзеи, Конан зашёл наконец на камбуз.

– Занусс. Как тут наш новенький?

– Неплохо, капитан. Я даже не думал, что в столь маленькое тело может поместиться столь много... еды! – плотный загорелый кок похлопал мгновенно вскочившего с табурета мальчишку, всё ещё что-то жующего, по округлившемуся животу.

– Нет. Плохо. Плохо, что ты позволил ему есть столько, сколько он захочет. Потому что после «разгрузочной» диеты, на которой его содержал хозяин, эта хорошая пища может просто... – Конан не договорил, но Занусс хитро ухмыльнулся:

– Капитан! Ты же знаешь: я не вчера родился! Понимаю: что и как... Поэтому давал ему понемногу. И – только такое, где нет мяса. Варёный рис. Овощи. Кашу. Сухофрукты.

– Молодец. Хвалю. А теперь – давай-ка его сюда. Пора кое-что выяснить. Для начала – в какую сторону нам плыть!

Велтран уже ждал их в капитанской каюте, озаботившись разлить в огромные кубки вина из свежее – (ну как – «свежее»: всё тот же месяц назад!) закупленной партии.

– За удачу! – они чокнулись и выпили. До дна. Конан кивнул мальчишке:

– Садись вон на тот табурет. Велтран. Расчисти место. – помощник поспешил удалить со столешницы перед Аннисом разный мусор, типа огрызков, остатков снаряжения, крошек, чертежей, и прочего, неизменно каким-то странным образом горой нараставшего на капитанском столе, добра, просто: смахнул рукавом всё это дело прямо на палубу!

Конан открыл дверь каюты и гаркнул:

– Вахтенный! Сюда! Со шваброй!

Спустя не более полуминуты палуба в каюте капитана сверкала чистотой. Конан закрыл дверь за Селимом, успешным хитро глянуть исподлобья на странного подростка. Ещё бы! Нечасто чести сидеть за одним столом с Конаном в его каюте достаивался даже кто-либо из команды! Разве что совсем уж отличившийся в очередной вылазке...

– Отлично. Вот он, документ, который тебе нужно перевести. – Конан вынул из-за пазухи свёрток с манускриптом, и бережно развернул тот. Но...

– Где карта, Неграл её раздери?! Или это – проделки нашего друга Юркисса?! Клянусь селезёнкой Хуршида, я прикажу развернуть «Вестрел», и ему не поздоровится!!! – рёв Конана, наверное, было бы слышно в Манзее, если б не попутный ветер, относивший всё, в том числе и звуки – вперёд, в открытое море!

– Расслабься, Конан. Карта здесь. – Велтран поторопился извлечь манускрипт, свёрнутый трубочкой, из широких шаровар.

– Но... Как она попала к тебе?!

– Очень просто. Там, у помоста, какой-то неприметный нищий, тащившийся как бы невзначай за нами от берлоги Юркисса, очень, надо признать, ловко, вытянул её у тебя из-за пазухи. Ну а я, спустя каких-то пару мгновений не менее ловко (Пришлось вспомнить кое-какие старые навыки!) вы-

ташил её уже у него!

– Хм-м... Отлично, конечно, что у тебя навыки... Сохранились. Но... Как же я не почувял?!

– Когда работает профессионал, Конан, так и бывает. Мы же – тоже профессионалы. Только, – помощник подмигнул, – в другом деле!

– Н-да уж... А почему ты сразу не сказал?! Может, нам стоило бы остаться, да укоротить кое-кого там, в Манзее, на голову-другую?! Или хотя бы ручонки загребущие поотрубать?

– Вот именно поэтому и не сказал. Во-первых, потому, что не было никаких гарантий того, что нищий работает на Юркисса. А не «вольный стрелок»: шустрый и ловкий малый, не без оснований считающий, что уж у такого молодца, как капитан «Вестрела», всегда можно чем-нибудь стоящим разжиться. А во-вторых...

– Да?

– А во-вторых, это просто сильно задержало бы нас. Да и чего суетиться-то, если карта – у нас? И «шустрый малый» так и так остался с носом? Представь, какую «плату» он получит от хозяина за работу? Если, конечно, работал по «заказу».

Конан усмехнулся:

– Н-да, пожалуй, ты, как всегда, прав. Выбрав самый простой и неожиданный способ. Улаживания проблемы. Уважаю. Помощник Велтран! Официально заявляю: ты полу-

чишь дополнительный пай. От всего, чего бы мы не нашли. Ладно, – Конан обернулся теперь к подростку, всё это время вертевшего так и сяк манускрипт, щурясь и что-то шепча про себя, ещё и покручивая в воздухе пальцами, словно что-то ввинчивая, и рывкнул:

– Ну? Что там?! Ты читать-то – точно умеешь?! Что ж ты крутишь-то пальцы да этот пергамент туда-сюда, словно это – лаваш какой?!

– Простите, милостивый господин! Потому и кручу, что – умею! В том числе и на древне-стигийском! Вот: видите? Здесь написано не так, как привычно нам: буквы-то те, стигийские, а вот само послание... Оно действительно на пунисском. Но идёт вот так: по периметру, по кромке: словно сходясь спиралью к центру!

– Что?! – Конану и правда было непонятно, – Как так – по периметру? Мы же ясно видим: вот они – строчки!

– Э-э, нет – тут штука похитрее! Начинается манускрипт традиционно: «Во имя Сета, все сильного и всезнающего! Я, Пантир, сын Гоолмена, прозываемый стигийцем, оставляю это послание себе самому, на тот случай, если забуду всё, что должен помнить!» Так. А вот дальше продолжается вот тут, – мальчишка перевернул документ вверх ногами, и продолжил читать:

– Человеческая память несовершенна, и я должен оставить мысль о том, что буду помнить обо всём и через пятьдесят лет. Да пребудет со мной милость покровителя моего, –

Аннис повернул манускрипт снова вверх ногами, и продолжил, сощурившись, – Сэта несравненного! Если бы не тот факт, что все мои... э-э... нет, не товарищи, а скорее, подельники. Да – так правильной – подельники, оказались убиты воинами Барадеза четвёртого, корабль затоплен, а предводитель захвачен в плен, мне бы и не понадобилось писать этот, – снова поворот, – документ. Но я уверен, что даже попади он в чужие руки, никто не проникнет в тайну настоящего места хранения основной части награбленного Астигом Безухим, капитаном «Акулы», с помощью Пожирателя, потому что пишу его, – снова поворот, – на мертвом языке и буквами другого древнего языка. – мальчишка тяжело вздохнул, прокашлялся, и облизал губы, косясь на кувшин. Конан намёк понял, и налил полбокала. Мальчишка благодарно схватил предложенный кубок, и чуть ли не залпом выпил всё налитое, даже не поморщившись:

– Благодарю, милостивый господин! Поесть-то я поел, а теперь в горле... Словно в Сахаре!

– Хорошо. Но продолжай!

– Да, милостивый господин! – мальчишка вытер рот тыльной стороной кисти, и продолжил с того места, где остановился, – А для гарантии того, что его не сможет прочесть никто, кроме меня, – ещё поворот, повороты стали чаще, и Конан с Велтраном уже не обращали на них внимания, поглощенные содержанием документа. – я располагаю само послание по Релдизьердовой спирали, в тайну которой не мо-

жет проникнуть простой смертный.

Так вот, главное: от реки, прозываемой зингарцами Понт Вендийский, если смотреть на устье со стороны моря, нужно плыть к востоку. В дне пути на корабле из пустыни вытекает река Танисс. По этой реке нужно подняться на пятьдесят три мили вверх, выйти на левый берег, у огромного белого камня-зуба, и двинуться перпендикулярно берегу, прямо вглубь пустыни, в направлении двойной вершины. Пройдя примерно пять миль после чёрного утёса, нужно повернуть направо – вдоль русла давно пересохшего ручья. Ошибиться невозможно: это русло вымощено каменной мостовой. По этой мостовой нужно дойти до капища... богини Хаммуранж. Её храм стоит на острове посреди высохшего озера. И окружён каменными воинами...

Мальчик сощурился ещё сильнее, и приблизил документ совсем уж близко к лицу:

– Эти воины... они... непонятно – неразборчиво написано! Но вот тут дальше – понятно: «всё сложено прямо под её статуей, под алтарным камнем!»

Мальчишка ещё пощурился. Хмыкнул, и буркнул несколько разочарованно:

– Это – всё. Тут больше ничего нет, милостивый господин!

– Стало быть, Астиг и его команда спрятали награбленные сокровища – чертовски далеко, да ещё в заброшенных проклятых землях. – Велтран явно оказался не в восторге от

услышанного.

Конан и сам почесал в затылке:

– Кашшагет их раздери. Вот уж молодцы. Неплохо придумано. Добровольно в пустыни между Вендией и Чёрными Королевствами мало кто решится сунуться. Хоть в одиночку, хоть – отрядом. Пусть и за сокровищами. Мёртвые места. Ни воды, ни растительности. Даже дожди не идут. Только иссохшие русла бывших рек и ручьёв, да буро-серая пустыня. Ну, ещё перекасти-поле да саксаул. Послание... Скажем так: не порадовало.

– И что, Конан, – Велтран выжидающе глянул на капитана, – Будем пытаться?

– А то! Разве мы – не самая отчаянная и сплочённая команда берегового братства?! Нам и древнего Пожирателя убить было – раз плюнуть! Что нам какие-то там якобы «проклятые земли»?! Зачем – «пытаться»? Просто пойдём и заберём!

Команда, которую Конан собрал на палубе, выслушала перевод стигийского документа внимательно. Но вот реакция...

Порывистый Рнего предложил бросить эту затею сразу, послав и её и проклятый документ к Негралу, и обратившись снова к традиционным способам заработка: «обработке» купеческих кораблей короля Вездигдета. Эльдорн, старейший член команды, уверовав в звезду и организаторский талант

их командира, наоборот – предлагал начать как можно скорее:

– Уж можете поверить мне на слово: такой запасливый и злобный сволочь, как Астиг – уж точно отложил себе на чёрный день кусочек пожирнее! А то, что расположил подальше, и – в проклятых землях – нам только на руку! Значит, уж точно никто ещё эти сокровища не нашёл и не забрал!

– Не забрал-то – ладно... Лишь бы мы сами, попытавшись это сделать, не остались там... Охранять их напару с каменными воинами! – Лизандро, переглядывавшийся как обычно с Ксаро, не скрывал скепсиса.

– Что за бред! С нами – Конан! Вы что – забыли, что мы убили даже самого Пожирателя! И если Конан смог придумать план, как разделаться с самой кровожадной волшебной тварью пучин Лирваны, то уж в заброшенных-то землях нам с ним бояться нечего! Я – с Конаном до конца!

Все загудели и заспорили, но видно было, что речь Эльдорна, раньше не слишком-то уверенного в том самом «плане» киммерийца, а сейчас, похоже, заделавшегося рьяным его поклонником и фанатом, воодушевила всех:

– Даёшь сокровища! Всё правильно: с нами Конан! Он что-нибудь придумает! Кто не хочет – пусть сидит на «Вестреле», пока мы будем ходить за деньгами! А их долю – нам! Наверняка там горы золота!..

– Так, тихо, – после окрика киммерийца мгновенно наступила тишина, словно прозвучали трубы Последнего Суда, –

Мы – вольное Братство. Решим как всегда. Кто согласен идти со мной до конца – перейдите сюда – он показал себе за спину, – Кто не согласен, имеет на это право. Пусть остаётся на корабле, но... Доли *этой* добычи он тогда лишается! Давайте, переходите.

Конану было приятно, что стоять перед ним не осталось никого. Команда, дружно и быстро перешедшая за его спину, после выкрика Велтрана: «Да здравствует капитан Конан!», принялась орать, свистеть и улюлюкать. Конан улыбнулся. Поднял руку, призывая к тишине. Крики стихли. Варвар обернулся к помощнику:

– Сегодня к ужину – три бурдюка – в кубрик!

Ответом были новые крики и довольное ржание.

Конан не стал тормозить энтузиазм, однако сам вовсе почему-то не чувял такового.

Внутренний голос говорил ему, что основные проблемы у них...

Ещё впереди.

Ну и что?

Встретив очередную, они обязательно что-нибудь – да придумают!

Плавание, как ни странно, проходило без особых волнений и приключений. Разве что два раза попали в штиль – на три, и на один день.

Конан из разговоров команды краем уха слышал, что но-

венький, которого его головорезы с традиционными шуточками и прибаутками разместили в самом тёмном углу кубрика, повесив его гамак возле самой носовой переборки, прижился неплохо: во-всяком случае, ржал над побасенками Эльдорна вместе со всеми, и от работы не отлынивал. А поскольку новых синяков и ссадин на его теле не появилось, Конан решил, что с уживчивостью и юмором у нового юнга всё в порядке.

Генеральную уборку проводили только один раз – как раз на второй день первого штиля. Аннис по этому поводу высказался в том смысле, что даже в особняке предыдущего хозяина он так старательно медные детали такелажа не надраивал. На что Рувим проворчал, что, дескать, пусть скажет спасибо, что его не заставляют надраивать якорь. Конан удивился: ухмыльнувшийся во весь рот Аннис, оказывается, знал про этот традиционный прикол для салаг:

– Уж чего-чего, а бесполезной работёнки я за свою жизнь навиделся. Прикажет капитан Конан – надраю и якорь!

Рувим хлопнул паренька могучей дланью по спине:

– А ты молодец. Соображаешь! Похоже, вольёшься к нам в команду!

На третью неделю показалось побережье: Конан сам осмотрел его из заново отстроенного корабельным плотником Ксаро вороньего гнезда: теперь в нём можно было смело располагаться хоть втроем.

– Внимание, команда! Высаживаться будем по очереди.

Здесь, на «Вестреле», останутся десять человек. – чтоб унять ропот возмущённых голосов, Конан продолжил, – Они получают точно такой же пай, как и остальные, те, кто пойдёт. А вот кто пойдёт – пусть определит жребий. Так всё будет справедливо!

Жребий определил. Конан, расположившийся на носу шлюпки с партией тех, кто должен был разбить на берегу временный лагерь, с интересом наблюдал, как приближается полоса прибоя: белые бурунчики волн неторопливо набегали на пологую отмель из ослепительно сияющего под полуденным солнцем песка. Он первым спрыгнул и на отмель, в который шлюпка ткнулась носом. Полоса джунглей, виднеющаяся за ста шагами пляжа, казалась безопасной, но он всё равно проверил, легко ли меч вынимается из ножен. Двадцать ржущих и подкальывающих друг друга молодцов поспешили закрепить шлюпку за очень даже подходящую корягу на берегу, у самой кромки воды.

– Лизандро, Халед. Возьмите мальчика, да проверьте – что там, в джунглях. Не расслабляться! Быть внимательными! То, что никого не видно – ничего не значит!

Когда трое разведчиков скрылись за полосой прибрежных кустов, Конан приказал:

– Ну-ка! Быстро грузим всё что привезли – назад в шлюпку! Отдать швартовы! Отплываем от берега на пятьдесят шагов!

Если кто из пиратов и был удивлён странным приказани-

ем, никто не посмел возразить или что-то спросить: все отлично знали: капитан Конан просто так ничего не делает!

Действительно, не прошло и пяти минут, как из леса, с двух его сторон, появились Лизандро и Халед. Они что есть сил бежали к шлюпке и, бросившись в воду, за каких-то пару десятков гребков преодолели те двадцать шагов, на которые она успела удалиться. Как только им помогли взобраться на борт, из подлеска появился и Аннис: изо всех сил он тоже бежал к лодке, истошно вопя:

– Конан! Капитан Конан! Господин! Почему вы бросаете меня?! Ведь здесь никого опасного нет?!

Конан, приосанясь, встал на корму, которой шлюпка уже оказалась развёрнута к берегу, и от которого её отделяло теперь действительно не менее пятидесяти шагов:

– Вот именно, почтенный Аннис, вот именно! На острове Потерянных Душ, действительно, кроме тебя – сейчас живых нет! Поэтому располагайся со всеми возможными удобствами: хочешь – поживи пока в пещере Астига Безухого, хочешь – построй себе шалаш на побережье. И – молись. Молись, чтоб наша экспедиция завершилась удачно, и мы смогли на обратном пути забрать тебя. Потому что если этого не сделаем мы – не сделает никто! Сюда ни один нормальный капитан не заплывёт добровольно!

И кстати – можешь убрать личину. И принять свой обычный вид.

На глазах удивлённой команды маленький и безобидный

на вид мальчик медленно превратился – как бы перетёк! – в весьма тощего и высокого мужчину. Явно средних лет, но абсолютно седого. С огромной окладистой бородой, сильными пальцами, и жилистыми загоревшими до черноты руками. Очень злобно глядящего на уплывающих:

– Мардук тебя задери, Конан! Когда ты догадался?

– Да ещё на помосте для невольников! Все твои рубцы от якобы бича казались такими... Натуральными! Пока я не потрогал один из них рукой – ну, помнишь, когда я тебя уводил с помоста? – и не выяснилось, что он просто нарисован! Ну, или не нарисован – а просто выглядит рубцом. А на самом деле там, под ним – гладкая и упругая кожа! (Кстати: кожа у мальчишки, которого плохо кормят и хлещут кнутом, просто не может быть столь гладкой и холёной!) Да и потом ты облажался: прочёл и расшифровал всё слишком быстро для мальчишки без опыта. Да и не может никакая мать научить этому – как ты тогда сказал? – Спирали Релдизьерда! Я уж не упоминаю про то, что ты слишком спокойно и легко для мальчика – даже не покривившись! – выпил коринфского! И ни на вот столько, – Конан показал кончик пальца, – не захмелел! Так что твои поспешность и любопытство снова сказали мне, кто ты на самом деле. А уж подсыпать тебе сонного порошка в вино было совсем не трудно! Вот, пока ты спал, мы с Велтраном всё и обсудили.

Что нам с тобой, хитро...опым стигийским колдуном, делать!

– Во первых, не стигийским! – колдун вроде как даже оскорбился, – а немедийским! А во-вторых... Конан, ты же не можешь меня вот так, здесь, действительно – бросить?! Это... Это же – чистое убийство! Здесь же наверняка водятся змеи, крокодилы, многоножки, твари всякие! Ядовитые!

– Ядовитая тварь сейчас на острове только одна! – Конан заржал, его спутники подхватили, – и это – ты, Аннис, или как там тебя на самом деле! А насчёт своей жизни – не бойся. Стигиец Пантир, который оставил нам свой манускрипт, выживал здесь не меньше тридцати лет. Я надеюсь, что наша экспедиция за сокровищами столь долго не продлится!

– Но Конан... Вы ведь и правда – можете погибнуть! Или что-нибудь помешает вам вернуться за мной! Ну, там, ураган, шторм, кораблекрушение – да мало ли! Да и манускрипт... Там ведь наверняка не всё написано! Какие-нибудь ловушки или колдовские секреты есть! А я мог бы вам помочь! Прямо там, на месте! Может, передумаешь, и возьмёшь меня? Обещаю: ни вредить, ни обманывать больше не буду!

На этот раз уже вся команда шлюпки ржала так, что из джунглей, возмущённо вереща, и хлопая крыльями, вылетела огромная стая разноцветных, словно радуга, попугаев, и стремительно улетела куда-то вглубь острова. Колдун возмущённо топнул ногой:

– Вы мне не верите?! А зря! Я точно уверен – ловушки есть!

– Почему – не верим? Верим. Более того: если мы в чём-то и уверены – так это – как раз в этом! Мы уже сталкивались с гнусным нравом и грязными приёмчиками того, кто оставил нам этот манускрипт! И точно знаем: просто так до сокровищ Астига Безухого ни нам, ни кому бы то ни было, не добраться! Но так что с того?! Мы и в первый раз отлично справились со всеми его подлыми придумками!

Так что располагайся тут с удобствами, как тебе будет угодно. И моли Мирту Пресветлого, или кого-нибудь из своих Богов, чтоб наш поход завершился благополучно.

И как можно быстрее!

Когда остров Потерянных Душ давно скрылся за кормой, а к концу подходил уже второй бурдюк из запасов давешнего коринфского, Велтран, уже двигавший только глазами, да и то – еле-еле, проворчал:

– Может, всё-таки что-то было... разумное... в его предложении? Может, надо было захватить его с собой? А то – мало ли... А вдруг он и правда... Просто не всё перевёл!

– Удивляюсь я тебе, помощник. Уж больно ты доверчивый. Неужели опыт общения с другими магами, и колдунами-почитателями Сэта Тёмного, ничему тебя не научил?

– Научил.

– И чему же? – Конану пришлось сесть, потому что Велтран явно уже не мог задрать кверху голову, чтоб взглянуть ему в глаза.

– Тому, что без помощи любого мага лучше обойтись. Во всяком случае, до тех пор, пока с нами – ты, Конан!

Конан не без удовлетворения отметил, что храп его помощника, огласивший каюту сразу после высказывания этой сложной и явно оказавшейся почти непосильной для ускользающего сознания, мысли, вполне здоровый и бодрый.

Значит, Велтран явно не лукавил, а сказал то, что думал.

И что, собственно, думала и вся команда. Иначе с чего бы они столь сплочённо и охотно поддерживали своего капитана во всех его, даже самых невероятных, начинаниях?! Например такого, как охота на давешнего Пожирателя: древнего не то – монстра, не то – Полубога.

Но ведь убили же они чудовище?!

Хотя раньше никто из простых смертных наверняка никогда *такого* не делал...

Конан подумал, что груз ответственности велик. Подлоостей и ловушек ждуть наверняка надо.

Нужно подумать, какими они могут быть – на диком-то и проклятом побережьи.

А ещё надо придумать, как справиться с ними. Причём так, чтоб все его товарищи – уцелели!

Иначе что он будет за капитан?!

Побережье поражало странным ощущением заброшенности.

– Чего удивляться, что здесь ни одна собака не хочет вы-

саживаться! Я бы ни за какие коврижки добровольно сюда не сунулся! – Рнего как всегда говорил то, что чувствовал и думал. А сейчас даже сплюнул в сердцах за борт.

– Бреешь ты, Рнего, как сивый мерин, – Нэш усмехнулся, – Вот: лезешь же!

– Ну так!.. Не за коврижки, а за этикие красивые золотые кругляшки! Их ещё называют деньгами! Но побережье... Бр-р, мягко говоря! – Рнего передёрнуло.

– Да, пожалуй, нескоро кабатчики из Кордавы захотят открыть здесь новые заведения. – Эльдорн держал большие пальцы засунутыми за широкий пояс, на котором красовалось два кинжала и сабля из аквилонской стали, – Так что, боюсь, всё питьё нам придётся тащить с собой.

Конан подумал, что ветеран зрит, как всегда, в корень: пустынный вид побережья в обе стороны от русла Понта Вендийского оставлял гнетущее впечатление: ни джунглей, ни кустов, ни даже травы. Зелёной. Потому что сухой травы, да ещё голых ветвей саксаула на дюнах, окружавших русло шириной в добрую милю, имелось достаточно.

– Странно это, Конан, – это в разговор влез подошедший незаметно сзади Велтран, – река – огромная, и вода пресная... Но почему здесь не растёт ничего? Помнишь ведь: везде, где есть река, по берегам и деревья, и кусты... Обычно чуть ли не на мили!

– Не знаю, Велтран, почему здесь – так. Разве что дело в том, что этот Понт размывает какие-нибудь – или ядовитые,

или неплодородные – породы, и откладывает наносы из них на своих берегах: вон, видишь? И берега и цвет воды самой реки какой-то...

Нездоровый!

То, что цвет воды, мягко говоря, нездоровый, видели все. Да и верно: когда это цвет воды в реке бывал ярко-оранжевым?! Явно тут не всё в порядке! Иначе и люди бы селились по берегам: как же не использовать столь удобную транспортную магистраль для проникновения вглубь побережья?! Да и город возник бы непременно: где же ещё базироваться купцам и ремесленникам, обслуживающих всегда тех, кто открывает и осваивает новые плодородные, или богатые какими-нибудь другими достоинствами, вроде жемчуга, железных руд, или алмазов, земли?

– Так, ладно. Собственно, нам плевать, как выглядит само это устье. Пусть даже и разбитое островами и мелями на десятки рукавов. Главное, что сомнений в том, что это – тот самый Понт Вендийский – никаких нет! А нам нужна река Танисс. И до неё при попутном ветре – день плавания. На восток. Вот и поплыли. Помощник! Поднять снова все паруса! – Конан бодро улыбался, хотя если признаться честно хотя бы самому себе, местные «красоты природы» и на него произвели гнетущее впечатление. Уж больно...

Безжизненно тут всё.

Не видно даже обычных животных, или птиц.

Как пить дать, тут что-то... Колдовское!

Не даром же побережье носит название Проклятого...

Река Танисс, к счастью, оказалась вполне обычной рекой. И даже вода в ней оказалась чистой, (почти) и холодной. Конан, пошкребя многострадальный затылок, подумал, что это – вероятней всего от того, что питают эту реку наверняка снега и льды, таящие там, в горах, острые вершины которых отлично просматривались за пустынным, как и сутки назад, побережьем. Но деревья и даже кусты вдоль русла речушки не более чем ста шагов в ширину, тоже почему-то не росли.

Это не помешало Конану и команде завести «Вестрел» прямо в русло, и, пока дул приличный попутный утренний бриз, продвинуться вверх на добрых пять миль. Тут ветер «коварно и подло» по словам Лейбена, стих. Конан сердито хмыкнул: команде явно придётся или поработать, или оставить корабль здесь, на пока ещё глубоком фарватере, а дальше двигаться на шлюпках. Или пешком.

Его не устраивали ни такой ни такой вариант: ведь тогда придётся делать ещё временный лагерь в том месте, где нужно будет удалиться от реки, и, следовательно, оставлять часть людей и на корабле, и в этом лагере. Но всё его естество, и навыки, полученные в сотнях битв, противились такому неоправданному разделению сил.

Поэтому ровно половина команды оказалась после обеда перевезена на берег.

Там достойным представителям берегового братства при-

шлось засучить рукава, взяться за толстенный канат, и тянуть на буксире за собой немаленький «Вестрел» вверх по течению. Вначале, разумеется, пираты ворчали и препирались друг с другом за место, и за то, чтоб никто не отлынивал: «Тяни, гад такой, а не кряхти тут для вида!». Конан, высадившийся с береговой партией, но помогать тянуть не спешивший, ворчание и склоки быстро пресёк. Но шёл рядом со своими людьми, всё время внимательно оглядываясь по сторонам, до самого заката. Закат здесь показался варвару чересчур уж кровавым...

Хотя киммериец ничего подозрительного пока не заметил, «Вестрел» на всякий случай поставили на якорь посреди русла, неторопливо несущего свои воды по равнине, а ужинать – и весьма плотно! – решили тоже на корабле: мало ли!..

Переночевали на борту. Утром, ещё до восхода, плотно позавтракали. И пока было более-менее прохладно, вторая половина экипажа повлекла корабль дальше. Конан снова шёл рядом с вынужденными бурлаками, но даже его сверхобострённые инстинкты и слух со зрением не обнаружили ничего. Но там, глубоко внутри, он чуял: что-то или кто-то ждёт их впереди...

После обеда береговая партия снова поменялась с «бортовой». Конан продолжил поход, теперь уйдя чуть не на полмили вперёд: иссохшая трава и каменистые россыпи, встречающиеся в песчаных дюнах всё чаще, делали поход гораздо удобней. Но те пираты, что теперь почти не утопали, как

первые мили, по колено в песок, и тянули канат против усилившегося течения, от такого «облегчения» меньше ворчать вовсе не стали.

На следующее утро всё повторилось, только теперь пес-ка под ногами почти не было, и дюны окончательно сменились каменистыми холмами и небольшими плато, на кото-рых имелась даже земля, покрытая корочкой съёжившихся струпьев – такыры. День прошёл как обычно, и ворчания теперь слышалось куда меньше: все поняли, что разговоры только мешают тянуть.

Ночевали снова на «Вестреле», и посты на ночь Конан удвоить не забыл. Но ночь снова прошла спокойно – он даже поудивлялся вслух, на что верный помощник скептически буркнул:

– И хвала Мирте Пресветлому, что пока «приключения-ми» и ловушками не пахнет! Но помяни моё слово, капитан: они где-то там, – толстячок кивнул обросшей и начавшей се-деть головой вглубь суши, – имеются!

Конан не ответил, поскольку и сам так считал. Хотя он от-лично понимал и то, что раньше времени волноваться смыс-ла нет: препятствия и ловушки от их «нервов» никуда не ис-чезнут! А они только зря взбудоражат команду, если начнут своим поведением и разговорами показывать, что волнуют-ся.

К обеду добрались.

– А что, очень даже миленький камешек! Только вот не

пойму, кто его здесь установил. – Велтран, похлопывая по белейшей, сверкающей словно полированный мрамор самых драгоценных сортов, поверхности, поглядывал то на Конана, то на макушку десятисаженного камня, словно клык торчавшего из окружающего щебня. Ни следа других камней, или скал, от которых такой «зуб» мог бы отколоться, вокруг не наблюдалось: пустыня и пустыня! Вот только вместо песка – гравий и галька!

– Насчёт того, кто «установил» – не знаю. – Конан тоже поглядывал, но больше – на бесплодную равнину, простиравшуюся за зубом насколько хватало глаз, и единственным «украшением» которой являлся пологий невысокий холм в паре миль от берега реки, – Но камни и скалы здесь определённо были: вон, смотри, сколько щебня! И гравия. Значит, камни точно имелись. Только разрушились. Думаю, что от времени. И погоды.

– А что – погода, Конан?! Не думаю, что здесь выпадает больше пары капель дождя за целые годы! Да и суровых зим со снегами и льдом здесь, в сердце Чёрного континента, не бывает. Ветер? Так его нет с тех самых пор, как мы вошли в устье Танисса, и ребятам поэтому и пришлось тащить корабль на буксире! И непохоже, что хотя бы дохленький ветерок появится, – действительно, и пираты и сам киммериец в непривычном безветрии и гнетущей, почти осязаемой, тишине, буквально обливались потом, и вынуждены были постоянно прикладываться к флягам – благо, набрать питьевой

воды в реке было недолго.

Конан похмурил густые брови, и сердито кивнул на окружающий ландшафт:

– Твоя правда, помощник. Значит, будем считать, что скалы разрушены временем. И никакие чародеи со своими зловещими ритуалами к этому руку не приложили.

Велтран пытливо посмотрел на киммерийца. Судя по-все-му ничего утешительного или бодрящего в облике капитана не увидел. Проворчал:

– Вот умеешь же ты, Конан, вселить в своих подчинённых и друзей уверенность в будущем и бодрость духа!

Конан не выдержал, убрал с чела напускную серьёзность и весело заржал, качая лохматой головой:

– Да ладно тебе, Велтран! Могу я хоть изредка пошутить?! А то на вас всех и смотреть-то страшно: Лейбен каждую минуту озирается, как будто за ним охотится стая полярных волков, Нэш – целует ладанку, которую носит на груди, а Шерван так вообще: всё время что-то бормочет: не иначе – молится!

– А даже если и так, Конан, что с того?! Ребята боятся. И боятся, как мне кажется, правильно: не зря же эти места считают проклятыми, и никто здесь испокон веков не селится! Может, конечно, слухи о битвах, происходивших здесь между древними богами – и неправда... И скал тут просто не было... Но где же тогда – хотя бы растительность?!

– Плевать нам на растительность. Которой нет. Но ведь

когда-то же была?! Вон: сухих палок от саксаула будет вполне достаточно для костра, чтоб приготовить ужин, и поддерживать на ночь огонь. Так что сегодня разбиваем лагерь прямо у подножия этого «зуба», и ночуем, наконец, на твёрдой земле!

Половину ночи, действительно, провели спокойно и умиротворённо. Только часовые добросовестно «бдили» во все стороны от площадки, где расположились пираты, и даже стрёкот цикад, или пищание летучих мышей не отвлекали их от охраны. Потому что не было тут ни обычных в любой, даже пустынной, местности, цикад, ни летучих мышей.

Поэтому когда вскоре после полуночи откуда-то из середины лагеря раздались истошные крики, сразу заставившие всех мужчин вскочить, и начать размахивать выхваченным оружием, даже вскочивший на ноги в долю секунды Конан удивился. Но осмотрелся вокруг мгновенно. И отреагировал на ситуацию быстро:

– Заткнуться всем! Убрать оружие, пока не покрошили друг друга в салат! – тишина (ну, относительная!) наступила как по мановению волшебной палочки. Сам варвар, первым подал пример, сунув тяжёлый хайбарский меч в ножны. Спросил:

– Кто орал?

– Это я, капитан! Я орал! – Арристарх, глаза которого, блестящие необычным светом в зареве костра, расшири-

лись, казалось, на поллица, вышел вперёд, поддерживая бес-
сильно висящую левую руку – правой, – Меня... Ранили!

– Да-а?! И как же это, интересно, произошло, если часо-
вые на месте, и они никого не заметили? А ты спал почти в
середине нашего лагеря?

– Не... Не знаю, Конан! Но вот – рука! Она не движется!
И ничего не чувствует – словно онемела. А вот здесь – болит!

– И как же это получилось? – Конан, подойдя, вниматель-
но осмотрел место, где «болело». Нахмурился. Кровь и опу-
холь имелись несомненно...

– Ну... Я спал. И вдруг проснулся – от боли! В руку словно
бы вонзили кинжал! О-о!.. Да ты же и сам видишь, Конан!
Вот: есть и след от кинжала!

Конан подвёл пострадавшего поближе к огню, и снова
развернул руку раненным местом к свету костра, куда Вел-
тран уже поторопился подбросить хворосту из тоненьких, но
неплохо горящих иссушенных веточек саксаула.

Хм-м... Рана на предплечьи бедолаги кровоточила. Прав-
да, казалась неглубокой. И – словно двойной. Конан прищу-
рился. Снял со лба Арристарха платок, повязанный вокруг
лба, и плюнул на него. Потёр рану и кожу вокруг неё. Надо
же – на удар оружия не похоже. Но где-то он уже подобные
раны...

– Всем – встать! – пираты, попробовавшие было снова
расположиться дальше на отдых, поторопились вскочить, –
Осмотреть себя, осмотреть друг друга! Мы ищем огром-

ных насекомых! Вроде муравьёв... Или каких-нибудь сколопендр, или фаланг!

Все загалдели. Но вскоре порядок восстановился: пираты осматривали друг друга со всех сторон, и ругались уже потихоньку. Правда, к счастью, никого ни на ком не нашли. Что Конана не слишком удивило: если это – муравьи, они всегда вначале высылают не поиски пищи разведчиков. А уж потом атакуют всей армией. Но где же тогда эта...

Ворчание и гул голосов, как и мысли Конана перекрыл крик Рувима, одного из дозорных, назначенных для присмотра за западной частью равнины:

– Конан! Скорее сюда! Думаю, тебе нужно на это посмотреть!

Конан не стал мешкать: ведь укусил же кто-то Арристарха! Значит, врагов может быть много! Врагов не разумных, а повинующихся инстинкту. И от этого – ещё более грозных! Потому что будут нападать, если почуют добычу – неумолимо, и не считаясь с потерями!

И точно. Самые худшие опасения подтвердились!

Из глубины чёрной пустыни к лагерю пиратов катился словно бы ещё более чёрный вал: из мельтешащих крошечных телец, тихо шелестящих по камням и щебню миллионами лапок! Этот невысокий, но казавшийся весьма плотным, вал, покрывал огромное пространство: не меньше сотни шагов по фронту, и нескольких сотен – в глубину!

Конан, любивший трезво оценивать ситуацию, заорал:

– Забрать всё, что сможете нести на себе! В первую очередь – оружие! И – бегом к берегу. Грузиться в шлюпки! И – на корабль!

Уже на корабле, проконтролировав, что все живы и даже относительно целы, (десяток синяков, полученных в небольшой давке и отдавленные в спешке ноги – не в счёт!) киммериец убедился, что их поспешное бегство явилось мудрым решением: растянувшийся теперь вдоль реки фронт атакующих достигал нескольких сотен шагов в ширину. Да и в глубину, казалось, превышал ширину самой, довольно широкой здесь, реки.

– Проклятье! Неграл их задери! Что же нам теперь делать-то, Конан? Мы ведь даже на берег высадиться не сможем?! – растерянность в тоне Зенло не укрылась от варвара.

Понимая, что и остальные партнёры по добыванию древнего клада ждут от именно него, как своего капитана, какого-нибудь объяснения или решения, как быть дальше, Конан сказал:

– Что делать – решим завтра. Не думаю, что эти твари будут держать нас в осаде. Да и не может армия насекомых торчать здесь, на пустынном и жарком берегу, без пищи и тени, вечно. Они тогда просто попередохнут: под лучами солнца и с голоду.

– Хм-м... Это было бы уж слишком хорошо, Конан, – Велтран хохотнул, – Хвала Мирте Пресветлому, что мы ещё не удалились от реки, и лагерь был недалеко от «Вестрела». Так

что то, что мы живы, и даже не покусаны – ну, почти! – заслуга целиком твоя. Это ты настоял на таком решении.

Толпа пиратов одобрительно загудела:

– Да! Хвала Мирте Пресветлому! Какой молодец наш капитан! Спасибо, Конан! Если б не река!.. Вот сволочи какие! Охотятся ночью!

– Нет, не думаю, что они охотятся. – Конан хмурился, так как пока не придумал, как покончить с тварями, оккупировавшими берег, – Муравьи – не охотники, как, скажем, осы или пауки. Они – собиратели. То есть – едят всё, что найдут съедобного: растения или падаль. Ну, если найдут добычу, которая не сможет от них убежать, или улететь – нападают, конечно... А обычно просто высылают из муравейника во все стороны собирателей-разведчиков. – Конан уже имел кое-какой опыт общения с муравьями*, и говорил достаточно уверенно, – И тот, который укусил Арристарха – и был как раз одним из таких разведчиков.

(*См. роман «Конан и волшебник с севера».)

И вот ещё что я думаю. Нам нужен хотя бы один такой муравей. Чтоб мы хотя бы знали, с кем и как нам предстоит бороться.

– Без проблем, Конан. Хочешь, я быстренько сплаваю, и добуду одного? – энтузиазм Рнего так и искрился, и остальные пираты даже стали подтрунивать, и посмеиваться, но Конан отнёсся к делу серьёзно:

– Нет. Никаких «быстренько». Сейчас ты и шестеро греб-

цов сядут в маленькую шлюпку, и подплывут к берегу. Но вначале возьмишь на камбузе у Занусса большую кастрюлю с хорошей крышкой, – Занусс возмущённо фыркнул, но Конан реакцию кока проигнорировал, – и зачерпнёшь ею хотя бы парочку этих тварей. Не рискуй зря. Мало ли какую гадость они кусали своими жвалами! Можно и подцепить какую-нибудь заразу!

– Конан! А как же тогда – моя рука?! – глаза Арристарха, всё ещё бережно придерживающего укушенную руку казались теперь ещё больше, – Она же... распухла?! И теперь – словно горит!

– Э-э, не бери в голову! Это просто их, ну, муравьиная, кислота! Она едкая, но – не смертельная. Это не яд. Но всё равно: пойди в мою каюту, достань из ларя под койкой большую суму. Там, в кармашке, есть склянка с бальзамом. Зелёная такая. Намажь укус, и через пару дней всё пройдёт!

– С-спасибо, Конан! – Арристарх двинулся, чуть покачиваясь, к каюте. Рнего, не без основательных препирательств типа, «из этой вы все едите суп», «а эта – для компота!», как посмеиваясь про себя, слышал Конан, добыл наконец у кока кастрюлю. И с шестёркой гребцов слез по верёвочному трапу снова в шлюпку. Занусс ободрил:

– Если кастрюлю утопишь, или испортишь, я вычту из твоей доли. А тебя буду кормить только солониной! Без первого, и без десерта!

– Ладно тебе, Занусс! – Рнего заржал, – Не думаю, что эти

твари способны прогрызть медь! Кстати: я что-то не припомню, чтоб ты когда-нибудь кормил нас десертом!

– Ну вот теперь – точно его и не увидишь!

Вал из чёрных телец у кромки воды между тем явственно шевелился: твари упорно пытались добраться до вождёльной добычи, бегая вдоль берега. Но – безуспешно: течение уносило отчаянных смельчаков, пытавшихся доплыть до темнеющей в ночи громады корабля, где скрылись восхитительно пахнущие тела крупных двуногих!

Однако отсюда, с безопасного борта, сами тельца тварюшек не выглядели уж слишком большими или грозными.

Конан, повидавший и куда более опасных представителей мира членистоногих и насекомых, подумал, что не удивился бы, даже если б странные твари, обитающие в пустынной проклятой стране, могли и правда – прокусить чёртову кастрюлю.

Ничего: если что – запаять медный сосуд будет нетрудно!

Спустя буквально пять минут экспедиция за мурашиками, как окрестил её Эльдорн, благополучно завершилась. Рнего, радостно улыбающийся, торжественно сообщил:

– Никаких проблем, капитан! Даже обидно! Мы, понимаешь, приготовились к битве не на жизнь, а на смерть, а они... Просто позволили себя зачерпнуть!

– Ладно, высыпай сюда! – Конан показал на огромную стеклянную бутылку с приготовленной воронкой. Бутылку на-

шли тоже на камбузе, и из неё пришлось предварительно пересыпать в другую тару какую-то очень пахучую приправу, особо ценимую Зануссом. Правда, на приказание уже самого Конана освободить бутыль кок не ворчал, а лишь сердито сопел. Рнего, придерживав крышку, чтоб вначале на палубу стекла вода, вместе с которой он «зачерпнул» из передовых отрядов своим «боевым сосудом», поторопился пересыпать добытых «пленных».

Теперь в свете факелов и фонарей мокрых насекомых было видно отлично.

Пираты даже на какое-то время притихли, стараясь лучше рассмотреть своих неожиданных врагов.

Восемь здоровенных, с добрый палец, чёрных тварюшек, упорно скреблись в толстое стекло стенок, щёлкая немаленькими жвалами на гигантской, непропорционально большой, словно бульдожьей, голове, и отблёскивая во все стороны полированными чёрными боками. Иногда замирали, словно в недоумении. А иногда останавливались, как бы общаясь друг с другом: тёрли друг о друга антеннами-сяжками.

Шесть лапок. На конце брюшка – жало. Но сильнее всего поражали именно передние жвала – главное оружие насекомых. Они казались очень прочными и сильными!

– Знаешь, Конан, это ведь – не муравьи.

Конан удивлённо обернулся на замечание Эльдорна. Но не потому, что хотел возразить: он и сам уже понял, что твари действительно несколько отличаются от обычных муравьёв:

хотя бы часто сегментированным основным тельцем, намного более узким, чем массивная голова:

– А кто же это по-твоему, Эльдорн?

– Думаю, это – термиты.

– Это ещё что за ...аная хрень такая, разрази её Хуршид?! – Бомаго выразил общее недоумение весьма просто, в привычных словах.

– Это, Бомаго, твари *навроде* муравьёв, но живущие несколько по другим законам. Во-первых, они строят свои дома – термитники! – из своей слюны и глины, а не из соломы и всего, чего попало, как делают муравьи. Во-вторых, наружу из такого дома выбираются только воины. Вот – эти самые. А те, что остаются внутри – куда мельче, не так основательно вооружены, и работают только для блага колонии: ну, там, кормят детей, чистят внутреннее пространство, даже ухаживают за плантациями.

– Чего?! Какими плантациями?! Эльдорн, что за ерунда?! – удивлённые возгласы послышались отовсюду. Эльдорн подождал, пока они стихнут, и неторопливо, явно осознавая своё превосходство в области знания жизни термитов, продолжил:

– Это – не ерунда. Термиты от муравьёв и отличаются в основном тем, что способны обеспечить себя всей необходимой пищей сами. Без собирательства.

– Как это?!

– А очень просто. Они всё, что растёт – ну, там, растения:

листья, трава, древесина! – пережёвывают в мелкую кашу. И потом внизу, в пещерах под землёй – кормят этой кашей... Грибы!

– Что?! Как?! Какие ещё грибы?! Что за бред?

Хмыкнул даже Конан:

– Эльдорн! Откуда ты всё это знаешь?

– От дяди. Он одно время работал первым помощником придворного лекаря Лармозии. А тамошнему принцу как раз прописали пить вытяжку из этих чёртовых термитов. А их, сами знаете, в окрестностях столицы Брундизии – шишь найдёшь! Вот и пришлось мне и дяде плыть за тридевять земель в Коринфию, выкапывать там один такой термитник со всеми потрохами и обитателями с трёхметровой глубины, засовывать в гигантский деревянный ящик, да везти в Лармозию целый месяц. Это мой дядя нашёл, – в голосе ветерана прорезалась неподдельная гордость, – чем и как кормить этих букашек: иначе попередохли бы они за милую душу, пока мы их везли...

– Ну и что? Помогла вытяжка из термитов наследнику?

– Ага, два раза... Этот идиот к тому времени успел поучаствовать во дворцовом перевороте. Заговорщики успеха не достигли, папочка умудрился попросту сбежать. Через запасной потайной ход – первый-то, о котором все знали, заговорщики перекрыли... А когда вернулся назад, с войском, «больного» придурка просто приказал вздёрнуть на перекладине над главными воротами крепости. В назидание, так ска-

зять, остальным отпрыскам... Так что термиты ему уже негодились. И мы с дядей приготовили из них какое-то зелье... Не помню какое. Только зря. Дяде оно не помогло. Нет – не вылечиться, а отмазаться от участия в заговоре!

– Но Эльдорн. Сколько тебя помню – ты – член берегового братства. Когда ж ты успел побыть учеником лекаря и поучаствовать в походе за... Термитами? – Велтран задал вопрос, интересовавший и Конана, и явно большую часть остальной команды.

– А всё просто. – по тону Эльдорна нельзя было сказать, что старые воспоминания доставляют ему радость. Или хотя бы – ностальгию, – Мне тогда было всего шесть лет. Помнить-то я всё помню... А вот сделать что-либо, когда король в ярости велел казнить дядю, а заодно и всех моих родных и близких, не получилось. Да я и выжил-то... Только благодаря тому, что прибился к какому-то каравану, шедшему в Аквилонию. Потом, когда попробовал себя там – то на «работе» нищего, то в роли вора – вернулся назад, на побережье. В четырнадцать вступил в свой первый экипаж – ну, тот, на «Жемчужине Массантии».

Многие пираты закивали: этот корабль, как и его капитана, отважного, но уж очень любившего вино и порошок жёлтого лотоса, Фатхулло, многие помнили – хотя бы по рассказам выживших членов экипажа, или других пиратов. Везло им, конечно, не так, как команде Астига Безухого. Но свою долю от жирного пирога торговли Средиземноморья они то-

же урвали. Пока не встретили в море две галеры всё того же короля Вездигдета. С сильно превосходящими силами противника: двумя когортами опытных и тренированных воинов.

Выжили с «Жемчужины Массантии» лишь те, кто смог спастись вплавь, и потом умудрился долго прятаться на лесистых и безлюдных островах: дело произошло возле архипелага Пауиттос.

– Да-а, похоже, не перестанешь ты удивлять нас, Эльдорн, – Конан подумал, что, сколько бы, действительно, он не жил, буквально сроднившись, с экипажем, а всегда найдётся в биографии его людей такое... О чём они никогда не расскажут. Потому что сами хотели бы позабыть... – Но как же – термиты? Как бы нам справиться с ними? Где у них слабые места?

– Слабые места у них, капитан, как и у всех насекомых: они боятся воды – вон, мы же видим! – и огня! А, ну ещё – дыма! В густом дыму, если пробудут в нём долго, они задышатся и гибнут. А если окурить их чуть-чуть – становятся вялыми и безопасными: мы с дядей, чуть что – окуривали ящик с термитником из такой, знаешь, коптильни!

– Понятно. Но здесь-то нам не нужно, чтоб эти гады оставались живы! Нам бы лучше всё-таки поубивать их. С гарантией! Потому что нам ведь нужно будет основательно отдалиться от берега. И иметь в тылу армию, пусть мелких, но многочисленных и кусачих врагов, совсем не хотелось бы!

– Хм-м... Думаю, если найти их основное жилище – с этим проблем не будет. Затопим его водой, или сожжём с помощью саксаула!

– Ну, хорошо бы, если б так. – Конан однако покачал в сомнении головой, – Правда, насчёт утопить – я сомневаюсь. Река, наверное, всё-таки будет далековато от их гнезда. Они ж не дураки – строить там, где их какой-нибудь паводок может залить!

– Но Конан! Мы же ещё даже не видали этого гнезда! (Да и не бывает здесь паводков, поскольку нет дождей.) С другой стороны, если твари собираются сидеть здесь, держа нас в осаде – рискуем ещё долго и не увидеть этого самого гнезда...

– Не волнуйся, Велтран. Думаю, эти термиты вылезают «за добычей» только ночью. Не видали же мы их вечером. Так что надеюсь, когда солнышко припечёт их как следует – они уберутся восвояси! И будут отсыпаться целый день!

Велтран дёрнул плечами, показывая, что не убеждён оптимизмом своего капитана, но промолчал. Конан, подняв банку с тварями повыше, посмотрел на тварюшек снизу. Поцокал языком: большая часть термитов уже перестала скрестись и пытаться прогрызть стекло, а просто лежала на дне, словно в отчаянии чуть поводя лапками.

– Вот посмотришь, помощник – я окажусь прав! Такие ночные твари вряд ли способны действовать днём! Тут-то мы их и!..

Утром, стоило взойти солнышку, действительно оказалось, что термиты, напившись из реки, быстро убегают вглубь пустоши. И ещё обнаружилось, что их вовсе не так много, как казалось вначале: в глубину фронт растянувшихся вдоль берега колонн не превышал, оказывается, пары шагов: это ночью, в предательской темноте, подбегающие на подмогу и мелькавшие вдали от берега, создавая ложную «глубину фронта» запоздавшие отряды, пираты посчитали за «несметные полчища».

Конан немедленно после завтрака приказал снарядить партию разведчиков. И сам её возглавил. Собственно, идти пришлось в том же направлении, что и к лагерю. Вот только от лагеря ничего не осталось: даже палки, приготовленные для костра, исчезли! Не говоря уж о том, что все котомки и сумки с остатками продуктов словно корова языком слизнула.

– На кой шут этим придуркам сухой саксаул?

– Не знаю, Конан. Но скорее всего они подобрали щепки потому, что те пахли.

– Чем же это они пахли?!

– Нами. Ну, вернее – потом от наших ладоней. Тварюшки наверняка понимают, что мы – съедобны!

На этот раз плечами пожал Конан:

– Мало ли чего они там понимают! Кто только не пробовал нас сожрать! Но на то мы и пираты: так просто не дадимся!

Идти уже от лагеря по следам насекомых оказалось

нетрудно: то здесь, то там находились отставшие, очевидно, выдохшиеся от непривычной ночной погони-охоты, солдаты. Имелись и те, кто лежал неподвижно, распластавшись, подобно дохлому, раскинувшему щупальца во все стороны, осьминогу. Тех, кто застыл навсегда, не трогали. Тех же, кто ещё как-то шевелился – давили толстыми подошвами сапог. Ох и крепкими же оказались тельца!..

– Что скажешь, Эльдорн? Что с ними? Дохнут от усталости?

– Некоторые, возможно – да. А другие... Думаю, просто настал их срок. Воины-термиты, да и остальные члены их семьи: няньки, уборщики и слуги – долго не живут: не больше пары месяцев! Иначе какого ...рена мы с дядей искали бы способ доставки живой колонии... С маткой!

– Что за... Матка?

– Ну, такая же, как у муравьёв. Всю жизнь только и делающая, что кладущая яйца – буквально тысячи и десятки тысяч! – и жрущая то, что для неё пережёвывают рабы-слуги.

– А если убить её, термиты – подохнут?

– Ну, подохнут – вряд ли. Если гибнет главная самка, они просто выращивают себе новую, насколько я знаю.

Конан чертыхнулся: план ворваться в термитник, пробиться к главной самке, и прикончить её, оказался, мягко говоря, несостоятелен.

– Смотри-ка, Конан: здесь след кончается! – они как раз подошли к узкому тёмному лазу в груди щебня, наклонно

ведущему вниз. Размером и формой он напоминал самую обычную лисью нору. Присмотревшись, можно было заметить последних насекомых, исчезающих где-то в непроглядной тьме на глубине нескольких саженей.

Конан чуть отодвинул плящущегося внутрь Шервана, встал на колени, и сам вглядывался в лаз довольно долго. Ничего утешительного, правда, он не нашёл:

– Клянусь задницей Дзукки, в этот лаз даже Рнего не пролезет. Да и опасно было бы туда лезть: мало ли! Вдруг у тварей там – охрана!

– Нам не нужно никуда лезть, Конан! – Велтран махнул рукой, – Вон же оно! Логово термитов!

Конан и сам уже поглядывал на странное сооружение, превратившееся из казавшегося монолитным холма, которым он выглядел от лагеря – в тысячи и тысячи странных столбов, словно стволы мёртвых деревьев усыпавших равнину на площади побольше акра. Те, что стояли у кромки «холма», в высоту не превышали фута-двух, те, что располагались ближе к центру – достигали роста слона. И стояли настолько часто, что и пройти-то между ними вряд ли было возможно.

– Да, прилично они тут понастроили... Видать, давно обосновались. Но как же команда Астига-то прошла здесь?!

– Думаю, Лизандро, об этом позаботился Пантир-стигиец. Или они просто шли днём. А на день наши любимые крошки прячутся в спасительную тень! Потому что солнце, как мы

почуяли на собственных ...адницах, накаляет каменную пустыню так, что можно жарить яичницу!

– Пожалуй. – Конан сплюнул: слюна, конечно, не закипела на камнях, но облачко пара над ней подниматься начало. А ведь было лишь утро! – Ладно. Как я погляжу, между «входом» в гнездовье и самим гнездовьем – добрых полмили. Значит, нужно тут всё обследовать, чтоб найти другие входы-выходы. А то мало ли: нападут сзади, а мы и ожидать не будем! Команда! Разбиться на двойки. Прочесать равнину. К термитнику ближе чем на пятьдесят шагов не подходить!

– Есть, капитан! Слушаемся, Конан! – двадцать человек, прибывших с варваром, разбились на двойки быстро, и с энтузиазмом, поскольку убедились, что начавшее припекать солнце надёжно оберегает их от нападения тварей, двинулись на поиски.

Сам Конан кивнул Велтрану и Эльдорну:

– Вы двое – со мной!

Когда до границы термитника осталось не больше ста футов, киммериец замедлил шаг и усилил бдительность. Но не остановился, пока не дошёл до крайнего в почти правильном кольце, возвышения. Оно достигало его колена, а в толщину было как самое обычное ведро.

– Что скажешь, Эльдорн?

– Ну... Там, где мы вырыли наш термитник, была нормальная почва. А тут до неё – ты же сам видел в глубине

«норы» – футов пять. И они, их колонны, – Эльдорн попи-
нал ближайшее «ведро», – в кучу собраны не были. А торча-
ли на расстоянии примерно ста шагов друг от друга. Думаю,
что здесь просто – одна большая семья. И самка у них тоже
– одна. Иначе самки-отпрыски расселились бы подальше от
родительского, так сказать, крова. Чтоб не мешать друг дру-
гу, и не сражаться за кормовую базу.

– Какую, на ... , «кормовую базу»?! Где ты здесь видишь
эту самую «кормовую базу»?! – Конан обвёл рукой всё такое
же пустое и голое пространство, – Не представляю, где они
тут собирают то самое, что, как ты говоришь, они должны
«пережёвывать в кашицу» для своих ... ранных грибов и глав-
ной самки!

– Ну как же, Конан! Посмотри внимательней! Все камни
покрыты – этим самым!

– Чем это?!

– Лишайником. Не сомневаюсь, что он здесь такой ма-
ленький потому, что все крупные отростки уже состригли,
собрали, унесли и пережевали!

– Лишайник?! – Конан подумал, что неправильно услы-
шал, – Но разве лишайник, – он подобрал маленький обло-
мок щепня, и перевернул его, рассматривая крохотные как
бы столбики-наросты, тускло посверкивающие оранжевым и
зелёным, – Можно есть?!

– Наверное можно, Конан. Ведь смотри, как получается:
влага здесь в воздухе есть: в утреннем бризе мы явственно

её ощущали, – Конан кивнул: верно, ощущали! – Значит, лишайники могут жить! Они выделяют корнями что-то такое, что разъедает эти самые камни, на которых они сидят. А влага воздуха питает водоросли и мох, которые живут внутри этих самых лишайников, и жрут то, что они растворили своими корнями! И этого хватает, чтоб с помощью солнца эти странные растения выживали! Ну а наши друзья термиты приспособились есть сами лишайники!

Вернее, то, во что их превращают ... раные, как ты сказал, грибы!

– Бэл их раздери! Получается, что термиты едят грибы, которые кормят пережёванными лишайниками, и которые сами едят только воду, камни, да солнечный свет?!

– Ну да, Конан! Так что такого понятия, как «бесплодная равнина» не бывает. Во-всяком случае, здесь.

– Ну и задачку ты мне задал, старый морской волк! Если б я не знал теперь, что твой дядя – лекарь, ни за что бы не поверил в такую странную... Систему!

– Да, Конан, это – система. Благодаря сотням и тысячам таких «систем» и существует жизнь здесь, на поверхности. Смотри сам: разве не странной представляется другая система: жук-навозник, то есть – скарабей, собирает навоз, откладывает туда личинку, закапывает в землю. Земля таким образом удобряется, становится плодородной, а не голой глиной или песком. На ней вырастает пшеница. Пшеницу перемалывают в муку, и пекут хлеб. Хлеб ест человек. Кото-

рый снова... выделяет навоз. Который собирает жук-навозник, и...

– Довольно, Эльдорн! – Конана передёрнуло, – Хватит! А то я и есть-то не смогу! Потому что выяснится, что в какой-то момент *это* было самым обычным д...мом!

– Но Конан! Ведь так оно и...

– Замолчи, я сказал! – Конан свирепо фыркнул, – Не порти мне аппетит перед обедом! Лучше скажи: эти твари действительно боятся огня и воды?

– Конечно.

– Вот! Давайте займёмся делом. Посмотрим, нет ли здесь поблизости зарослей деревьев, которые могли бы нам помочь набрать достаточно дров. Или какого-нибудь водоёма, откуда мы прорыли бы канал! Разделимся. Ты, Велтран – направо. А ты, Эльдорн – налево! Я – попробую прямо. Встретимся вот здесь, через, скажем... час. Задача ясна?

– Да, капитан! Всё ясно, Конан!

Спустя час уставший как собака, и ободравший кожу на руках и груди, в попытках протиснуться между торчащими «стволами», и забраться на их необычайно твёрдые верхушки, киммериец слушал отчёты своих разведчиков. Ни Эльдорн ни Велтран ни озера ни зарослей не нашли. Зато те, кто обследовал равнину, доложили, что нашли ещё три выхода: в полумиле к западу, к востоку, и к северу от основного холма-термитника.

Конан прикинул: стало быть, подземные галереи проложены давно. И служат действительно – ходами для передвижения в прохладной темноте. Значит, солнца термиты точно – не любят.

Ну, хоть что-то... Хотя пока непонятно, как это может их команде помочь.

– Возвращаемся на «Вестрел». Пора обедать.

Это приказание встретили без обычного энтузиазма, из чего варвар сделал вывод, что пираты подавлены и расстроены: пока что отыскать радикальное средство, позволившее бы отделаться раз и навсегда от злобных и кусачих непрошенных охранников побережья не удаётся. Да и где ж его взять в такой пустынной и неприветливой дыре?!

– Как насчёт – обойти? – это спросил Велтран, словно читающий его мысли.

– Это – вряд ли. – Селим сплюнул между сандалий, – Вон там, – кивок головой, – и вон там, – кивок в другую сторону, – Ещё два термитника. Примерно в трёх милях каждый. Так что даже если будем пытаться пройти между ними, по вроде как «ничейной» территории, есть риск нарваться на атаку сразу из двух гнёзд! Остаётся только – двигаться днём. Но тогда никто не гарантирует, что на нас не нападут с тыла!

– Согласен, – Конан неторопливо шагал, поглядывая вокруг, и прислушиваясь к тому, что говорили между собой его люди, – лучше бы нам придумать, как обезвредить хотя бы этот, ближайший. Тогда мы могли бы смело пройти туда,

куда нам надо. И не опасаться поминутно за свои тылы! Вот чуёт моя ...адница, упоминание в манускрипте тысячи каменных воинов сделано неспроста. Вероятней всего, заполучив сокровища, нам придётся... Отступать со всей возможной скоростью.

И быть отрезанными от «Вестрела» нашими милыми крошками не хотелось бы!

Велтран хмыкнул:

– Умеешь же ты красиво выражаться, Конан! Сказал бы проще: драпать со всех ног! Потому что никаких возможностей сражаться с каменными воинами, которые, как мы все предполагаем, как раз и поставлены это самое сокровище охранять – нету! И твою невысказанную, но подразумеваемую мысль, что каменным-то воинам термиты – явно не помеха, мы тоже заценили!

– Ну, я рад, что вы всё это заценили. – Конан действительно сердился на дурацкие обстоятельства. Ну как же! Какие-то паршивые насекомые создали им хлопот больше, чем иные колдуны-маги! – Но деваться от проблемы – некуда!

Ладно, пообедаем, и подумаем!

Как её решить.

На обед Занусс приготовил действительно – и первое и второе. Был даже компот из сухофруктов «на третьё». Но Конан, едва взойдя на борт, сердито рыкнул:

– Кто забыл этих тварей здесь?! – кивком указав на крыш-

ку люка в трюм.

– О-о! Простите, капитан, это я! – Халед поспешил схватить банку, и передвинуть её в тень, – Вот клянусь глазом Шианнет, забыл про них буквально на минутку!..

– Не-ет, уже не ставь туда, дай-ка мне. – Конан протянул лапищу, и внимательно взгляделся в то, что произошло внутри банки. А произошло там только то, что все термиты лежали, застыв, словно из них высосали все жизненные соки: абсолютно неподвижно.

Конан не придумал ничего лучше как радостно хлопнуть Халеда по спине, да так, что хлопок слышно, наверное, было даже у термитника:

– Молодец! То, что ты подсказал нам способ, как убить тварей – отлично! Дополнительный пай! – Халед расцвёл, словно сады Массантии весной, – А вот то, что ты не позаботился о наших драгоценных пленных, и они подохли – плохо! Минус пай!

Улыбочка на лице Халеда завяла так же быстро, как и расцвела.

– А теперь – серьёзно. Велтран! Эльдорн! Все! Смотрите сюда: твари высохли на солнце меньше, чем за буквально пару часов! Значит – что нам нужно?

– Э-э... Нам нужно, Конан, сделать так, чтоб армия, охотившаяся за нами этой ночью, провела каким-нибудь образом на солнце хотя бы два часа!

– В самую точку, помощник! И как нам это сделать?

– Думаю, ты уж и сам всё придумал, капитан! Нужно снова высадиться на берег, наследить там побольше, и выманить их за собой! Хотя бы каким-нибудь куском солонины. И пусть гоняются за нами хоть по всему берегу! А главное – чтоб отбежали как можно дальше от ближайшего входа в свои подземные галереи!

– Точно! И я бы ещё предложил вот что: чтобы вторая партия людей, высадившихся после того, как основную армию уведут подальше, закопала все четыре обнаруженные нами подземные запасные ходы-галереи! Тогда твари не смогут попасть в спасительную прохладу и темноту, даже если останутся живы, пока добегут до них!

– Отличная идея, Конан! Bravo, капитан! Хо-хо! Теперь тварям точно не поздоровится! Хвала Мирте Пресветлому, что с нами Конан и Велтран! И Эльдорн!

– Отлично. Но не забудьте и про Халеда! Если бы он столь «удачно» не забыл банку с тварюшками на солнцепёке, мы бы и не знали, как их прикончить быстро и...

Безопасно!

– Точно! Молодец, Халед! Может, всё-таки дать ему дополнительный пай?

– За разгильдяйство? Или за то, что такой удачливый балбес? – Конан поухмылялся, – Ладно уж. Меня легко уговорить. Всё-таки – не люди. Хоть и пленные.

Пай так пай!

Действовать всё равно стало возможно только с наступлением темноты. Потому что раньше двух часов после заката первые «дозорные» из ближайшего подземного выхода-тоннеля не появились. Конан, лично трясший перед «мордами» шустрых паршивцев куском копчённого размоченного мяса, убедился, что запах термиты чувствуют отлично! Тогда он рассыпал перед малышами заранее приготовленные мелко накрошенные кусочки: нате-ка, отведайте!

Термиты, быстро похватавшие вожаделенную добычу, так и припустили вглубь тоннеля: очевидно, чтоб позвать своих на подмогу!

Конан с большим куском мяса начал планомерный отход по заранее намеченному маршруту, стараясь только держаться так, чтоб не быть покусанным, но в то же время чтоб запах не терялся передовыми разведчиками. Иногда подбрасывал в середину колонны пару кусочков помельче: за такие начинались настоящие сражения, кончавшиеся, впрочем, быстро: несколько объединивших усилия насекомых тащили добычу назад – к тоннелю!

Когда немаленький первый отряд наконец полностью выполз из его тоннеля, Нэш, Рувим и Бомаго, стоявшие с приманкой у трёх других выходов, громко заорали: Конан понял, что поисковые отряды выдвинулись и из остальных тоннелей! Он как можно громче, поскольку не опасался, что термиты его поймут, заорал в ответ:

– Действуем по плану! Я повёл своих!

Окрики дали понять, что и остальные пираты с приманками приступили к работе. Однако Селим, оставшийся караулить у самого первого отверстия, вскоре крикнул, что появился второй отряд! Конан выругался.

Но они такой случай предусматривали: второй отряд пошёл за собой, стараясь, чтобы курс не пересекался с Конановским, сам Селим. Приманивающий тварей уже с помощью солонины. Которая пахла, конечно, послабее, и не столь аппетитно. Из остальных тоннелей резервов насекомовской армии не появилось. А молодцы! Помнят, значит, про вчерашний удачный набег!

Водить за собой весьма шустрых термитов оказалось несложно. Быстрее походного Конановского шага двигаться они, как ни старались, не могли. Конан ещё раз подумал, что как бы там ни было, если и правда придётся (Храни Кром!) уносить ноги, и дело случится ночью, если напороться на такой отряд – его команде точно не поздоровится! Особенно, если они будут утомлены, ранены, или – дай-то Мирта! – нагружены.

Поэтому киммериец провёл чёрную, отблескивающую в свете луны таинственными отсветами, толпу, по намеченному маршруту без проблем. Маршруты для всех «ведущих» продумали и составили ещё вечером, на корабле. И даже начертили эти пути отдельно на куске бумаги, пометив: «Конан, Нэш, Рувим...». Все они вели насекомых вглубь пустыни: в планы пиратов вовсе не входило дать преследователям

возможность напиться из реки! Однако и на территории соседних термитников маршруты не заходили: мало ли!..

Когда от термитника уведённые отряды отделяло не меньше полутора миль, Конан увидел, как те, кого они оставляли у выходных отверстий, размахивают зажжёнными факелами. значит, все выходы надёжно зарыты и засыпаны!

Но они с напарниками договаривались так, что всё равно будут уводить армии преследователей как можно дальше – чтоб все воины погибли с гарантией!

Первые лучи рассвета заставили сильно поредевшую (Не все могли поддерживать быстрый темп!) толпу насекомых приостановиться, и начать что-то вроде совещания: крупные насекомые, очевидно, командиры, бежавшие впереди, начали собираться в кучки, и тереться друг о друга усиками-сяжками. Конан, у которого закончились мелкие кусочки, решил, что отрезать новые смысла нет: интерес к пище сменился жаждой жизни!

А это – всегда важней всего остального для всех живых существ!

Киммериец буркнул:

– Ну-ну. Посовещайтесь, посовещайтесь, бедолаги! У вас-то – нет Велтрана! Да и в планировании вы, как посмотрю, не сильны!

На то, чтоб развернуться и быстрым маршем двинуться в прямо противоположном направлении по своим же следам, у отряда ушло минут пять: Конан с интересом просле-

дил, как происходит передача приказов с помощью движений усиков. Непривычно, конечно, но вполне эффективно. И вот уже весь отряд, в длину растянувшийся на добрых сто шагов, а в ширину не превышающий теперь двух-трёх – движется к спасительному, как наивные малыши надеются, отверстию!

Конану на миг стало жаль несчастных, которых более умные и сообразительные противники обрекли на мучительную смерть. Но он утешил себя тем, что услышал вчера от Эльдорна, ответившего на сетования пиратов, тоже жалеющих обречённых на смерть маленьких воинов:

– Не переживайте за тварюшек. Слуги-кормильцы и рабочие вырастят новую армию из личинок буквально за пару недель. Надеюсь, за пару-то недель мы обернёмся?!

На это Конан сказал тогда, что, судя по записке, хватит и трёх-четырёх дней.

Эльдорн на это хмыкнул:

– Ага, два раза. Что я, стигийцев не знаю?! Буду спорить на свой пай, нам приготовлен ещё не один сюрприз-проблема. Как раз на недельку-другую. Ну, с кем зарубимся?

Желающих почему-то не нашлось. Конан тогда ещё подумал, что остров Потерянных Душ многому научил команду: распушив хвост, с песнями и бодрыми победными криками бежать вперёд никто теперь не торопится.

Да и отлично.

Беспечный пират – мёртвый пират.

До «спасительного» входа добрались, разумеется, не все насекомые. И – только спустя часа три после рассвета. Команде Конана повезло: стояла самая середина июля, и припекало – будь здоров! Сами пираты регулярно попивали из фляг, привешенных на поясах, и многие двигались тоже замедленно, как и термиты, поминутно утирая пот со лба и шеи. Конан подумал, что будь у термитов такая же система, позволяющая противостоять капризам окружающей среды, вряд ли план Велтрана сработал бы. Но вот чего у тварюшек точно нет – так это потовых желез. И фляжек.

И мозгов.

Иначе они не позволили бы провести себя так, погнавшись за запахом!

У ближайшего входа, к которому вернулся Конан, груда щебня достигала почти его пояса. Там уже ждали Арристарх и Велтран. Эльдорна Велтран уже послал осмотреть остальные баррикады-насыпи.

– Ну, как тут?

– Тычутся, капитан. Пытаются растащить, конечно. Да куда им! Думаю, через час попередохнут все! – Велтран обвёл рукой жалкое зрелище, открывшееся глазам варвара. Горы трупиков и его самого явно не радовали, – Если и смогут разрыться – так не раньше, чем как раз через пару недель!

– Отлично. – Конан бодрым тоном пытался скрыть своё

плохое настроение. А плохим оно было оттого, что ему, чтоб обеспечить безопасность своих людей, пришлось обречь на мучительную смерть мириады беззащитных насекомых. Виноватых только в том, что они стояли на пути пиратов к сокровищам. Чужим деньгам, награбленным в кровавых походах и преступлениях. Отобранным у законных владельцев, которых для этого просто поубивали головорезы Астига Безухого.

Так что теперь на этом золоте ещё и кровь маленьких термитов.

Почему-то Конану уже не слишком хотелось поскорее заполучить его...

Но – его люди ждут. Что он поведёт их дальше! Значит...

Выступили после обеда, даже ближе к вечеру. Новый лагерь разбили уже милях в десяти от всё ещё видневшегося в середине реки, и с такого расстояния больше похожего на щепочку на полоске ткани, «Вестрела». Ночной дозор Конан назначил удвоенный.

Но ночь прошла спокойно: термиты с соседних термитников не забегали на чужую, и явно хорошо охраняемую, территорию: явно таких мародёров тут быстро превращали в «пищу»! Конана этот факт порадовал: хоть здесь их расчёты оправдались.

Варвар поднял своих людей ещё до рассвета, чтоб побыстрее позавтракали. Выступили сразу после еды. Идти по про-

хладному щебню оказалось не слишком удобно, но по вчерашнему, нагретому свирепым полуденным солнцем, двигаться было куда тяжелей. Особенно не в лёгких сандалиях, а в тяжёлых толстых сапогах, которые Конан приказал всем на всякий случай одеть.

На обед остановились примерно за час до полудня, у подножия старой, давно иссохшей акации. Толстые колючки в добрую ладонь до сих пор усеивали мёртвый ствол. Конан приказал привязать к этому стволу и захваченным шестам предусмотрительно захваченный парус-тент: так, чтоб в тень помещались все пираты, пошедшие с ним. А таких набралось сорок два человека: три четверти команды. Определил «счастливчиков» жребий – чтоб никому не было обидно.

После обеда всухомятку сделали привал. Лежали на чуть остывшем в тени щебне ещё часа два: Конан приказал дожидаться, когда самый пик полуденной жары спадёт.

Когда остановились на вторую ночёвку, корабль и река уже скрылись из глаз: за пятым, или уже шестым пологим холмом-увалом, пересекавших путь людей под углом. С вершины каждого Конан пристально вглядывался вперёд: пока всё верно – они движутся в направлении двойной вершины. Она такая тут одна. Но...

Где же, Мардук её задери, «чёрная скала»?!

Ужинали непривычно тихо. Никто не шутил, старыми случаями не делился, и даже не мечтал вслух, как потратит деньги Астига Безухого... То ли пустынно и тишина этого

места угнетала всех, то ли люди просто устали и выдохлись: пиратам, действительно, непривычно идти пешком. Да ещё неся на себе бурдюки с запасами воды. Которая, как вынужден был признать Конан, очень быстро исчезала в желудках людей. Чтоб почти тут же выйти в виде пота, который пираты вынуждены были буквально поминутно утирать: он разъедал глаза, подмышки, шею, и покрывал тело тонкой и отвратительно шершавой корочкой соли, когда высыхал на ветерке. Как сообщил Велтран, ведущий строгий учёт жидкости:

– Воды осталось на четыре дня, Конан. Найдём ли мы чёртовы сокровища, добудем ли мы их – не знаю. Но точно знаю, что если через два дня не повернём назад, или не найдём какого-нибудь ручья или колодца – все попередохнем, как термиты. От жажды!

– Я... понял. – Конан даже не стал уточнять, что думал по этому поводу: знал, что помощник и так это понимает, – Не понял я только одного. Где сами-то термиты там, в своих гнёздах, берут воду...

– Вот уж это – не проблема, Конан. – Эльдорн ковырял тоненькой щепкой в зубах, устало вздыхая, – они делают колодцы: всегда докапываются до грунтовых вод. Те должны быть неглубоко: река же рядом со всеми термитниками!

Конан не нашёлся, что ответить, и только сплюнул на расклеенный щебень.

Сегодняшнюю ночёвку охраняли всего двое часовых. Конан, убедившийся, что ничего живого и опасного в каменной

пустыне не живёт, решил дать людям отдохнуть и выспаться. Сам же спал как всегда: вполуха!

Но ночёвка прошла снова спокойно.

Утром, поднявшись на гребень первого же увала, обнаружили наконец вожделённую «чёрную скалу»!

До неё оказалось совсем близко: дошли за какой-нибудь час!

Вблизи скала производили весьма странное впечатление: словно сделана она не из камня, а из... Деревя! Огромного, могучего, древнего исполина – прародителя всех деревьев на земле! Только почему-то окаменевшего.

– Чтоб мне провалиться! До чего же похоже на самый обычный баобаб! – Зенло хлопнул загорелой ладонью по шершавой поверхности, до странности напоминавшей кору именно этого дерева. – Только окаменевший! Что за колдуньи тут чудили?!

– Да, может, как раз те самые, что и воинов превратили в камень! – Шерван глядел прямо вверх, внимательно приглядываясь к мешанине полуобломанных ветвей, – Это и правда – баобаб! И если я что-нибудь понимаю, здесь раньше были настоящие джунгли вокруг! И земля, наверное, была плодородна и щедра!

Не нравится мне всё это. Неспроста это дерево оставили тут.

– Что за ерунда, Шерван. – Ксаро коротко и ненатурально

хохотнул, – Почему оставили – неспроста?

– Да вот так уж. Это дерево, которое стигиец в своём манускрипте называет чёрной скалой – заколдовано. И оставлено специально. Думаю, для того, чтоб как раз и служить отличным ориентиром. Тем, кто как мы, ломанётся искать чего-то там. Только не думаю, что это – сокровища Астига. Нет, это дерево поставили тут *очень* давно...

На память о чём-то куда более древнем!

И – ценном!

– Возможно, конечно, что ты и прав, Шерван. – Конан и сам задрал голову кверху, пытаясь разглядеть хоть что-то, кроме полублобанных каменных палок, в которые превратились когда-то мощные и горделивые ветви монументального лесного исполина, – Ведь стигиец сам признаёт, что они просто спрятали награбленное под уже существующим, и построенным кем-то, древним алтарём! Так что очень возможно, что сам тайник хранил и хранит нечто куда более древнее и ценное, чем золото пиратов!

Однако мы уже слишком хорошо знаем, чем может обернуться владение *таким* артефактом. Пусть и волшебным. И бесценным.

Поэтому думаю, мудрить и выделываться не будем. Дай Мирта нам найти золото... А больше мы ничего брать не будем. Всем ясно?! – Конан повысил тон, и обвёл грозным взором своё воинство, как-то попритихшее в последние несколько дней, и убедился, что желающих возразить не на-

шлось.

– Ну вот и отлично! Пошли-ка дальше, а то это место наводит на меня тоску!

Пять миль преодолели за два часа: идти по уже нагревшемуся и скользкому щебню, теперь состоявшему, как пояснил Велтран, из гранита, оказалось не столь удобно, как по щебню из обычного камня. Что здесь делает гранит, и как столь прочная порода оказалась превращена в щебень, Конан предпочитал не задумываться.

– Ну, вот оно: русло пересохшего ручья. И действительно, дно как бы выложено мостовой... Как будто это – настоящая дорога!

– Похоже, помощник, это и была дорога. Вот только кто её построил... И когда? С другой стороны, похоже, и вода здесь текла: вон сколько по берегам скелетов от иссохшего саксаула! Ладно, нам до этого нет дела: до озера должно быть недалеко!

Действительно: через час из-за гребней берегов показалось озеро. Для того, чтоб его увидеть, пришлось три раза повернуть, следуя направлению «ручья», по дну которого шли пираты, переговариваясь вполголоса, и удивляясь, как это самое русло не занесло песком и глиной. На что Эльдорн справедливо указал, что нету здесь ни песка, ни глины. Конан, слушая, как его команда разговаривает за его спиной, предпочитал не вмешиваться, а в оба смотреть вперёд. Поэтому увидел и почувствовал новую опасность первым. А началось

всё со странных ударов почвы, отдающихся через подошвы сапог – в ноги. Но вот появилось и то, что производило эти удары: со скоростью локомотива существо выскочило из-за поворота русла! Конан заорал:

– Внимание! Впереди какой-то огромный зверь! Несётся прямо на нас!

Зверь и правда был гигантского, как и всё здесь, размера, и киммериец со своим поистине орлиным зрением заметил его так поздно лишь потому, что появился монстр из-за очередного поворота, и за ним не неслись, как обычно бывает при движении столь большого тела, клубы пыли! Зато вот дрожь в земле – вернее, в брусчатке! – от топота слоноподобных ног, теперь все люди чувствовали отлично!

– Что делать-то будем, Конан?! – Велтран уже достал саблю, и свистнул, приказывая и остальным последовать его примеру!

– Что делать? – Конан и так и так прикидывал, что же им действительно делать, но ничего такого, что помешало бы чудовищу размером с доброго слона, только в два раза более низкорослому, просто растоптать его гвардию ножищами, не находил! Шкура, серыми складками свисавшая по бокам твари, явно указывала на то, что толщиной не уступит доброму щиту. И по крепости наверняка – тоже! Огромный костяной гребень закрывал шею, и наверняка не позволил бы булавочным уколам даже закалённой стали пробиться спереди к жизненно важным органам! А бивень-таран, торчащий

вперёд, наверняка был пострашней любых зубов и когтей! Словом – настоящая крепость! Только живая. И очень сердитая.

Киммериец обернулся.

– Вот так! – он провёл рукой примерно посередине оцетинившегося копьями и саблями воинству позади себя, – Все, кто с этой стороны – кинитесь вверх по откосам: сюда! – он кивнул лохматой головой, – а вы – сюда! Но! Только – по команде! Ясно?!

– Да, Конан! Понятно! Ясно! Только... Разве мы не будем с ним сражаться? – это влез тоненький и чуть подрагивающий – ясно, что от банальной жажды, а не со страху, голос всё того же Рнего.

– Нет! – голос варвара звучал категорично, – Сражаться с ним в лоб – значит бессмысленно рисковать. Да он же нас просто растопчет, пока мы будем махать своими зубочистками! Тут нужно что-то посолидней! Эльдорн! Возьмите с Бомаго все наши шесты для палатки! Бегом – туда, наверх! И – заточите поострей их концы!

Эльдорн и Бомаго, как раз и несшие на плечах этот столь необходимый для тента инвентарь, опрометью кинулись исполнять приказ капитана. Остальные, переминаясь с ноги на ногу, и сопя в спину киммерийца, остались смотреть, как локомотивное чудовище несётся, нагнув рогатую голову, фыркающая, и сверкая красными глазищами, прямо на них!

Ждать пришлось буквально несколько секунд. Конан за-

орал:

– Сейчас! Разделяйтесь! – после чего сам что было мощи ринулся навстречу монстру! Верный меч он держал перед собой обеими руками, нацелив монстру в глаз!

Чудище, явно удивлённое столь быстро произошедшей перед его мордой переменой, обнаружив, что плотная группа врагов вдруг кинулась врассыпную, несколько застопорило свой бег! Этим и воспользовался варвар. С победным киммерийским кличем он могучим ударом вонзил кончик любимого меча в глаз размером с доброе блюдо, после чего из всех сил оттолкнулся от прочной брусчатки русла, и...

Перелетел через монстра, выпустив из рук ушедший в глазницу на добрую половину, меч!

Что тут началось!..

Пиратам показалось, что они попали прямо в подземелья самого Мардука, где демоны калёным железом пытаются грешников: более страшного и громкого вопля не слышал ещё ни один человек! Чудовище то каталось по каменному ложу, сокрушая его русло так, что брусчатка, которой он был выложен, разлеталась во все стороны, то вскакивало на ноги, и топало – то передними лапами, то задними: удары отдавались в теле так, словно это – землетрясение! Головой чудище трясло и вертело во все стороны!

Но – напрасно. Меч, вонзённый уверенной рукой, вошёл глубоко и держался прочно!

Конан, успевший забежать на тот берег, где Эльдорн и Бо-

мага остругивали шесты, заорал:

– Бомаго! Давай!

Пират кинул варвару полуготовый десятифутовый шест. Конан по толстому хвосту забежал прямо на спину как раз поднявшегося на ноги монстра, и попробовал повторить удар – со вторым глазом.

Ничего не вышло! Тварь, почуявшая человека на своей холке, так махнула головой, что киммериец, отброшенный костистым гребнем, отлетел на другой берег, врезавшись в иссохший до белизны куст саксаула, и разнеся его в щепы! Зато упругие веточки смягчили падение, и варвар остался цел. Почти.

– Конан! Ты – как?! – заорали с противоположного берега Велтран и несколько других пиратов.

– Нормально. Пострадало только моё самолюбие, – усмехнулся варвар, отряхивая штаны и волосы от застрявших веток и щепок, – Однако наш друг разошёлся не на шутку!

Действительно, монстр, несколько оправившийся от болевого шока первых мгновений, уже посматривал на людей другим, уцелевшим, глазом. И даже начал вылезать на более пологий откос ручья, воспользовавшись тем, что копыта-когти, которыми заканчивались его мощные лапы-колонны, неплохо держались на неровностях брусчатки. А уж как злобно он при этом ревел и плотоядно облизывался!..

– Конан! Можно теперь мне попробовать?! – это Арристарх, уже давно наложивший стрелу, и ждавший лишь ко-

манды киммерийца, решил внести свою лепту в сражение.

– Стреляй! – Конан знал, что Арристарх отличный стрелок, и уж с десяти-то шагов попадёт непременно!

Злобное зудение стрелы утонуло в новом отчаянном рёве! Потому что грозный снаряд, войдя точно в центр глаза, наверняка доставил монстру не меньшие страдания, чем меч Конана, всё ещё торчащий из другой глазницы!

– Отличный выстрел! – проорал Конан, когда рёв несколько поутих, – Дополнительный пай!

– Да ладно, Конан, – Арристарх нервно дёрнул плечом, наложив новую стрелу, – Как нам его добить-то?! Потому что нашими, как ты сказал, зубочистками – только превратить его в подушечку для булавок! А нужно бы ударить – в сердце!

– Согласен. Мысль правильная. – Конан говорил в паузах между взрыкиваниями и утробным воем чудища, теперь беспомощно топтавшегося на месте, и мотавшего головой, – Но как и чем бы нам это сделать?

– Вот этим, Конан, – Эльдорн, подошедший к порученной работе спокойно и методично, несмотря на обстоятельства, подал капитану отлично заточенный десятифутовый кол, – Думаю, если тварь перевернётся на бок, достать до сердца, ударив в брюхо – будет нетрудно! Потому что спереди или сбоку проткнуть бронированную кожу и гребень явно невозможно!

Конан думал так и сам. Но...

– Но как же нам заставить его шмякнуться на бок?!

– Думаю, с этим проблем не будет. Ребята, разматывайте канаты!

Когда канаты размотали, оказалось, что закинуть несколько петель на гребень твари, и сильно дёрнуть вовсе не так просто, как пираты понадеялись. Первая попытка завалить чудище кончилась тем, что у троих на ладонях оказались ожоги, а те, кто не выпустил резко дёрнувшиеся верёвки, просто перелетели через туловище твари, когда она мотнула головой!

– Клянусь грудью Шианнет! Мы так не договаривались! – Ксаро, которому ветки расцарапали весь голый торс, еле поднялся на колени, а затем и встал, – Конан! Может, нам стоит просто отогнать его подальше?! Или обойти?

– Ну уж нет! Иметь в тылу *такого* врага – ещё пострашней, чем термитов! А вдруг у него есть напарник, или жена? И они захотят отомстить?! Нет, нужно прикончить монстра! Ну-ка, накидывайте петли ему на ноги – с этой стороны!

Это оказалось, разумеется, посложней, чем поймать в тенета роговидные выросты на гребне, но вскоре обе левые ноги монстра оказались захвачены.

– Быстро! Перекидываем верёвки через спину, и бежим туда, вокруг чудища! Тянем только по моей команде!

Как ни странно, но этот план сработал!

Явно не ожидавший чего-то такого монстр, которого почти покатили – как обычную бочку! – опрокинулся на спину!

Конан, ожидавший с колом в руках, с разбегу вонзил его

остриё прямо в середину брюха между передними лапами! Он вложил в удар всю силу и тяжесть немаленького тела, но всё равно: кол вошёл не больше, чем на три-четыре фута!

Однако этого, к счастью, оказалось достаточно.

Новые страшные вопли и рёв переживали, просто заткнув ладонями и пальцами уши – и то, ещё добрых десять минут после того, как они наконец затихли, у Конана звенело в ушах, а половина команды трясла головами, и разевала рот в попытках вернуть слух... Монстр за это время утихомирился, и застыл на дне канала неподвижной грудой.

– Ну хорошо. Вот у нас появился огромный запас мяса. Мы его будем коптить, или просто – вялить?

– Нравится мне практичность твоего подхода, Велтран. А зачем нам – ещё запас мяса? Всё необходимое для еды у нас есть. Проблема, как ты знаешь, только с водой. Так что не вижу смысла возиться с разделкой туши, и таскать в котомках ещё дополнительную тяжесть про запас!

– Таскать, Конан, ничего не придётся. Я предлагаю отрубить обе задние ноги – они помясистей! – нарезать полосами, и поразвесить прямо здесь же – на кустах саксаула. Солнце тут – превосходное. И сожрать мясо некому: нет даже птиц. А мы просто подберём готовое, отлично провяленное мясо, на обратном пути. Заодно будет чем потом похвастаться: не каждому пирату выпадает полакомиться окорочком древнего чудовища!

– Хм-м... Возможно, что ты прав, помощник. Да и запас

мяса никогда, конечно, не бывает лишним... Ладно, начнём с левой – вон той, что лежит на земле!

На отрубание отличных мясистых окороков и нарезку их тонкими длинными полосами ушло не так много времени, как варвар опасался: не больше часа.

Зато смотреть, как вялятся на солнце, буквально на глазах темнея, их новые запасы консервов, было приятно: консервов было много. Конан довольно потянулся могучим телом, наблюдая, как споро и быстро работают его люди: вот уж поистине, пираты – мастера на все руки! Сколько раз они сами готовили себе все нужные продукты. И орудия...

– Выступаем через минуту! Почистить оружие! Проверить воду!

До озера, контуры которого Конан увидел ещё до встречи с монстром, дошли за полчаса. Долго стояли на берегу, ничего не говоря.

Картина, открывшаяся их глазам, действительно поражала.

Собственно, от самого озера давно ничего не осталось, кроме толстого слоя соли, покрывавшего все берега и плоское дно ярко блестящей коркой. Сейчас несколько пожелтевшей, но всё равно пускающей в глаза мириады отсветов-зайчиков. А посередине озера лежал огромный остров, тоже плоский как блин. В середине «блина» возвышалась, словно памятник древним неизвестным цивилизациям и культурам,

приземистая пирамида из чёрного камня. Ярусы-уступы, которыми она шла кверху, имели, казалось, не одну сажень в высоту каждый. И всего таких ярусов насчитывалось десять.

Но не к пирамиде было приковано внимание пиратов. Нет: всё оно оказалось устремлено на странные концентрические кольца вокруг пирамиды.

Это стояли, обратив взоры невидящих глаз наружу, к тем врагам, кто захотел бы подойти к охраняемой ими пирамиде-храму, невысказанно ровными кругами, каменные воины. Их строй напоминал парадный – настолько чёткой была выправка и горделивая осанка. И они производили впечатление слаженной и мощной машины даже издали.

Колец из воинов тоже насчитывалось десять – как бы по кольцу на уступ.

– Ох, не нравится мне всё это. – в тоне Эльдорна оптимизма не наблюдалось, – Вот чувствует моя многострадальная задница, что стигийское волшебство оживит этих стражей, если мы попробуем что-то оттуда, – он махнул рукой в сторону храма, – забрать!

Конан и сам думал примерно так же. Да и случались уже с ним и командой почти такие казусы: вспомнить хотя бы семиглазого монстра с алтарного камня в храме Сэта...

– Возможно, что ты прав, Эльдорн. Но не оставаться же нам с пустыми руками, зайдя так далеко!

– Разумеется. – это влез Велтран, уже успевший, конечно, обо всём этом, и многом другом, подумать, – Поэтому

предлагаю сегодня спокойно разбить лагерь, отдохнуть после битвы и разделки, а завтра, с утра, на свежую голову да по холодку, и подумать: как нам безопасно забрать то, что по-идее должно нас там ждать...

– Думаешь, помощник, что стигиец мог и солгать, и там – ничего нет?

– Ну почему же – нет? Просто... Это может быть и не обязательно золото. Ведь в манускрипте нигде не указано, что прятали именно его.

– Но что же тогда? Ведь там было чётко сказано: добытые сокровища!

– А, может, это будут драгоценные камни. Может, какие-то волшебные предметы. Или, может, древние книги – которые всегда можно продать знающим людям. Причём – за *очень* приличные деньги! Разумеется, Пантир-стигиец всё это понимал, и уж Астигу-то объяснить не забыл. А Астиг, при всей своей жестокости и взрывном характере, отнюдь не был дураком. И понимал, что куда удобней нести с собой сюда, и прятать, вовсе не полтонны металла, пусть и жёлтого, а, например, небольшую сумочку-котомочку. Но – с чем-то *очень* ценным.

С другой стороны, кто может поручиться, что другой наш друг, оставшийся сейчас на острове Потерянных Душ – перевёл правильно? Может, там и не говорилось ничего про «добычу». А как раз – про нечто... Ценное. Волшебное. Нужное ему!

Храм-то – богини Хаммуранж! А про неё чего только... Сам знаешь!

Конан слышал, конечно, тёмные легенды о культе кроваво-жидкой богини, и артефактах и жертвах, которыми он был обставлен.

– Хм-м... Вот уж задал ты нам задачку, помощник... Ладно: Лейбен, Шерван и Лизандро. Натянуть тент. Вон там. Остальные – на расчистку этой площадки от саксаула и мусора. Располагаемся на ночёвку.

Ужин прошёл почти так же как и предыдущий: пираты, такие бодрые и беззаботные обычно, теперь переговаривались больше вполголоса, или даже шёпотом. И – нечасто. Конан понимал, конечно, что непривычная пустынная окружающая мест, как и их статус проклятых, накладывают свой отпечаток на людей, и не способствуют бодрости духа. И это не могло его не напрягать: мало ли у кого из команды какие суеверия и традиции! Вдруг в решающий момент кто-то откажется выполнять его команды, если посчитает, что они могут «нанести оскорбление» какому-нибудь древнему Божеству, находящемуся в ступенчатом храме помимо основной «хозяйки»?!

Хотя сегодня, вроде, сражаться с монстром никто не отказался. Но...

То – монстр, а то – Боги!..

Поэтому, так же, как и многие, Конан, перед тем как лечь на жесткое ложе из щебня, долго вглядывался в десять ко-

лец, серебристыми силуэтами безмолвных стражей обозначенными в свете полной луны там – вдали. И думал, думал...

Утром встали ещё до рассвета. Ночь прошла не то, чтобы спокойно: пару раз все вскакивали, и выхватывали оружие, разбуженные дикими воплями и рыданиями: это Рувиму, а ближе к утру и Ксаро, приснились кошмары. Конана это не удивило: в моменты сильного душевного напряжения чего только не случается с людьми! Ведь это – сны! И никто себе не может приказать видеть только приятное!.. Или – не видеть вообще.

Завтракали припасами из котомок, и захваченными полосками ещё не вполне проявленного мяса вчерашней добычи. Конану оно понравилось: не жилистое и не жёсткое, словно подошва: потому что именно – полуготовое. Лагерь – вернее, тент! – свернули быстро. И двинулись вперёд, прямо к видневшимся в двух-трёх милях фигурам.

Конан посчитал, что выполнять разные сложные и обходные манёвры бессмысленно: если воины и заколдованы, в движение они придут наверняка лишь после того, как кто-нибудь возьмёт в руки и попытается унести что-то из того, что они приставлены охранять. Но – не раньше! Потому что начав двигаться, так сказать, «вхолостую», фигуры рискуют разрушиться раньше времени. Каменные же!

И какой тогда смысл в таких полуразвалившихся стра-

жах?!

– Внимание, любители золотых кругляшек! Напоминаю: руками ничего не трогать! В храм входить осторожно и медленно – чтоб привыкли к полумраку глаза. Внутри тоже без команды ни к чему не прикасаться! Если что полезное и ценное и увидим – брать будем только после того, как придумаем, как нейтрализовать каменных охранников!

Согласный гул голосов и кивания головами сказали ему, что и без нового напоминания его люди и так всё отлично понимают. И бессмысленно рисковать своей, и жизнями друзей, вовсе не намерены!

– Отлично. Тогда – вперёд!

Фигуры воинов вблизи поистине поражали! Всё, до мельчайших деталей тела, даже бородавки и шрамы – было как на настоящих, живых, людях! Можно было бы подумать, что здесь поработал талантливейший скульптор-каменотёс. Или несколько сотен таких художников. Если бы только киммериец и его команда не были твёрдо уверены, что все эти люди – настоящие. И когда-то были живыми. И только злое чёрное волшебство отняло у них жизнь и разум, превратив в чьих-то послушных рабов. Марионеток. Псов, охраняющих, и готовых охранять вечно, чужое добро.

Одно только было непонятно Конану:

– Велтран. Как ты думаешь, почему все они одеты только в набедренные повязки?

– Ну, есть у меня, конечно, мысль по этому поводу. На-

верное, так сделано для того, чтоб одежда, превратившаяся тоже в камень, не сдерживала и не ограничивала их движений, когда они очнутся. Но должен признаться, что они и так выглядят достаточно...

Грозно.

– Согласен, помощник. – это влез Эльдорн, – Им и не нужны доспехи. Ведь камню наши «зубочистки» точно не повредят! А вот их мечи... Грозная сила! Хотя вообще-то сейчас никто таким оружием не пользуется: вот, – ветеран указал рукой, но не дотронулся до странного, словно составленного из двух частей, оружия, – Это же – акилак! Его века три назад признали слишком тяжёлым и неудобным. Пока таким замахнёшься, глядь – а руку-то с занесённым акилаком и отрубили! Лёгкой саблей.

– А интересно: если попробовать отрубить такую руку прямо сейчас – что будет?

– Знаешь, Арристарх, проверять твою идею мы не будем. Мы просто проведём разведку, рассмотрим внимательно всё, что там, внутри, имеется, и *уйдём*. И будем думать, как то ценное, что нам там, внутри, понравится, добыть безопасно. Повторяю для особо непонятливых: безопасно!

– Да понял я, Конан! Извини, что спросил. Но мне и правда – интересно.

– Всем нам интересно, Арристарх. А сейчас пошли-ка внутрь. И старайтесь протискиваться, не касаясь фигур.

Протискиваться действительно пришлось, потому что

ближе к portalу храма, видневшемуся прямо перед пиратами, расстояние между каменными охранниками сильно уменьшалось: они словно старались теснее сплотиться по мере приближения возможного врага к тому, что им было поручено охранять, и промежутки между каменными телами в последнем кольце обороны только-только позволяли пройти человеку. Причём – довольно худому!

Хуже всех пришлось Шервану – он едва протиснул своё пузико, даже присев для того, чтоб не коснуться каменных воинов, на карачки, и Конану: киммериец просто с разбегу проехал на спине и прилегающих к ней местах мимо ног стражей, благо, тонкий песок, устилавший поверхность острова, позволял это сделать. Остальные пираты протиснулись кто как смог.

Портал храма не поражал воображение: ни грозных барельефов, ни искусной резьбы умелых мастеров на простых плоских гранях входной арки не имелось. Да и сам вход оказался невысок: только-только пройти, не нагибаясь. Варвар так и сделал, первым вдвинувшись в тёмное гулкое пространство. Однако тёмным оно оставалось недолго:

– Халед! Факелы!

Факел, несколько штук которых вчера кое-как насобирали и связали из саксаула, и обмотали кое-какими тряпками, захваченными для перевязки ран, мгновенно оказался зажжён и передан киммерийцу. Тот высоко поднял его над головой. Внимательно осмотрел пол у порога и дальше. Потопал но-

гой. Нет, до блеска отполированные огромные чёрные плиты лежали солидно и монументально: не похоже, что ловушки сделаны в полу.

А где?

Конан, будучи реалистом, не верил, что храм или сокровищница остались под «охраной» лишь каменных стражей. Собственно, в это не верили и остальные пираты. Которые сейчас, тихо, словно рой потревоженных ос, гудя, и даже по-вынимав оружие из ножен, толпились за спиной киммерийца. Однако даже когда глаза привыкли к виду, открывшемуся перед его глазами, Конан не увидел ничего.

Не то, что опасного, а и вообще – ничего!

Чернота пустого пространства удивила. Но отступить...

– Велтран! Бери первое отделение, и обойдите тут всё по периметру, начиная справа. Ощупывайте стены, осматривайте пол – словом, всё, что вызывает подозрение! Ищите тайные проходы, люки в подземелье, тайники. Эльдорн. Ты – бери второе отделение, и начните то же – слева. Смотреть в оба! Простукивать. Встречаемся у дальней стены.

Пока пираты медленно и осторожно ступая, и похлопывая по стенам, и потопывая в пол, удалялись в обе стороны от входа, сам Конан, не торопясь, и уже не пытаясь ступать тихо и аккуратно, двинулся вперёд прямо по центру. Он каким-то шестым чувством ощущал, что в полу нет ни ям-ловушек, ни плит, наступив на которые он привёл бы в действие какие-то защитные механизмы здания. Да и за долгие годы, что храм

пустует, любые такие механизмы, если б они и имелись, давно должны были сгнить, рассыпаться трухой и ржавчиной, и прийти в негодность!

Храм не поразил воображение размером: не прошло и пяти минут как к киммерийцу, пытающемуся прощупать и простучать противоположную от входа стену, подошли слева и справа оба отряда. Конан уже знал ответ на свой вопрос:

– Ничего?

– Ничего, Конан. Вообще – ничего! Камень и камень. Сплошной!

– И что мы теперь будем делать? Ведь чёртов Аннис явно говорил про «алтарный камень»! И статую богини!

– Ну... Есть два варианта, Конан. И оба они тебе не понравятся.

– И тем не менее – выкладывай!

– Во-первых, может, всё-таки этот паршивец неверно перевёл. А во-вторых, чёртов алтарный камень может быть просто... заколдован. И поэтому – невиден для неподготовленного глаза!

– Ты прав. Оба варианта мне не нравятся. Да и никому не нравятся, – Конан обвёл рукой переминающихся с ноги на ногу и сердито кривящихся пиратов. – Поэтому предложи что-то более... Приятное! Например, как нам свои глаза... Подготовить!

– Думаю, тут смог бы помочь тот самый Аннис, которого мы... – видя, как грозно нахмурились брови капитана, Вел-

тран поторопился поправиться, – И сами, думаю, неплохо можем обойтись! Пусть-ка ребята вытянутся в цепь, скажем, с расстоянием между ними в два шага, и идут. Вначале – вон туда. А затем, если там ничего не найдётся – сюда. И – сюда. – помощник указал несколько направлений, расходящихся от той точки, где они стояли.

Конан хмыкнул. Но поскольку сам пока ничего более разумного предложить не мог, решил попробовать: а вдруг!

– Так, команда. Вы слышали, что сказал помощник. Построиться в шеренгу! Нет, ближе: на расстоянии вытянутой руки! Нам торопиться некуда, а пропустить *невидимый* алтарь не хотелось бы. Готовы? Вперёд!

Невидимый алтарь обнаружился быстро: двумя «Ой!», одним «Да чтоб тебя!», и одним «Вот проклятущая хреновина!». На невидимую плиту, растянувшись всем немаленьким телом, грохнулся, споткнувшись, Шерван. Остальные трое, оперевшись или ударившись о невидимую преграду, остались на ногах, но ушибы потирали, морщась и шипя.

Глядеть, как упитанная фигура словно висит в воздухе, оставаясь на высоте примерно бедра, оказалось весьма... Непривычно. Остальные пираты, поспешившие подойти, и начать ощупывать действительно – до безобразия невидимый камень, выразили своё отношение к происходящему традиционно: почёсыванием затылков и проклятьями. В адрес и строителей такого «свинства», и обеих стигийцев – что Пантира, что Анниса.

– Хватит ворчать! Приказываю: ощупать и очертить контуры того, что мы тут нашли!

– Ну, ощупать-то – без проблем... Но как нам их «очертить», Конан?

– Как? Да хотя бы – песком! Ну-ка, вы пятеро! Взять сумки, выгрузить их содержимое вон в тот угол, а в сумки нагрузить песка! И – обсыпать чёртову «хреновину» со всех сторон! Да пощедрее!

Чтоб обсыпать «хреновину» со всех сторон, пришлось сделать даже три ходки за песком. Потому что алтарная плита, сильно смещённая в сторону, очевидно для того, чтоб вводить в заблуждение тех, кто привык видеть такое сооружение по центру храма, оказалась весьма велика. И тоже имела конструкцию, напоминавшую сам храм: ступенями.

Когда все три плоских плиты, из которых состоял алтарь, оказались чётко обозначены, Конан не мог не почесать и свой затылок:

– Бэл раздери этих стигийцев. Здоровенная штукавина!

– Да уж, Конан. Пожалуй, главный зал в караван-сараяе почтенного Дерхам-оглу поменьше будет.

– Согласен, Велтран. А ты молодец. Ты же знал, что так и будет?

– Нет, Конан. Я не знал. Я только внимательно наблюдал за выражением лица Анниса, когда он нам переводил про храм.

– Ну ты даёшь, помощник! Я тоже наблюдал именно за

его лицом. Но ничего такого и предположить не мог!

– А я – заметил. Еле уловимое колебание, когда он думал: говорить ли слова про алтарную плиту! Но оказалось, что я всё же не всё уловил. Плит здесь целых три. (А статуи нет вообще.) И под которой из них нам теперь искать?!

– Ну – как: под какой! Под самой большой, конечно! Нижней! Эй, Грайфель! У тебя, я знаю, есть банка с дёгтем! Простучи и прощупай всю боковую поверхность нижней плиты. Найдёшь люк, или дыру – обозначь смолой! Рувим. Помоги ему прощупывать: двигайся в ту сторону.

Вскоре усилия Грайфеля увенчались успехом: он заорал:

– Нашёл! – после чего начал усиленно хлопать по пустому пространству перед собой. Однако почти в ту же секунду заорал и Рувим:

– Есть дыра!

Конан покачал лохматой головой. Крикнул:

– Рувим! Сиди там у дыры и жди. Сейчас Грайфель обмахет здесь, и придёт к тебе. Так. Халед и Лейбен. Вперёд. Начинайте ощупывать от Рувима – туда, и от того места, где сидит Грайфель – вон туда.

Обмазка, собственно, много времени не заняла, и вскоре Конан и остальные «любовались» на её результаты: чёрное пустое пространство, отделённое от чёрного пустого пространства остального постамента чёрной же, но поблескивающей маслянистыми в свете факелов, отсветами, но такой же чёрной смолой!

Между тем и Халед и Лейбен тоже нашли по отверстию: середина каждой стороны плиты оказалась с дырой-проходом. И все они вели в темноту. Грайфель добросовестно обмазал все входы. Но зрелище от этого не перестало быть диким. И непривычным.

– Ладно. Я первым пойду, – Конан, краем глаза отметивший, что среди команды не наблюдается почему-то желающих поскорее ломануться в темноту, чтоб увидеть наконец вожаделенные сокровища, взял из рук Ксаро чуть лучше сохранившийся факел, и засунул руку с ним в первое найденное отверстие. Почти тут же копать от факела обозначила нижнюю часть плиты, расплывшись по ней жирным пятном. Пятно тоже было чёрным, но это была привычная, «своя», чернота. Конан поводит факелом ещё: темнота внизу и по бокам не рассеялась. Тогда он сел на край отверстия, и попытался нащупать дно.

Дна не нашлось, но нащупалось нечто, напоминающее ступеньку лестницы.

– Ну-ка, друзья-песконосы! Ещё пять сумок песка!

Когда песок рассыпали в отверстия, выяснилось, что все четыре спуска под пирамиду алтаря сходятся в одной, небольшой, центральной камере. Сами спуски состояли из, естественно, каменных ступеней, и были высечены в скале: интересно, откуда она здесь взялась, подумал Конан. Но вдруг, словно отвечая на его мысли, влез Эльдорн:

– А молодцы строители храма. Похоже, они строили его на

скальном основании, и храм простоит ещё столько же, сколько простоял, не страшась ни землетрясений, ни природных испытаний. Типа смены времён года, или дождей.

– Ну, положим, дождей здесь не бывает. – Конан хмыкнул.

– Это – сейчас. Но мы же не знаем, как тут было в давние времена. Помнишь, Конан: сохранился же баобаб-скала от давно исчезнувших джунглей? Да и озеро...

– Верно, – Конан досадливо дёрнул плечом, потому что какая-то тихо жужжащая муха попыталась сесть туда. Однако почти в ту же секунду муха попыталась сесть снова.

Вдруг киммериец оказался почти сбит с ног сильнейшим ударом в спину! Он мгновенно развернулся, приняв боевую стойку, но это оказался лишь Велтран, дувший себе на кулак.

– Какого чёрта, помощник?! – Конан действительно рассердился.

– А вот какого, – Велтран указал себе под ноги.

– Ну и что там?!

Конан потёр глаза, потому что под ногами помощника ничего не было.

– Селим, дай-ка немного песка.

Велтран посыпал себе под ноги щедро. Пираты загалдели, подавшись даже назад: такого ещё никто никогда не видел!

Под ногами помощника, обозначенное песком, лежало человеческое тело. Обнажённое, тощее, и то, что видно было лишь обсыпанную песком верхнюю часть, делало картину ещё страшней и непривычней!

Конан, уже узнавший знакомые контуры даже по части тела, приказал:

– Перевернуть! Посыпать на лицо! Ага, точно. Давненько не видались! Может, кто соскучился, желает поздороваться? – однако таковых не нашлось.

Почти тут же Аннис, оказавшийся у ног Велтрана, начал отплёвываться и моргать, приходя в сознание.

– Конан! Я предлагаю сразу убить его, чтоб не дать ему возможности придумать ещё какую-нибудь гадость! Или просто – сбежать!

– Нет, Эльдорн. Мы пока не будем его убивать. Мы просто свяжем как следует ему руки, – Конан кивнул, и Арристарх и Лизандро поспешили поставить на ноги распростёртое тело, и быстро – быстрее, чем Конан успел два раза моргнуть! – скрутили чародею руки за спиной. Скрутили на совесть, потому что Аннис завопил:

– Эй-эй, у меня руки так отнимутся! А они ещё понадобятся! Нельзя ли полегче!..

– Нельзя, – Конан подошёл поближе, и покоптил на невидимое лицо своим почти прогоревшим факелом. Лицо, приобретшее чёрный цвет, оказалось теперь отлично различимо. Хоть и смотрелось дико: висящая в пространстве на уровне плеча киммерийца словно бы маска: как у шаманов из чёрных королевств! А ещё можно было прямо сквозь тело различить сзади верёвку, которой пираты связали руки мага, – Потому что мы хотим пожить подольше.

И обращаясь уже к Велтрану, варвар спросил:

– Как ты догадался?

– Я и не догадался. А просто увидел. Я увидел, как ты дёрнул плечом. А потом ещё раз дёрнул. А летающих насекомых мы здесь никогда!.. Вот именно. Ну а кроме того этот гад допустил ошибку: влез спереди меня, и я почувствовал его движение. Словно ветерок – от движения. А ветров здесь... Поэтому я опустил факел пониже, подул, и позволил копоти, – помощник показал свой факел, – обозначить его силуэт! Ну, а уж ударил я от души: чтоб, как любишь говорить ты, «с гарантией»!

– Молодец, Велтран! Думаю, ребята согласятся, если мы дадим тебе дополнительный пай! Потому что неизвестно, каких дел этот невидимый мерзавец мог бы натворить. – Конан повернулся к пиратам, – Внимание, команда! План изменился! Сейчас мы ведём нашего друга прямо в сокровищницу, и он помогает нам то, что там есть, забрать!

– Ты ничего не забыл, Конан? – ехидства в тоне Анниса не заметили бы только всё ещё невидимые стены, – Например, спросить меня, соглашусь ли я?

– А чего нам спрашивать тебя? – Конан приблизил сверкающие волчьей злобой глаза к глазам, которые зияли пустотой, обозначенные только хлопающими чёрными от копоти веками. – Вариантов у тебя только два! Или ты идёшь с нами, и объясняешь, как нам это сокровище добыть безопасно, и мы уходим отсюда все вместе, или...

Или ты молчишь, и остаёшься здесь в виде медленно остывающего трупа! А мы добываем сокровище сами.

– Ах, вот как?! Аннис-немедиец не боится смерти! Не веришь?! Выставь меч!

Конан, презрительно хмыкнув, так и сделал.

Но то, что сделал Аннис, действительно поразило всех: немедиец со всего маху вдруг кинулся на остриё! Да так, что окровавленный кончик меча выскочил на добрую ладонь из тощей спины!

– Мардук его раздери! – Конан, при всей своей невероятной скорости не успевший среагировать, рывком вынул меч из щуплого тела, – Уважаю. Вот что значит – человек слова! Действительно, доказал. Что смерти не боится. Впрочем...

Велтран! Отруби-ка ему голову. «Для гарантии»!

– Нет, нет! Не надо! – слова доносились из-под ног киммерийца, и тон был явно напуганный, поскольку помощник уже подошёл, замахнувшись, – Я... Честно признаюсь, что жить всё-таки хочу... И согласен помочь забрать сокровища!

Конан рывкнул:

– Ну то-то! А для начала прими-ка ты обычный, видимый, облик!

Времени на это ушло немного: буквально за несколько мгновений перед ними возникло тощее и жилистое тело. Морщин на лице, действительно, не наблюдалось. Конан не примянул подколоть:

– Аннис! Морщины сделать забыл.

– А-а, ерунда, – маг, которому теперь на вид было не больше тридцати, небрежно махнул рукой, – Они были нужны там, на острове. Чтоб разжалобить вас.

– Разжалобить? Раз-жа-ло-бить?! Пиратов?!?!

Как ни необычна была ситуация, ответом чародею был дружный гогот: некоторые пираты даже сгибались в три погибели!

Отсмеявшись, и смахнув выступившую влагу с краёв век, Конан буркнул:

– Бомаго! Завяжи ему на пояс какую-нибудь тряпку! А то – свинство!

Все, разумеется, понимали, что Конана беспокоят не столько приличия, сколько желание подстраховаться: накинутую на пояс набедренную повязку, если магу придёт в голову снова исчезнуть, будет отлично видно!

– Кстати: хотел спросить. Как ты с острова-то сбежал?

– Да очень просто, Конан. Превратился в огромную птицу из дыма, да перелетел. Прямо сюда.

– А почему тогда не забрал сокровище, да не слинял? Ты же знал, куда лететь?

– Знал, конечно. Читал же ваш пресловутый манускрипт... Но для выполнения ритуала превращения в птицу требуется время. И кое-какие магические причиндалы. А вы забрали с собой мою сумку! И вот я, преодолевая немислимые трудности и преграды, только-только успел к главному. К моменту вскрытия Двери. – слово «дверь» пленник ска-

зал с таким выражением, что сразу становилось понятно: эта Дверь – особенная!

– И где же эта... Дверь?

– Идёмте, Конан. Нужно спуститься вон в тот проход. – маг махнул головой, и в одной из стен действительно обнаружился узкий коридор, до этого не замеченный пиратами. Ступени, ставшие тоже видимыми, хоть и словно полупрозрачными, вели вниз.

– Слушай, это, случайно, не ты сделал тут весь этот чёртов Алтарь – невидимым?

– Нет, Конан, не я. Хотя ритуалы и заклинания, которые тут применяли, известны мне отлично.

– Ну, это-то мы видели... А за каким... реном тебе понадобилось меня трогать?

– Это получилось, Конан, потому, что я пытался намазать тебя особой мазью. Вон: невидимая склянка у твоих ног. Потому что если б я тебя уколел, ты бы заорал. Или как-нибудь ещё дал знать остальным.

– И что бы было, если б ты меня... намазал?

– Да ничего такого. Ты бы просто уснул. Через пару минут.

– Понятно.

Понятно было Конану и то, что чародей наверняка солгал. И что «сон» киммерийца наверняка продолжался бы вечно. А маг в это время постарался бы навязать оставшимся без командира пиратам свои «условия». Не вызывало сомнения и то, что чародей обосновался в храме давно, но почему-то

не спешил вскрывать «Дверь». Может, для этого ему нужны жертвы? Или за дверью скрыто нечто, чего сам маг смертельно боится? Или – не может дотронуться? Потому что умрёт. Да мало ли!..

– Ну, двинулись. Ксаро! Ещё факел!

Подняв над головой оба факела, Конан начал боком протискиваться по узкому каменному проходу, мысленно и вслух ругаясь, за Конаном двигалось на всякий случай ещё трое, и только за ними пираты пустили вперёд Анниса. Конвоировать мага взялся Эльдорн. За Эльдорном стали спускаться и остальные.

Спуск много времени не занял: через три минуты они оказались в новой камере, где в дальней стене действительно имелась дверь. Конан хмыкнул: обычная, деревянная.

Чего же тогда чародей так боялся?!

– Аннис. Чего там не так с этой... Дверью?

– «Не так» с ней, Конан, многое. Вам не видно, но *моё* зрение и магическая защита позволяют видеть, что и над ней держится магическая защита. Как бы туманная дымка. И если неподготовленный человек попробует дотронуться до такой двери, то просто...

Умрёт.

– Это отчего же он умрёт?! – Конан, разумеется, отметил себе упоминание о «магической защите». И особом «зрении».

– От боли, Конан, от боли. Его рука почувствует как бы

ожог. И затем этот жар, этот огонь распространится по всему телу, и человек в страшных муках сгорит заживо. А те спутники, что будут с ним, увидят, как его тело, как бы ни с того ни с сего, превратится в обугленную съёжившуюся голловешку!

Некоторое время все молчали, замороженные страшной картиной, которую нарисовал маг. Потом Конан спросил:

– И – что? Этого не было в манускрипте?

– Этого – не было, Конан, если ты имеешь в виду, что я кое-что утаил при переводе. Про эту ловушку и незачем писать. Магу она видна и не страшна, а обычному человеку... Этот манускрипт и не предназначался для «обычного человека». А только – для самого Пантира-стигийца. Ну, или – другого мага!

– Ладно, уважаемый «другой маг». Говори, как открыть дверь.

– Никак. Её можно только сжечь. Но...

– Да?

– Но тогда то зло, тот волшебный страж, что поставлен там, внутри, охранять сокровище, окажется на свободе!

– И как же нам его убить? – Конан начал раздражаться.

Маг не мог этого не почувствовать:

– Мечами, Конан, и саблями. И копьями. Этот Страж – из плоти. И на него не действуют магические приёмы, зелья, и заклинания. Так что это хорошо, что вас много. И вы – профессионалы. А выглядит этот Страж, как обычный носорог.

Видали когда-нибудь?

– Видали. Справимся. – Конан оглядел своё несколько взбодрившееся при упоминании о конкретном живом чудовище, воинство. Одновременно он уяснил себе ту настоящую причину, по которой маг в действительности ожидал их. Конан был уверен, что и Велтран, и переглянувшийся с помощником Эльдорн тоже её уяснили.

И, соответственно, ещё больше повысили бдительность!

– Селим! Неси сюда наши любимые шесты. Лизандро, Эстебан. Заготовьте за время, пока Селим принесёт то, что надо, ещё факелов. Ксаро и Шерван. Несите все запасённые для костра дрова. Должна же быть польза от чёртова саксаула!

Пока часть команды выполняла поручения, Конан решил немного порасспрашивать мага:

– Ты знаешь, сколько лет этому месту?

– Нет, Конан, точно не знаю. Когда до меня дошли слухи, что какой-то пиратский экипаж нашёл карту, составленную Пантиром-стигийцем, что был при Астиге Безухом, я, бросив всё, прибыл в Манзею. Мне повезло: если б я опоздал хоть на день, тебя с командой скорее всего уже не было бы там – вы же собирались поискать переводчика в Кордаве? Вот именно.

А само это место – до того, как ты показал манускрипт! – даже мне казалось просто древней Легендой. Про то, что на

равнине, через которую вы прошли, бились Боги с Богами, слышали многие. Как и про то, что местность эта – проклята. Но вот о том, что от древнего Храма Насска (а никакой не Хаммуранж!) хоть что-то сохранилось, я не догадывался. Но не сам Храм ценен и важен. Важно то *подлинное* сокровище, что хранится тут. Вот за этой Дверью...

– И что же это?

– Эликсир, Конан, эликсир!

– Бессмертия, что ли?! – иронии в голосе киммерийца не заметил бы только слон. Или носорог. Но Аннис-немедиец ответил быстро. И в его голосе иронии не было:

– Нет, Конан. Кому нужно это бессмертие само по себе? Да и что такое – бессмертие? Чисто человеческое понятие. Означающее только очень, очень долгую жизнь. Богам это не нужно. Они и так бессмертны!

Нет, это – эликсир Творения!

– Чего?

– Творения, Конан, творения. Как бы тебе это попроще...

В людском сознании даже понятия такого нет. И быть не может. Только Бог может в полной мере оценить этот...

Дар.

Словом, выпив этот эликсир, маг становится Богом и сам. И приобретает бессмертие, так сказать, автоматически. Но главное – обретает способности и возможность творить *собственные Миры*.

Большие, малые. С океанами или горами. Полями и рав-

нинами. Солнцем, небом.

Более того: такие Миры можно населять. Животными, птицами, рыбами. Людьями. Которых можно делать такими, какими хочешь их видеть. Четыре руки? Пожалуйста! Две головы? Да без проблем! Рабская покорность и невероятная ловкость? Раз плюнуть!

– Погоди-ка, Аннис... Так ты хочешь стать Богом?

– Разумеется, Конан! КТО ЖЕ ЭТОГО НЕ ХОЧЕТ?!

– Понятно. – пафос в ставшем почти громоподобном голосе дал Конану понять, что хотя бы в этой части своих высказываний маг не врёт. Но беспокоили киммерийца не амбиции очередного «Создателя и Властелина Вселенных». А имеющееся в ситуации противоречие, – Тогда вот ещё что: если эта сокровищница, где хранится волшебный эликсир, столь хорошо запечатана, и до сих пор охраняется изнутри, как же сами пираты Астига проникли сюда, и спрятали награбленное?!

– А они сюда и не проникали, Конан. А где на самом деле спрятано награбленное, ты узнаешь, когда вы поможете мне добыть эликсир. Команда у вас слаженная, и даже гигантских монстров убивает весьма... Впечатляюще! Как тебе такая сделка? По-моему – всё будет по честному. Мне – эликсир, вам – золото!

– Так это была проверка? Там, в русле ручья, с гигантским ящером?

– Ну да, Конан! Если б выяснилось, что вы испугались и

убежали, или, скажем, так: *не* победили – это одно. А сейчас, когда вы доказали, чего стоите – дело другое! Иначе я и не предложил бы вам такого! Ну, как тебе мои условия, Конан?

– Условия понятны. – Конан не торопясь подошёл к магу, вынимая на ходу меч. – Повернись-ка, – после чего в одно движение разрубил верёвки, стягивающие запястья чародея. Тот снова повернулся к киммерийцу лицом, покручивая кистями и массируя их, словно восстанавливая кровообращение:

– Ага. Вот это – правильно. Потому что так мне будет гораздо сподручней...

Что именно будет магу «гораздо сподручней» пираты так и не узнали, потому что именно в этот момент Конан мгновенным, еле уловимым глазу движением, отсёк лживую голову.

Брызгая по полу кровью, она откатилась в угол, к двери, действительно вспыхнув – словно её сжигало изнутри невидимое пламя! Глаза возмущенно выпучились, рот раскрылся в безобразной гримасе, словно собираясь что-то сказать, но слова так и не вышли наружу! Конан нагнулся, поднял с пола и могучим броском кинул к двери и всё ещё содрогающееся в конвульсиях тело.

Пираты, потрясённые неожиданностью поступка капитана, молча смотрели, как и оно превращается прямо на глазах в полыхающее, словно костёр, зарево, а затем – и в чёрные и отвратительно воняющие горелым мясом и волосами,

угольки.

И только когда всё это превратилось в золу и пепел, Конан сказал:

– Поднимите руки те, кто хотел бы быть бессловесным и покорным рабом!

Желающих почему-то не нашлось.

Конан продолжил:

– А кто хотел бы жить в Мирах, которым правил бы вот такой, – варвар кивнул головой, – хитро...опый и подлый мерзавец?

Снова никого.

– Тогда, может, кому-то неймётся схватиться в битве не на жизнь, а на смерть с запертым там монстром?

Снова тишина в ответ.

– Ладно. Будем считать, что я поступил не совсем честно. Но, думаю, моя совесть не сильно пострадает от того, что я отрубил голову безоружного врага. Хотя, конечно, маги и не воюют оружием. Но надо ли мне объяснять, почему я так поступил?

– Нет, Конан, не надо. – в тоне Велтрана сквозила лишь глубокая печаль, – Потому что ты спас сейчас не только нас. (Я уверен, что поддонок наверняка прикончил бы после того, как получил свой ...раный эликсир всех, как ненужных свидетелей!) И не только сотни поколений тех, кто придёт после нас.

Но и те страшные Миры-тюрьмы, которых мог бы пона-

создавать такой... Мелкий и мстительный трус с манией величия!

– Вот именно, помощник. Ты всегда понимаешь меня лучше, чем я сам...

Ну что, господа охотники за Удачей? Заберём сокровища – и на «Вестрел»?

– Но Конан! *Как* мы теперь заберём сокровища?! Мы же даже не знаем, где они на самом деле хранятся?!

– Остынь, Лейбен. – Конан весело ухмыльнулся, – Вычислить, где разудалая команда вроде нашей может спрятать золото, на самом деле не так уж трудно. Я, например, сразу понял: раз нет там, за дверью, – Конан кивнул в её сторону лохматой головой, – то наверняка сокровища спрятаны в камерке под второй, или третьей ступенями алтаря!

С кем поспорим на мой пай?!

Желающих почему-то снова не нашлось. Зато восторженные крики и возгласы наполнили подземелье таким рёвом, что Конану пришлось зажать уши ладонями!

– Конан! Всё верно! Вот они, мешки! – тощий Рнего всем туловищем нависал над обсыпанным песком полом, распластавшись в тесном и низком пространстве, и опираясь грудью на нечто, лежащее под ним большой кучей, – И их тут – много!

Мешки пришлось, разумеется, тоже вначале обсыпать песком: иначе их просто видно не было. Но вскоре десять

огромных и почти не сгнивших ёмкостей оказались свалены прямо у входного портала храма. Конан собственноручно вскрыл один, и приятный звон высыпавшегося, хоть и невидимого, на каменную плиту, потока, наполнил уши пиратов. Все невольно заулыбались, и начали азартно хлопать друг друга по мускулистым спинам, отчего Конану показалось, что он попал на речку, где тысяча прачек стирает бельё – и восторгаться прозорливостью своего капитана.

– Послушай, Конан! Но как же мы будем расплачиваться *таким* золотом?! – Ксаро как раз пробовал какую-то монету на зуб. А поскольку собственно монеты видно не было, выглядело это зрелище довольно глупо, – Его же ни один кабатчик, не говоря уж о шляхах, не признает настоящим?!

– Думаю, Ксаро, с этим проблем не будет. Достаточно будет просто вытащить это золото наружу из чёртова Храма Насска, и оно потеряет свою невидимость! Мне кажется, что только вот это пространство, – Конан обвёл мощной дланью внутренность храма, – и придаёт алтарю, и тому, что рядом, невидимость. Но видно там его, или нет – золото чертовски, если мне позволят так выразиться, тяжело.

Поэтому сделаем так. Нас – сорок два человека. Прямо сейчас разделим золото так, чтобы каждый мог спокойно, не сильно напрягаясь, унести одну сорок вторую часть клада. А на корабле уже разделим так, как делим всегда! Справедливо?

– Да Конан. Все разумно и справедливо. Уж *такая-то* но-

ша – точно не отяготит! – Велтран хитро подмигнул киммерийцу, и плотоядно ухмыльнулся. Остальные заржали:

– Точно! Верно, помощник! Верно, Конан! Уж золото-то, пусть пока и невидимое, каждый донесёт до «Вестрела» во что бы то ни стало!

– Хорошо. Тогда поступим так: выкиньте из своих сумок всё, кроме продуктов на ближайшие два дня. На дно насыплем золото, продукты положим сверху. Вода у нас в бурдюках, их потащим на закорках. Ну, подходите, чья сумка подготовлена!

Первым «под загрузку» удалось встать шустрому Рнего.

Разделить добычу абсолютно поровну, конечно, не удалось. Поэтому решили все сумки нести, сменяясь. Чтоб никому не было слишком тяжело или обидно. Разумеется, самый тяжёлый тюк взял себе Конан.

Сквозь строй воинов протискивались теперь не столь аккуратно и тихо: шуточки и приколы неслись со всех сторон. Однако Конан приказал всем заткнуться, и двигаться, как при входе: медленно и ни в коем случае не прикасаясь к телам. Они, конечно, Дверь не вскрывали, и эликсир не забирали, но – мало ли!..

Пираты пыхтели, стонали, но никто не возразил: разумность мер предосторожности понимали все.

– А всё-таки хорошо, что мы добыли его! – они, наконец, выбрались на отлогий берег озера, и Арристарх, поставив-

ший суму у своих ног, открыл её и заглянул внутрь, – Конан! Хвала Мирте Пресветлому! Всё – вот оно! Действительно стало видимым!!!

Конан и сам с интересом и удовольствием подошёл к уже открытой суме. Действительно – золото! И его действительно видно!

Он почувствовал огромное облегчение. Несмотря на уверенный тон, которым он заверял, что стоит золото вынести из храма, как оно станет таким же, как всегда, он вовсе не был на самом деле в этом уверен...

И – вот оно! Свершилось!

– Слава Конану! Слава нашему капитану! – это первым заорал Эльдорн, и пираты дружно подхватили его крик – да так, что слышно, наверное, было даже в соседней Вендии!

Конан запустил пятерню в горловину, и вытащил несколько монет. Рассмотрел.

– Надо же. Отлично. Монеты полновесные – как раз такие, как изготавливали в странах Средиземья во времена Астига. Такие приятно будет потратить.

– Потратить-то, конечно, оно будет приятно... В этом-то я не сомневаюсь. – что-то в тоне Велтрана, смотревшего назад, в направлении храма, заставило Конана быстро высыпать монеты обратно в суму, и развернуться, – Но нам бы ещё их туда довести. А то вон: погоня началась!

Действительно, бесшумные на расстоянии мили, на которую пираты успели удалиться, движения каменных стражей

не позволяли усомниться в том, что они преследуют похитителей! Правда, были эти движения преувеличенно плавными, и замедленными: словно войны движутся не по поверхности земли, а сквозь воду!

– Бэл их раздери! С чего бы это они ожили?! Мы же, вроде, никого не касались?!

– Думаю, Конан, всё дело в том, что монеты всё-таки были вынесены из храма. А раз на них тоже распространялось какое-то время Заклятье невидимости, значит, стражи-воины считают их тоже – частью наследия древних Богов! Имущество, так сказать, положенное к охране!

– Возможно, конечно, что ты прав, помощник! Но что же нам теперь делать?!

– Думаю, мы легко сможем уйти от них. Вон: какие у них замедленные движения!

– Замедленные-то они, конечно, замедленные, – сомнения в тоне киммерийца были заметны всем, и наверняка отражали и те чувства, что сейчас испытывали и все «носители» древнего «наследия», – Но они же – каменные! То есть – могут двигаться, не уставая, и не отступая от своих целей – вечно!

– И что – что – вечно? Не перейдут же они по дну море Вилайет, преследуя нас?

– Хм-м... Возможно, что и не перейдут. Но вдруг – обойдут по берегу?!

– Конан, ты так говоришь, словно они – ищейки, способ-

ные по нюху найти нас в тысячах миль от этого побережья!

– Ищейки там они, или нет, но мне бы не хотелось однажды проснуться зарезанным каменной рукой! Вы стойте здесь, а я кое-что попробую! – киммериец скинул наземь свою тяжкую ношу, и решительно двинулся к методично и неторопливо двигавшемуся строю.

Остальные пираты однако не послушались, а поступили так же, на ходу вытаскивая мечи, сабли, палицы и прочее оружие.

Конан, оглянувшись, скривился, но на вопиющее нарушение приказа не возразил.

– Стойте, или мы уничтожим вас!

На это заявление Конана строй воинов не отреагировал попросту никак, продолжая неторопливое, но неумолимое движение со скоростью спокойно идущего человека.

Варвар, примерившись, буркнул:

– Ну, я вас честно предупредил! – после чего со всей силы ударил мечом прямо по шее идущего чуть впереди воина – похоже, одного из командиров.

Меч с оглушительным звоном отскочил!

На шее каменной фигуры не осталось ни царапины!

– Отставить – рубить их! А то просто попереломаем оружие о чертовы булыжники!

– Согласен, Велтран. Мне повезло, что мой меч – из хайбарской стали. Такой не ломается! А вот ваши сабельки...

Мардук их задери, – теперь Конан и пираты медленно отступали перед сомкнутым строем неумолимо продвигавшихся вперёд фигур, – Но...

Как с ними справиться-то, помощник?!

– Боюсь, Конан, что – никак. Как ты теперь согласишься на моё первое предложение? Просто – уплыть?

– *Теперь* скажу, что это всё же – не самое глупое предложение.

А что нам ещё остаётся?!

Отступать перед неутомимым полчищем, пусть и движущимся медленно, зато – неумолимо, оказалось куда страшней, чем биться с любым другим врагом. Нет, команда Конана, конечно, просто так не сдалась, и ещё пробовала остановить каменных воинов и с помощью огня, и кидая в них камнями, и пробуя уронить наземь с помощью веревок...

Ни к чему хорошему это не привело. Только время и силы зря потеряли, как высказал общую невесёлую мысль ветеран Эльдорн.

Поэтому спустя двое суток, останавливаясь лишь на краткие привалы, чтоб перекусить и запить еду скупыми каплями драгоценной воды, уставшие до предела, обливающиеся потом, грязные и злые пираты прибыли к «Вестрелу». С усилием передвигая словно налитые свинцом ноги, Конан порадовался, что они «позаботились» о термитах: к берегу подошли на рассвете, и если б армия насекомых снова ожидала

уоставших пиратов на берегу, это была бы катастрофа!

Команда, оставленная для охраны корабля добросовестно «бдила», и издали заметила возвращающийся отряд. И их радостно встречали, высадившись на берег.

– Так. Ситуацию мы вам потом объясним. – Конан с облегчением скинул, наконец, тяжкую ношу, про которую уже подумывал, что не в золоте смысл жизни. – А пока хватайте-ка наши сумки, да живо переправляйте их на корабль!

– Конан! Вы золото-то добыли?!

– Добыли, Якоб, добыли. Однако с золотом мы добыли и кое-что ещё.

– Что же, Конан?

– Самых неподкупных и суровых мстителей, какие только встречаются в Ойкумене! Тысячу каменных воинов! И они движутся сюда!

Переправа золота и пиратов на корабль заняла не более часа. За это время вдали показался тёмный вал: строй методично и неторопливо наступавших стражей сокровища. Команда, которая теперь вся была в курсе, толпилась на палубе, настороженно поглядывая в сторону приближавшегося воинства, и напряжённо переговариваясь.

Конан переспросил у Фатхулло:

– Значит, говоришь, в этом месте – фарватер?

– Да, капитан. Самое глубокое место. Под килем – целых три сажени. То есть, чтоб добраться даже до дна, им придётся-

ся становиться друг на друга! Но течение... Сильное!

– Это радует. Значит, если мы будем плыть со скоростью большей, чем идут они, нас точно не догонят?

– Думаю, что не догонят, капитан.

– Ладно. Посмотрим, как они... – Конан не договорил, но Велтран и остальные знали и так, что Конан имеет в виду: «будут действовать в воде!»

Смотреть оказалось странно.

И – страшно!

Первая шеренга, медленно войдя в воду примерно по колено, вдруг остановилась.

Но тела продолжали опускаться, словно их хозяева на самом деле заходят в воду всё глубже и глубже! Вот и макушки обнажённых тел скрылись под водой – у самого берега! Где, как отлично помнил Конан, и воробью по колено!..

А вот на месте скрывшихся под водой воинов забурлила вода...

И из неё начали вылетать, словно волшебные шары, или шаровые молнии, странные сферы: сияющие, словно маленькие солнца!

Конан, от неожиданности прикрывшийся от ослепительного света рукой, спросил:

– Что это?!

– Думаю, капитан, это их неприкаянные, а сейчас – освобождённые водой от проклятых чёрных заклинаний, души. – Эльдорн сделал знак рукой, – Да упокоит их с миром Мирта

Пресветлый!

Все зашевелились, заохали, кое-кто поспешил присоединить свои жесты к жестам Эльдорна. В то, что это – освобождённые Души, как-то сразу поверили все! И подсознательно и сам Конан думал, что это объяснение – единственно правильное!

Между тем у берега истаял второй, а затем и третий ряд суровых воинов.

Их души тоже вознеслись в небеса невесомыми, сияющими, и словно колеблемыми неизвестно откуда набежавшим ветерком, шарами.

Вскоре на берегу никого не осталось, и только скопление медленно воспарявших в небо переливчато-сверкающих шаров указывало, что здесь сейчас произошло нечто небывалое!..

Пираты, навздыхавшиеся, и помолвившиеся, уже молча, провожали взглядами улетающих в Небесные Чертоги странников.

Конан тоже вздохнул:

– Надеюсь, после всего, что выпало на долю этих бедолаг, они все в небесных чертогах! Кто – у Мирты, а кто – ещё у каких добрых Богов...

– Уж не сомневайся, Конан! Не зря же нам дали посмотреть, как они возносятся! Иначе они канули бы в землю – к пещерам Мардука!

– Согласен, Эльдорн. Но получается, что это – именно мы

их... Освободили!

– Ну да. Да ещё как просто! Позволили войти в воду, и они и...

– Вот именно, Эльдорн, вот именно! – это влез вездесущий Велтран, – А если бы мы не догадались с Конаном, что только вода может остановить это воинство, так и не привели бы их сюда! И они вечно охраняли бы своё «священное место»!

– Ну, догадаться, что заклятье на эти места наложено именно для того, чтоб здесь никогда не выпадало ни капли даже дождя, было нетрудно. Но всё же не приписывай, Велтран, мне – свою прозорливость! Это именно ты первым предложил довести их до реки. А я... Не предполагал, что мы сможем тут же от них и отделаться! С гарантией.

Но я рад, что мы одновременно и помогли: если не телам, то хотя бы Душам этих несчастных обрести долгожданную свободу. И покой!

Поэтому предлагаю: помощнику, как первым придумавшему и предложившему этот замечательный план, выделить дополнительный пай!

Одобрительный гул голосов и крики сказали Конану, что команда согласна!

И Конан отлично понимал, почему: ощущать за спиной постоянно нависшую угрозу, находясь даже в другой стране, за далёким морем – такое наверняка напрягало и давило на нервы каждого, даже самого безоглядно храброго в битве,

пирата! Одно дело – когда ты знаешь, что можешь убить врага, стоя с ним лицом к лицу, а совсем другое – ощущать, что оружие против твоего пожизненного, куда б ты не сбежал, преследователя – бесполезно!..

Такое осознание не может не угнетать. Особенно, когда начинаешь действительно об этом задумываться...

– Смотри, Конан! Кажется, над проклятыми землями собирается гроза! – зрению остроглазого Рнего можно было только позавидовать. Но Конан, осознавший, что снятие проклятья может означать не только долгожданный живительный дождь для иссохших и истомлённых жаждой земель, а и ещё кое-что, отреагировал быстро:

– Поднять якорь! Все – на мачты, поднять паруса! ВСЕ паруса! Шевелитесь, отродья Неграла! Потому что если вас не отделает ураган, это сделаю я!!!

Никогда ещё «Вестрел» не улепётывал столь быстро по незнакомому фарватеру, рискуя ежеминутно наскочить на предательскую мель, или корягу, но штурман Фатхулла вёл «Вестрел» сам, уверенной рукой, и корабль словно тоже подгоняла стремительно надвигающаяся из пустыни иссиня-чёрная туча, прорезаемая вспышками-сполохами ветвистых молний, и с каждым часом все ближе и громче грохочущими раскатами грома!

Но корабль был сработан на совесть: они успели выскочить из узкого русла Таннис до того, как настоящий тропический ураган разразился!

Ощущать, как могучий форштевень уверенно разрежет гигантские валы, и содрогается толстый киль и скрипит прочный корпус под напором волн, было приятно: давненько они не попадали в настоящий шторм!

– Спустить все паруса, кроме фор-марселя! Лейбен, Лизандро! К штурвалу! Держать на Корейн! – Конан знал, разумеется, что вечернюю звезду сейчас, когда небо закрыто огромной тучей, не видно, но полностью доверял чутью и инстинктам Лизандро: рождённый и выросший на корабле моряк ещё ни разу не ошибался в направлении!

Сам киммериец, убедившись, что накормленная заботливым Зануссом команда скрылась в безопасном полумраке кубрика, хлопнул Велтрана по плечу:

– Ну что, помощник? Обсудим, где бы нам разжиться ещё какой картой, или таинственным манускриптом?!

Поражённый Велтран какое-то время просто раскрывал рот, словно выброшенная на берег рыба! Потом, заметив хитринку в уголке Конановского глаза, сам хитро подмигнул, ухмыляясь:

– А знаешь, Конан, ты на секунду купил-таки меня!

– Почему – купил? Ты что думаешь – я шутил?!

Улыбочка на губах помощника завяла, превратившись в панику:

– Конан! Неужели мы снова сами полезем к чёрту в...

– Да ладно тебе, помощник! Шутить – так уж шутить от души! – Конан снова хлопнул широкой ладонью по круглень-

кой спине многострадального Велтрана, – Расслабься: это я действительно – только шутил. Я и сам предпочитаю добрую драку – коварным ловушкам, подлым чародеям, и заколдованным сокровищам! А сейчас пошли-ка ко мне в каюту, и выпьем! Надо же почтить память почивших с миром отважных стражей!

Да заодно и подумать: в каком из городов Средиземья нам прокучивать *эту* долю сокровищ Астига!..

4. Конан и Город Теней.

(Отрывок из романа «Конан и Волшебник с Севера»)

Проснувшись, Конан сладко потянулся.

Впрочем, не совсем сладко: рука тут же откликнулась несильной ноющей болью. Ничего – главное, двигалась она уже нормально, и чувствительность в пальцы вернулась.

Сев, варвар осмотрелся, затем встал и на ноги.

Нет, никто и ничто не нарушало унылый однообразный пейзаж: пустыня и барханы с чахлыми кустиками солянки и полузасохшей верблюжьей колючки, да кое-где иссохшие на солнце скелеты кустов повыше – не то саксаула, не то карагача. Куда ни кинь взор – навевает только скуку да тоску. Хотя вон туда – назад! – пути уж точно нет. Да он и не собирался. И не только из-за гигантских муравьёв. Нет, идти ему предстоит только вперёд!

И, судя по всему, ещё долго.

Снова перевязав руку, он позавтракал вяленным мясом и сухофруктами, запив их скуными глотками воды. Пусть безвкусно, зато питательно – на то и мясо...

Взглянув вперёд, киммериец почесал в затылке. Не похоже, что кажущаяся отсюда безбрежной, словно жёлто-оранжевый океан, пустыня, скоро кончится. Но дней на десять – если расходовать экономно! – воды должно хватить.

Такая дорога не слишком Конану нравилась, так как с тяготами быта и передвижения в пустыне он был знаком отнюдь не понаслышке. Для возвращения хорошо бы подыскать другой путь. Вот только какой?..

Он действительно никогда раньше не забирался так далеко на северо-восток этого гигантского континента. Да и никто, насколько он знал, не забирался. Те немногие, кто отважился хоть немного продвинуться по этому пути, которым сам киммериец идёт уже три недели, рассказывали (Ну, те, кому удалось выжить!) очень... противоречивые вещи.

Дескать, народы этих мест собрали свои вещи, и – улетели. На небеса. А на свои старые земли наложили заклятье. Чтобы, значит, никто не селился, пока они не вернутся обратно – обновлёнными и сильными.

Этого Конан не понимал.

Хотя и про Лес и Пустыню за ним и существовали легенды в странах Гипербореи. Отнюдь не вселявшие оптимизма.

Но лес он уже прошёл. Пустыня же – вот она. И скоро вы-

яснится, живёт ли здесь действительно беспощадный и невидимый Гажжет, от которого остаются только следы гигантских лап на песке. (Да и те почти мгновенно слизывает с поверхности неутомимый ветер.) Бесплотный и якобы неуязвимый враг, которого воочию никто не видел. А если кто и видел – рассказать уже не мог. Зато высохшую кожу его жертв, словно высосанных изнутри, кое-кому находить приходилось...

Про птицу Сиорнис, что в размахе крыльев достигает ста футов, и может говорить по человечески, Конан слышал неоднократно. Её-то кое-кто видел. Ну, тот, кто успел спрятаться... И почему это ей так нравится откусывать людям руки и ноги? Загадка. Правда, хорошо бы, чтобы не на его долю выпало её разрешение.

Надо отдать варвару должное – несмотря на то, что ему встречалось много монстров, и почти сказочных существ, в тигро-змея он не верил. Как и в женщину-скорпионшу. Хотя, может, об этих созданиях лучше спросить у тех, кто, сам не зная, женат на таких?..

Оставался, правда, ещё Город Теней.

Возникающий, по слухам, перед понравившимся его обитателям путником, маня соблазнами... Причём, для каждого – своими.

Однако Конан надеялся, что у него на пути этот город не возникнет. Некогда ему всякими загадками развлекаться, да соблазнами баловаться – дело надо делать.

Варвар быстро свернул лагерь.

Ночью, по его прикидкам, с учётом обязательного запутывания и заметания следов, он успел уйти от муравейника всего мили на четыре по прямой – уж больно устал.

Сыграло ли свою роль заметание следов, или ветер и песок сами стёрли его след и запах, или муравьям, и правда, стало не до него, но никакой погони не было. Уже одной проблемой меньше. Хотя глупо было опасаться, что маленькие – или правильной сказать, большенькие! – твари настолько похожи на людей, что сообразят, кто нанёс им столь страшный ущерб, и захотят за это поквитаться!

Нет, сейчас у них явно есть заботы поважней. Хотя бы воссоздать Семью. Выкормить из караваев-личинок новую Матку. Наплодить рабочих и воинов. Отстроить заново муравейник, от которого стараниями варвара наверняка мало что осталось...

Впрочем, это уже не его проблемы – если придётся возвращаться тем же путём, абсолютно неважно, с какой из выстроившихся вдоль границы настоящей сторожевой цепью, Семей насекомых, встречаться – любить его, и позволять мирно пройти через территорию своего муравейника, они уж точно не будут. При любых обстоятельствах.

Буквально через пару минут пути киммериец вышел к глубокой и широкой воронкообразной яме в песке, удивительно правильной формы. Эта-то правильность его инстинктивно и насторожила. Как известно, симметрию и кра-

соту уважают только разумные существа. От которых ему сейчас лучше держаться подальше.

Диаметр воронки составлял, наверное, футов тридцать, а глубина – не меньше двенадцати. Варвар вспомнил, что ночью, когда ему попалось на пути три или четыре подобных, но более крупных, ям, он просто обошёл их, держась подальше, и не придав их виду и существованию особого значения.

Хвала Крому, что он поступил так!

Существо, обитавшее на дне, наверное, улавливало малейшие колебания песчаной почвы, и по ним точно определяло, где находится добыча. Внезапно из самого центра воронки в Конана ударила могучая струя песка. Если бы он продолжал стоять на кромке воронки, тут бы ему и конец!

Но к счастью, варвар уже двигался назад, чтобы не сползти в предательскую глубину песчаной ловушки, думая, с какой стороны лучше обойти странное образование. Поэтому струя задела его лишь краем. Но всё равно сбила с ног!

Полуослепленный, Конан инстинктивно откатился подальше от края.

И вовремя! Гигантская щетинистая лапа уже шарила на том месте, где он только что стоял.

Решив, что не до жиру, быть бы живу, киммериец со всей возможной скоростью, вначале на четвереньках, а затем и поднявшись на ноги, что было сил рванулся от ловушки прочь, даже не оглядываясь! И лишь отбежав шагов за пятьдесят, рискнул, кинув взгляд через плечо, замедлить бег, а

затем и остановиться совсем.

Ну и вулкан он разбудил! Разъярённое неудачей, чернолапое существо било фонтанами песка во все стороны, два членистых, покрытых крупными – не то волосками, не то – щетинками, щупальца-лапы, с ужасающей силой ударяя по кромке воронки, ощупывали пространство за добрый десяток шагов от ямы с той стороны, где он только что был.

Но выбираться на поверхность и преследовать Конана проклятая тварь, судя по всему, не собиралась. Как и ругаться по поводу своей неудачи – над пустыней всё так же нависала почти абсолютная, если не считать шороха ветра и песка, тишина.

Успокоившись, варвар хмыкнул.

Муравьиный лев!

Как же он сразу не догадался, что это – ловушки личинок муравьиного льва! Наверное, этому помешали их воистину невероятные размеры. Впрочем, они вполне под стать самим муравьям. Вот почему те не очень-то забегали за добычей вглубь пустыни!

Что ж. Всё в природе взаимосвязано. Найдётся охотник и на охотника.

Но здесь – вряд ли в одной природе дело. Кто-то, скорее всего, неспроста, сотворил целый заповедник гигантских насекомых. Как и воссоздал древних тварей для леса.

Для охраны границ?

Скорее всего, именно так. Непохоже, что противника,

способного на *такое* да ещё в таких масштабах, будет легко и просто одолеть. Но ведь киммериец на лёгкость и не рассчитывал.

Ничего, как бы силён и хитёр не был этот очередной чародей, настанет и для него час расплаты. Смертный час. И стражники и охранники, как звериного, так и человеческого облика, не смогут защитить его от Конана!

Он думал об этом спокойно, сознавая свою силу и способности. Враг силён? Он будет сильнее! Враг коварен и хитёр? Он – коварней и хитрее! Он – Конан-киммериец!

Ну а пока, похоже, надо опасаться гигантских пауков, скорпионов, ос, комаров, шмелей, сороконожек, жуков-скарабеев, и прочих покрытых хитином созданий из отвратительно многообразного отряда многолапых. Конан поёжился. Почему он так не любит всех этих «милых и незлоблывых» тварюшек?

Наверное потому, что это у них взаимно. И обычно – это они первыми начинали кусаться.

Вряд ли теперь ему поможет верёвка из овечьей шерсти, которую он каждый вечер раскладывал вокруг места ночёвки – как научили его бывалые обитатели пустынь и степей, туареги, предохранявшиеся таким способом от фаланг и скорпионов.

Ладно, поживём – увидим.

По крайней мере, пожаловаться на скуку и однообразие он не может. Хотя, конечно, было бы приятно перекинуться

хоть с кем-нибудь парой слов... Но нет – так нет.

Не обращая больше внимания на злобного льва, наконец разочарованно хлопнувшего по песку обеими клешнями особенно сердито, и скрывшегося в своей западне, Конан отхлебнул воды, и двинулся дальше. По сторонам он теперь старался глядеть ещё внимательней, ворочая головой буквально через каждые десять шагов.

Однако, хотя однажды он действительно видел вдали какое-то огромное низко летящее насекомое, скрыться от которого ему помог очередной бархан, (К сожалению – или, вернее, к счастью! – оно было слишком далеко, чтобы определить, кто это!) больше с ним ничего опасного не случилось за весь утомительно-монотонный переход через огромную пустыню.

Однообразие её «красот» и нестерпимый, заставляющий даже его тренированные и закалённые глаза щуриться, блеск от мириадов крохотных граней очень скоро сидели у него в печёнках, и варвар решил проблему по-своему.

Теперь он сменил ритм движения: шёл ночами, в относительной прохладе, освещаемый неверным мерцанием огромных восточных звёзд и народившейся луной, а отдыхал и отсыпался днём, втыкая в песок меч, и закрепляя на нём и вырубленных из кустов шестах, как подобие тента от нестерпимого зноя, своё одеяло из шкур, и бывшие чулки.

Передвигался по сыпучему песку Конан ровным размеренным шагом, не напрягаясь. И только опытный путеше-

ственник мог бы сказать, что этот, обманчиво спокойный, шаг, по скорости на самом деле мало уступит быстротой продвижению всадника, едущего по ровной, утоптанной дороге.

Действительно, как бы компенсируя бурные события в тёмном лесу и на его границе, пустыня не баловала варвара разнообразием ощущений и впечатлений. Вредоносных и злобных созданий больше не встречалось. (Мелкие чёрные жуки, брызгавшие в его сторону вонючей жидкостью из брюшка, и затем поспешно удиравшие при его приближении, явно в счёт не шли. Как и крохотные ящерицы, обитавшие обычно под корнями кустов верблюжьей колючки и саксаула. Эти просто хлопали на него хитрущими глазками с вертикальной щелью зрачка.)

Что же до людей, то только на пятый день ему встретились их следы. Но, к сожалению, следы остались от давно умерших, или просто покинувших свой, сейчас заброшенный, город.

Да, здесь был целый город.

Когда-то, судя по полузанесённому беспощадными песчаными наносами, каналу, здесь не ощущалось недостатка в воде. Но так было очень давно: по-крайней мере, несколько веков назад. Варвар не увидел ни одной крыши – сгнившие перекрытия давно рухнули вовнутрь, создавая странную иллюзию незащитности всего сущего перед неумолимым временем. И хоть дождей здесь не бывало, глинобитные стены сверху пообвалились, и выглядели сильно попорченными

песчинками, всё время несомыми неугомонным ветром.

Полупустые оболочки никому не нужных теперь величественных зданий в центре, в отличии от домов бедноты у окраин, сохранились получше, но и они не служили больше никому. Так же, как не радовали больше ничей глаз и прекрасные настенные фрески и мозаичные полы, украшавшие некоторые строения внутри.

Раса, населявшая эти места, судя по изображениям, походила внешностью на туранцев или иранистанцев: смуглые, невысокие, с раскосыми глазами – да и белая удобная одежда наподобии хеджабов – у женщин, и простых балахонов – у мужчин, выдавала жителей жаркого климата.

Они тоже охотились, трудились, воевали, пировали, торговали. Все эти, такие нелепые среди всеобщего запустения, картины когда-то бурлившей жизни и суеты, столь характерные для больших государств и их городов в период расцвета, показались Конану теперь такими жалкими и ничтожными! Особенно – на фоне торжества необъятного моря песка, угрюмыми неумолимыми волнами подступавшего к мощной когда-то, а сейчас – полуобвалившейся наружной стене, и вихрями носившегося по полузасыпанным улочкам.

Конечно, варвару и раньше неоднократно случалось бывать в давно заброшенных, или полуразрушенных войнами, городах. Но здесь...

Он почесал затылок: неужели *вот это* – тот самый, легендарный, Город Теней?

И чем же таким «неотразимым» эти руины смогут его заманить?!

Чушь собачья. Городом Теней здесь на пахнет. Просто – ещё один сдавшийся на милость стихии город, жители которого устали бороться с ежедневным упорным натиском пустыни, и, плюнув, и побросав жилища, откочевали в более гостеприимную местность!

Дворец Правителя не поразил. Конан обошёл его буквально за несколько минут весь – ни фрески, ни выложенные мозаикой бассейны внутри комнат, его не впечатлили: видал и пороскошней! Зато вот лестница, начинавшаяся за тронем того, кто здесь правил, и ведущая вниз, варвара заинтересовала.

Жаль только, что она оказалась тоже до половины засыпана вездесущим песком.

Копать, или стремиться во что бы то ни стало побывать в незнакомых подземельях, Конан не собирался. Зато подумал, что в соседнем, широком и просторном зале, служившем, очевидно, для заседаний Дивана, очень даже неплохо можно переночевать.

Когда со скудным ужином было покончено, он лёг на свою подстилку, повернулся на спину. Обратил взгляд вверх. Вот уж чего не отнять у Восточного неба – так это его загадочности и красоты! И звёзды-то здесь кажутся словно ярче, и словно – больше их. И мигают как-то совсем уж загадочно и с хитрецей: словно приглашают разгадать их древние загад-

ки!..

Он не заметил, как уснул.

А он точно – уснул. Потому что разбудил его плачь.

Но откуда *здесь* могут быть живые, да ещё плачущие, люди?!

Бесшумной смертоносной кошкой Конан двинулся на звуки, сжимая в одной руке верный меч, другой поправляя перекосившуюся во время сна набедренную повязку.

Плакала женщина. (Ну, кто бы сомневался! Во всех ловушках и западнях Конану, неизменным оставалось одно: наживка! Мужчину лучше всего ловить на... Да, женщину.)

Она сидела на непонятно откуда взявшемся троне. Да и зал повелителя города оказался почему-то покрытым крышей! Киммериец не без удивления отметил, что видно всё внутри стало гораздо хуже: свет звёзд уже не проникал беспрепятственно во дворец.

Понимая, что деваться некуда, и «комедия» будет всё равно разыграна, раз уж появился он – живой зритель, Конан, не торопясь и уже не скрываясь, подошёл. Он не боялся: хотели бы убить – убили бы во время сна. А здесь, вероятнее всего, от него опять чего-нибудь потребуют. Как услугу за сохранённую жизнь.

– Приветствую тебя, о печальная незнакомка. – Конан заговорил на иранистанском, так как фрески сказали ему о близости этого народа к этой расе, – Поведай мне, в чём твоё горе? Могу ли я, Конан из Киммерии, как-то помочь тебе?

Незнакомка перестала рыдать, и подняла на него лучистые заплаканные очи.

Одета в полупрозрачно-воздушные восточные одежды, скорее, открывающие, чем скрывающие!..

Красива – нет, правда: очень красива. И не восточной, экзотически-специфичной красотой, когда за эталон принимаются крохотные, зато наштукатуренные по краям, узкие глазки, амфорообразное, без особой талии, упитанно-плотное тело с коротковатыми ногами, и жёлто-коричневый цвет кожи.

Нет, незнакомка напоминала, скорее, бритунийку: кожа – белей снега, глаза – в поллица, ни следа кокетства-жеманства, которым славятся восточные красотки, грудь – выше всяких похвал! Талия – тонкая, точёная. Бёдра – не безобразно полные, как вот именно – у восточных женщин, а – пропорционально стройные. Ноги очень длинны. Это Конан отметил, уже когда незнакомка встала. Чтобы заговорить с ним:

– Здравствуй, Конан из Киммерии. Благодарю за твоё сочувствие и любезное предложение помочь. Позволь представиться. Я – Мадина-бону, дочь Бобура пятого, правителя когда-то гордого и могучего Манангана. А помочь... да, помочь мне ты, похоже, в силах. Вот только... Захочешь ли ты это сделать – я пока не знаю.

– Не захотеть помочь столь прекрасной госпоже я могу только в том случае, если ты потребуешь чего-нибудь непра-

ведного. Например, убить невинного человека. Или помочь разорить какую-нибудь страну, с которой твой отец в своё время...

– Нет-нет, Конан-киммериец, вовсе нет. Ни с кем мой отец не воевал, и в гибели нашей страны и Города совершенно не виноват никто из *людей!*

(Ну вот. Сейчас начнётся, подумал варвар: женщина скажет, что это – проделки очередного негодяя-мага. И нужно будет разыскать его да пристукнуть, чтоб чары, наложенные на Город исчезли... И так далее. Бэл раздери! Везёт же ему на такие дела!..)

– Гибель нашего Города – сейчас его называют Городом Теней! – дело рук чародея. После того, как заклятье было наложено, отец убил его. Сам. В открытом бою. А тело мага даже сожгли по нашим традициям. Но это...

Не помогло!

И вот я прошу тебя, Конан, воин из Киммерии – помоги нам!

– Что я должен буду сделать? – Конан решил вокруг да около не ходить, а сразу поставить вопрос конкретно.

– Ну... Это – не будет так сложно, как сражаться с коварными чародеями, или простыми воинами... Или идти за тридевять земель в поход. Нет. Всё проще.

И сложнее.

Тебе надо будет просто... Подарить мне ребёнка!

– Постой-ка! – Конан, разумеется, буквально облизывался

на роскошное тело, и очаровательное лицо... Но чтобы *вот так*: сразу – и – в постель!..

Не-ет, такого с ним ещё точно – никогда!..

– Уважаемая Мадина-бону! Ты что же – предлагаешь мне, Конану-киммерийцу...

– Ну да, о могучий и желанный воин из далёких северных стран! Мне нужно возродить мой народ и Город из тьмы небытия! А для этого, согласно заклинаниям, снимающим Проклятие, я должна зачать и родить ребёнка от... Живого мужчины!

– А ты сама... Не живая?! – волосы на затылке киммерийца зашевелились сами по себе, несмотря на всё его мужество. Одно дело – маги и чародеи! Противники-враги.

Другое – заколдованная женщина! Которая пусть и не хочет его смерти, но...

– Разумеется, нет, о Конан! Я – призрак! Да и как бы иначе я могла ожидать тебя все эти долгие, долгие годы?!

Киммериец сглотнул. Вот теперь он был абсолютно уверен – проклятый Норт не сможет увидеть его глазами женщины! Потому что женщина-то... Призрак!

А ещё на краешке сознания мелькнула мыслишка, что женщина эта – так выглядит, и столь желанна и соблазнительна как раз потому... Что он себе свой идеал возлюбленной именно так и представляет! И для другого – и она была бы другой!..

Он вдохнул поглубже:

– Знаешь что, уважаемая... э-э... Дух Мадины-бону. Прости, но я отказываюсь!

Будь ты – нормальная женщина, ну, как я привык – из плоти и крови! – я бы, пожалуй, помог бы тебе. И твоему Роду и Городу.

А вот заниматься *этим* – с привидением!.. Нет уж, благодарю покорно!

Да и плохая примета – спать с Призраком!

– А разве киммерийцы боятся *Духов*? Или верят в плохие приметы?! – теперь она обходила по кругу вокруг варвара, проводя маленьким изящным пальчиком по его могучей груди, плечам и спине, и кидая такие многообещающие взгляды, что восточным чаровницам и не снились! – Где же твоя хвалёная храбрость и мужская статья, воин?!

– Нет! Моя мужская статья... Привыкла к обычным женщинам – из плоти и крови! А не к бесплотным... – однако поглядев вниз, Конан заметил, что волнующие нежные прикосновения, и животные, возбуждающие флюиды, исходящие от этого великолепного, поистине божественно совершенного, вождённого тела, сделали всё, что надо. Он-то, может, и не готов помочь женщине-принцессе...

А вот его большой друг – готов!

Но так Конан не был не согласен. Поэтому попытался развернуться и просто убежать – не сражаться же ему в самом деле, с соблазнительницей, чтоб доказать, что он её не хочет! Он её хочет! Ну, местами... Но его *разум* не желает этого,

этого...

Кошунства!

Ноги, однако, не послушались киммерийца.

Они словно приросли к месту! И как Конан не дёргался, с центра зала он сдвинуться уже не мог!

– Ах, вот как, храбрец из Киммерии! Мы не пугаемся чародеев и колдунов, драконов и волшебных монстров-страшилищ. Не боимся сотен обычных воинов. А тут – испугались одного маленького и к тому же – прекрасного, Духа Женщины? – иронии в чарующе-медовом голосе не уловил бы только мозаичный пол, упорно не желающий отпустить ступни варвара! – Ну так я всё равно получу, что хочу!

– На Ложе его! – это было сказано куда-то за спину, приказным жёстким тоном.

И сейчас же набежали (Откуда взялись?! Словно и не было их до этого!) гибкие и стройные, воздушно-невесомые девушки! Из одежды на них имелись только лёгкие газовые накидочки, обёрнутые вокруг бёдер. Но тела их вовсе не были бесплотны!

Хватка маленьких рученок на своих руках, ногах, и торсе, показала Конану поистине – бульдожьей! Деловито и быстро его куда-то повлекли-понесли!

А куда же, как не на ложе?!

– Эй, эй! Прекратите это! Отпустите меня! Да чтоб вас!.. – он брыкался изо всех сил, – Я вам не каплун на вертеле! Ничего у вас не выйдет! – он повернул пышущее гневом и воз-

мущением лицо к Принцессе, – Ещё ни одной женщине не удавалось изнасиловать киммерийца!!!

– А ничего. Всё когда-нибудь происходит в первый раз. Обещаю: тебе не будет больно! – Мадина-бону шла рядом, хитро-плотоядно оскалив в улыбке восхитительно ровные остренькие зубки, блестящие, словно жемчужины.

И как киммериец не дёргался, как не сопротивлялся, напрягая все свои тренированные варварские мускулы, какими проклятьями не сыпал на головы девушек и их Госпожи, против лёгоньких женских ручек они оказались так же бессильны, как брызги волн полуденного прибойя, пытающихся разбить гранитные утёсы берегов его родины!

Распятый на чёртовом (Довольно, кстати, удобном и мягком!) ложе, он рычал и плевался, когда Мадина-бону приблизилась, снимая ту немногочисленную условность, что заменяла ей одежду. При этом она обворожительно виляла и покачивала тем, чем нужно вилять и покачивать, чтоб ещё сильнее распалить в мужчине страсть, и весьма хищно улыбалась, словно собиралась не использовать его, а попросту – съесть!

Он, поняв, что все попытки освободиться и избежать унижительной «миссии» не удадутся, затих – чтоб не дать ей насладиться триумфом. Но уж глядел на нее!..

– Не сердись, о Конан. Варвар из варваров, могучий воин. И не сопротивляйся тому, что предначертано *мне!* Это – мой Долг! Я не могу поступить по-другому. Именно этого ждёт

от меня мой отец. И мой народ. И – обещаю! – ты останешься абсолютно...

Невредим!

Но чтоб скрасить тебе чувство... недовольства, (Назовём его так!) я могу сказать: ни одного другого мужчину, лучше подходящего для моей Цели, моей Миссии, я не знаю!

Так что для меня – честь стать твоей!

И я постараюсь, чтобы тебе было...

Как можно приятней!

Позже Конан вынужден был признать, что так... Приятно – мягко говоря! – ему, действительно, ещё никто не делал!

И пусть его мужские достоинства на этот раз использовались несколько... необычно, к концу действия он со всей самозабвенностью отдавался порывам страсти, и того, что будила в нём эта неземная, но и столь вожделенно-обольстительная женщина-дух.

В глазах оседлавшей его партнёрши он видел всё: и преисподнюю бушующих страстей, и райское блаженство, и... Её радость!

Не столько от утех с ним, но – от выполненного Долга!

Конан знал, понимал, что его используют! Это было и унижительно, и постыдно. Хотя он не мог не признать: ощущения от их близости у него – не просто восхитительные, а – чертовски восхитительные!..

И...

И разве можно и правда – отказать преданной своему

народу Принцессе, и послушной дочери своего Отца, в её желании как можно лучше исполнить предназначённое ей Судьбой?.. Её «Долг»?! Да и просто: разве можно отказать – ЖЕНЩИНЕ?!

Вот и он – не смог...

Утром он еле поднялся со своего ложа.

Все мышцы занемели, и во рту пересохло, словно не пил трое суток! Но...

Но никакой крыши в соседнем зале не было! Как и ничьих следов на песке на полу!

Сон!

Сон?! Но почему тогда всё тело болит, словно по нему протопало стадо слонов?!

Ох...

Нужно уносить ноги, пока ещё во что-нибудь здесь, в Городе Теней, не вляпался!

Но по старой памяти искателя сокровищ он чисто автоматически обошёл ещё раз дворец правителя, и даже, не торопясь, более тщательно, обыскал его руины.

Ну и ничего. Даже лестницы, обнаруженной за тронном вчера – уже не было. Словно её и никогда не было!

Разумеется, найти хоть что-то интересное оказалось невозможно – сколько поколений кочевников могло беспрепятственно растаскивать наследие, оставшееся от неизвестного народа... С другой стороны, найди он сейчас клад, по-

ташил бы он его с собой?..

Вот то-то и оно!

В его суме – только необходимые для выживания вещи, и она – тяжеленька! Лишняя бесполезная тяжесть сейчас ему ни к чему. Хотя... Найди он что-то – уж не поленился бы перепрятать понадежней!

Оглядевшись на прощанье, Конан покинул дворец.

О не то – приснившемся, не то – действительно произошедшем, он вспоминал теперь с ощущением неловкости. А ещё – стыда и какой-то неудовлетворённости.

Теперь он и правда, не сможет сказать, что ещё ни одного киммерийца не изнасиловали. (Да ещё как!..)

И пусть он действительно получил море удовольствия, и ему было... Хм-м... да, приятно...

Но он предпочитал всё же быть сам – сверху! И быть при этом – свободным!

Так что он подумал, что вряд ли когда расскажет об этом приключении хоть кому-то. Будь то верные друзья-соратники по славным делам, или любимая женщина, или придворный летописец, желающий увековечить для многочисленных наследников-потомков подвиги славного Короля Конана...

Однако маленький сувенир на память о мёртвом городе-призраке из пустыни ему всё же достался. Уже выйдя из шикарных, когда-то отделанных изразцами, парадных ворот дворца, он оглянулся ещё раз.

Что это? На уровне его лица в одной из стен выпало

несколько кирпичей, которыми, похоже, когда-то была заложена маленькая ниша.

Он подошёл. Отбросил оставшиеся кирпичи – вернее, их труху.

Да, внутри что-то лежало.

Маленький полупрозрачный флакончик с туго притёртой пробкой. И в нём – какая-то тягучая зеленоватая жидкость. Как-то сразу Конану пришла в голову мысль о том, что это, возможно, эликсир, как-то связанный с магической защитой дворца – от врагов, от сглаза, от враждебной магии.

Интересно, сохранил ли он свои защитные свойства?.. Может, стоит взять его с собой? Ему сейчас не повредит никакая помощь. А эта вещичка – может оказаться полезней кольчуги и оружия.

Решено. Раз уж Кром (Или – ночная посетительница?!) послали ему эту склянку, то, разумеется, так тому и быть.

Завернув сосудик в лоскут материи, он спрятал свёрточек на дно сумы, с чувством неловкости буркнув себе под нос: «Ну, спасибо, любезная Мадина-бону!»

Город он покинул, больше не оглядываясь. Располагаться в таком месте на днёвку всё равно нельзя: ничто так не привлекает змей и скорпионов, как полуразвалившиеся глинобитные стены. Так что варвар спокойно отшагал до следующего места отдыха не меньше пяти миль.

Эта днёвка, как и следующая, прошла спокойно. Что, впрочем, как и всегда, не ослабило бдительности киммерий-

ца: спал он чутко. Но кроме обычных звуков пустыни ничто больше не тревожило его сон и отдых.

Итак, на седьмой день пути через пески воды оставалось на три дня, и он ещё сократил и без того скупые глотки, которыми запивал пищу. Её, кстати, тоже оставалось не густо – не больше, чем на неделю. С вожделием облизываясь, он теперь почти с ностальгией вспоминал о печени динозавра, и обо всём разнообразии, пусть свирепой и клыкастой, но – дичи зачарованного леса. Монотонность и бесплодность песков утомила его даже больше, чем предыдущие бурные схватки. Всё же в лесу он не мог пожаловаться на... скуку.

А здесь, среди пустоты бескрайних барханов...

Остаётся только вспоминать о волшебных видениях. И надеяться на то, что их с Мадиной-бону ребёнка ждёт счастливая судьба!

И радоваться, что, действительно, у самого Конана ничто кроме чувства собственного достоинства и гордости...

Не пострадало!

5. Напарник.

– Слушайте, жители Биркента, и уважаемые гости нашего города, и возвестите тем, кто не слышал! Мы, Падишах Мохаммад шестой объявляем своим Словом свою волю!

Завтра, с рассветом, любой пожелавший сможет войти в главные ворота дворца, и отправиться на поиски принцессы

Малики! Тот, кто неведимой выведет её наружу, получит прекрасную Малику в жёны, половину земель падишахства, а после нашей смерти – и все земли! И мешок золота в приданное!

Войти в ворота дворца и попытаться спасти принцессу может любой! Будь то знатный, или простой, неродовитый, человек! И если такой простой человек спасёт принцессу, он немедленно причисляется к родовой знати Биркента! Будь то житель нашего города, или самой отдалённой страны!

Таково наше, падишахское слово, и такова наша, падишахская, воля!

Слушайте же, жители Биркента, и уважаемые гости города, и возвестите тем, кто не слышал! Мы, Падишах Мохаммад...

Казённо-равнодушный и профессионально звонкий голос глашатая с отменно чёткой дикцией, без помех доносился с противоположной стороны базарной площади, с помоста, используемого обычно для публичных наказаний: от порки нерадивой рабыни, до отрубания кистей рук вора́м, или уж – голов – государственным изменникам. И слушать его ничто не мешало.

Потому что никто не смел нарушать тишину во время такого объявления: под страхом лишиться болтливой языка, или ещё какой части тела, произведшей бы шум – угрюмо-деловые стражники заранее взяли в кольцо огромную, пышущую жаром от полуденного летнего солнца яму, с пы-

лью почти до щиколоток, что в Биркенте гордо именовалась Главной базарной площадью.

Поэтому разносчики, торговцы, покупатели, и просто оказавшиеся здесь в это время люди, застыли, не смея даже открыть рот, и лишь косились на отблёскивающие надраенные кольчуги, и оружие сардоров. А уж они у Мохаммеда шестого были ничего себе – откормленные, хваткие и крепкие на вид.

Конан, уже не обращая внимания на ставший привычным за последнюю неделю крепкий букет запахов: свежих лепёшек, конского пота, навоза, готовящегося плова, жареной рыбы, дынь, и, разумеется, вездесущей пыли, стоял, оперевшись спиной на стену лавки жестянщика. (Тоже, конечно, прекратившего на время оглашения падишахской воли свой перестук молоточками-чеканами по котелкам-казанам и чайникам.) Послушал ещё немного. Собственно, он все условия отлично расслышал и в первый раз, но хотел послушать и во второй – вдруг чего из «условий» добавится. Или наоборот – пропадёт.

Ничего не добавилось. Но и не пропало – слова «мешок золота» приятно грели душу возможностью легко (как он себе это представлял) подзаработать!

Зато вот парнишка рядом с ним, еле протолкавшийся через толпу угрюмо насупившихся, задумчивых, сжимавших кулаки и хмурящих брови, или наоборот – радующихся предстоящему действию, претендентов, и просто – свидетеле-

лей, вздрагивал, и хватался за грудь именно при упоминании государственным глашатаем имени принцессы.

Не иначе – воздыхатель.

Конан усмехнулся про себя: а что? Ему такой повредить не сможет, а вот помочь в случае чего...

А почему бы и не попробовать, в самом деле? Ведь никто не запрещает договариваться и заключать союзы: вон, пятеро заговорщически перешёптывающихся в тени соседней (с посудой) лавки молодых парней в костюмах знати, и с дорогим оружием у пояса, явно решили объединить усилия. С тем, чтоб уж сделать дело, а потом между собой как-нибудь всё поделить.

Ага, смешно: поделить, как же!..

Восток! Тут делёж прост: тому, кто коварней всех, и умело всадит по самую рукоятку нож в спину излишне доверчивого, или не вовремя отвернувшегося «союзничка», всё и достанется. Ну, если и правда – удастся принцессу «вывести» из проклятого дворца...

Конан подошёл к парнишке, кусавшему губы и переминавшемуся с ноги на ногу явно в сомнениях: что же делать дальше, и как достойным образом подготовиться для сложной задачи! На тонкое костлявое плечо варвар положил огромную лапу:

– Что, паренёк? Небось, спать не можешь из-за мечтаний о Малике?

– Что?! Кто ты? Чего тебе надо?! – на обернувшегося че-

ресчур порывисто лицо вспыхнул огонь румянца, и парнишка, поняв, что его «вычислили», покраснел ещё гуще.

Конан, которого ситуация несколько забавляла, сказал:

– Я – Конан-киммериец. Проездом в вашем Биркенте. Но уже успел послушаться ваших местных... Хм-м... Легенд. А надо мне – мешок с золотом, который тут обещали за пустяковую работёнку. А поскольку ваша принцесса (Воздадим хвалы её прелестям и красоте!) – при всём моем безмерном к ней и её отцу уважении! – мне без надобности, как и половина этого вшивенького падишахства, я подыскиваю напарника для завтрашнего дельца. Если у нас получится – он заберёт эти самые полпадишахства и принцессу...

А я – мешок с золотом. Справедливый делёж?

– С... Справедливый. А... Почему ты говоришь это – мне?

– Потому что, как мне кажется, ты тут – единственный человек, действительно беспокоящийся о судьбе этой самой Малики, – при упоминании этого имени мальчишка снова дёрнул плечом и вспыхнул, лишний раз подтвердив подозрения Конана, – А не мешка с золотом и дармового титула придворного лизоблюда!

Паренёк опустил голову вниз, к стоптанным и выгоревшим туфлям, искоса глянув в сторону дворца, и опять закусил губу. Но когда поднял взгляд, Конан поразился: тот пылал такой страстью, что если б у варвара и имелись сомнения, то тут же исчезли бы:

– Твоя правда, чужеземец из Киммерии! Я... Я жизнь го-

тов отдать за спасение Малики из лап этого... Этого... Не знаю, кого! Но в прошлый раз не смог участвовать: не хватило денег на госпошлину!

– Ну-ка, ну-ка, поподробней: что ещё за госпошлина?

– Ну, как, что за... – паренёк, казалось, опешил. Но быстро сообразил, – А, ты же чужеземец! И условий всех предыдущих попыток в день Марпита, нашего священного праздника, не знаешь! Так вот: после первого раза, три года назад, падишах решил, что незачем попросту пропадать деньгам богатых претендентов на звание наследного Принца. И определил сумму налога, который завтра с утра будут взимать чиновники, отвечающие за сбор претендентского налога. Ну, то есть – с каждого желающего войти в отпертые ворота дворца!

– Так значит, ты...

– Да, я, наконец, набрал денег достаточно, чтоб заплатить.

Ну, и оружие кой-какое прикупить...

– Ага. Отлично. Что ж, парень... Кстати, как твоё имя?

– Садриддин.

– Что ж, Садриддин, согласен ли ты объединить наши усилия на условиях, которые я предложил?

Паренёк замаялся было, но тут же криво усмехнулся: похоже, над самим собой:

– Конечно, согласен, Конан-киммериец. Ты ведь с самого начала ко мне приглядывался, и верно понял, что мне плевать на золото и падишахство! Мне нужна только сама!..

– Знаю. Значит, договорились: завтра в полдень, здесь, у ворот.

– А... Почему – в полдень?

– Ну, как же! Я не люблю толкаться, занимать очередь, и препираться с ретивыми конкурентами, храбро, или нагло лезущими вперёд. Пусть все нетерпеливые и самоуверенные претенденты на должность зятя, уже войдут! Да и нам, – Конан хитро подмигнул, – спокойней будет, зная, что вперёд уже кто-то пошёл.

– Ага, понял. То есть, ты...

– Ш-ш! – Конан приложил палец к губам, – Не забывай: мы – на базаре. Здесь даже у стен растут уши. Так что, чтобы я там не предполагал, высказывать вслух этого не надо.

– Всё понял. Ты предусмотрителен и осторожен, чужеземец. Кроме того твои... э-э... мускулы позволяют надеяться на то, что наши шансы...

– Скажем так: неплохи! – Конан поиграл налитыми буграми бицепсов, грудными и прочими мышцами, рельефно выделявшимися на его загорелом и как всегда обнажённом по пояс, на котором привычно висел огромный по местным меркам меч, торсе, – А сейчас нам лучше просто разойтись. До встречи, Садриддин!

– До встречи, Конан!

После того, как столь несхожие личности, и правда, разошлись, из узкого проёма между лавками высунулась чьё-то, похожее на лисье, загорелое почти дочерна, лицо. Взгляд

внимательно прищуренных карих глаз испытующе упёрся вначале в спину киммерийца, а затем – и Садриддина. После чего, завернувшись в лохмотья-обноски поплотнее, неприметный тощий человечек убрался назад в свою нору.

В обеденном зале караван-сарая к вечеру оказалось не простолюдно, а чертовски людно. Конану пришлось разделить стол с какими-то не то – скотоводами, (не иначе как пригонявшими баранов на продажу) не то – дехканами. Правда, эти измождённые и дочерна загоревшие бедолаги на неприятности не нарывались, и безропотно освободили по его требованию ставший привычным для него за последнюю неделю торец стола.

– Эй, Вахид! – Конан кивнул повару, которого видел прямо через широкий проём кухни. Когда усатый плотный зингарец обернулся на громовой голос, варвар закончил:

– Мне – как всегда.

Кивнув в ответ, мужчина с красным от пышущих жаром казанов, лицом, отвернулся к плите, что-то буркнув поварёнку постарше. Не прошло и минуты, как перед киммерийцем красовалось огромное блюдо с чуть не половиной барашка, зажаренного на вертеле. И, разумеется, добрая кружка вина – ёмкостью не меньше полбурдюка.

К этому времени все, кто тоже обернулся на зычный голос северного гиганта, напялившись вдоволь, повернулись обратно к своим мискам и сотрапезникам. Конан приметил,

кстати, и ту пятёрку, что шушукалась о чём-то на базаре, и ещё три-четыре группки – явно претендентов. Они, кто – вдвоём, а кто – втроём, ужинали здесь же. Ну и правильно: еда у Вахид-ака славилась отменным вкусом. И порции он накладывал без обмана!

Конан, отрывая куски от туши прямо руками, принялся за дело. Соседи-скотоводы, попереглядывавшись, да повздыхав, продолжили свою трапезу. Правда, отнюдь не с таким аппетитом – у них на ужин были только лепёшки да фасоль. Запивать которые приходилось жиденьким чаем. Варвар, хоть и делал вид, что всецело поглощён приёмом пищи, и не забывая чавкать и довольно кричать, тем не менее чутко вслушивался в царящий вокруг, и для нетренированного уха вроде бы абсолютно неразборчивый, гомон-ропот.

– ...три барана! А я ему говорю: за мою Гюзель три барана – это курам на смех! Такая умница, красавица, с пяти лет готовит – пальчики оближешь! А сейчас, когда ей сравнялось тринадцать – вообще может приготовить хоть на роту сардаров! Нет, говорю, давай пять – и не меньше!..

– ...вовсе не такие тонкие и прозрачные, как кхатайские. Нет, в кольцо, конечно, не проходят, но зато – какое шитьё! Уж на золотые нити я не скуплюсь! Наши платки и чадры – самые узорчато-расписные во всём Хурассане, а здесь их и за два брать не хотят!..

– Нет! Вначале стигийцы захватили только порты на юго-востоке! А король Вездигдет их оттуда!..

– ...сами пошли, никто на аркане не тянул! И когда к закату не вернулись, всё стало понятно! Сожрала их – Да упокоятся их души с миром! – чёртова тварь! – Ага! А вот это – то, что стоит, пожалуй, послушать дальше. Конан отпил солидный – в полкружки! – глоток, и продолжил якобы кусать и жевать, водя глазами по залу, где уже плавала мгла от трубок курильщиков опиума, а на самом деле вслушиваясь в разговор за столом справа:

– А какие были мастера! М-м!.. С одних только сабель могли позволить себе купить по загородному дому! Да вот не поделили, понимаешь, отцовскую мастерскую. Разъехались на разные стороны площади, и стали конкурентами... – Конан понял из дальнейшего разговора, что речь идёт о братьях-близнецах, искусных кузнецах, слава о которых далеко вышла за пределы Биркента, и которым элитное оружие, изготовленное в их наследной лавке-кузне, позволяло неплохо сводить концы с концами. Если сказать мягко.

Однако тут рассказчик – пожилой мужчина с потным и покрасневшим от горячей пищи лицом, и заплатами на явно выдавшем лучшие времена халате – пустился в воспоминания о качествах кольчуг и сабель, и довольно долго об интересующем Конана предмете речь не шла. Но вот опять:

– ...в самом расцвете лет! Каждому – по двадцать пять! Пора, вроде, и женой обзаводиться. Ну и одолела их тут гордыня: захотелось одним махом добиться всего! И дворянства, и золота, и принцессы! А уж ненавидели друг друга к

этому времени – и не говорите! Я сам – сам! – видел, как входили не далее как в прошлом году прямо в ворота. Первый – с обнажённой саблей в руке, и в кольчуге полированной: чисто – зеркальный карп! Ослепнуть можно было! А второй – Ринат! – наоборот: выкрасил всё в чёрный. Наверное, думал, что так он станет незаметным там, в тёмных переходах и комнатах... Саблю и два кинжала, само-собой, и он не забыл. Только...

Только после заката, когда закрыли уже и заперли ворота, да наложили снова заклятий защитных с печатями, наши-то придворные дармоеды-то, ну, то есть – чародеи...

Перелетели в числе других через стену и головы Рашида с Ринатом!

А я уж так хорошо приспособился продавать в Зингару через двоюродного брата их кольчуги и кинжалы!..

– Но погоди-ка... Бэл с ними, кинжалами... Так, получается, за день эта тварь может убить более двухсот человек?! – это прорезался недоверчиво-удивлённый и чуть подрагивающий (От удивления, разумеется!) голос собеседника справа, гибкие холёные пальцы которого автоматически, без участия глаз, крошили на стол белую лепёшку – патыр.

– Хо!.. Убить-то она может и побольше, я думаю... В самый первый раз, когда вход был ещё бесплатный – многие ломанулись попробовать. И даже сардоры самого Мохаммада. Только погибли они. Все погибли. (Тогда-то падишах и запретил воинам гвардии участвовать!)

Дело-то в том, что она, тварь эта, там, внутри, живёт по своему, собственному, времени. Да и все, кто попадает внутрь – живут так же. Словно бы – вне Мира!

– Это как так? Что за чушь?! – это влез собеседник слева, юнец с ещё блёкло-белёсыми усами, почти непрестанно чешущий затылок. Конан подумал, что, в-принципе, ребята-претенденты работают грамотно: расспрашивают, щедро угощая, бывшего младшего виночерпия, уволенного с должности не столько по возрасту, сколько в связи с тем, что в неё вступил его старший сын – передача поста, так сказать, по наследству.

И вот теперь пожилой профессиональный сплетник и интриган, чтоб совсем уж не заскучать дома, не потерять квалификацию, да и покушать задарма, с умным видом пересказывает дворцовые закулисные пересуды и сплетни трёхлетней давности.

Дней пять назад, пока ещё не начался наплыв прибывающих из других стран претендентов, и караван-сарай стоял полупустой, Конан и сам расспросил старца. Однако быстро понял, что тот – не слишком надёжный свидетель. И все его более свежие, чем трёхлетней давности, сведения, получены из третьих-пятых рук. А то и побольше.

– Не чушь, уважаемый Дониер-бек. А вот послушайте. Знавал я и одного парня, который у нас был младшим конюшим. Он тоже в первый раз – того. Решил попробовать. Только когда зашёл внутрь, да услышал жуткие вопли этих...

Ну, тех, кто вошёл раньше... Сел на пол прямо у входа, и так и сидел, сжавшись в комок, и боясь даже шевельнуться. Как он рассказывает – парализовало его. Мышцы, говорит, словно скрючило судорогой!

Так и просидел, говорит, пока не почувял, что если не выберется из дворца, умрёт от жажды. Да оно и верно. Когда его, еле ползущего по плитам, у самых ворот подобрали, да стали поить, выпил добрый бурдюк... Но это – к слову. А главное – так это то, что по его словам, сидел он вот так, скрючившись, возле самого входа, не меньше трёх-четырёх суток. И – вот уж не поспоришь! – щетина на его подбородке!

– А что – щетина на его подбородке?

– Ну – как, что?! Отросла она! Так, словно, и правда – не брился он пять или шесть дней! А выполз он, кстати, за час до заката – то есть здесь, в нашем мире, прошло всего-то шесть-семь часов... Вот и думайте сами – брать или не брать туда бурдюки и лепёшки!..

Конан понял, что больше ничего нового он от старика, рассказывавшего, словно затверженный урок, одними и теми же словами вызубренную легенду-полуправду, не узнает, переключил внимание на других ужинавших.

Однако больше никто, кажется, не рвался делиться знаниями о том, как, и от чего погибло более шестисот храбрых, крепких, и самоуверенных парней и мужчин. Головы которых, за неимением остального тела, упокоились, согласно местным обычаям, на местном же погосте. И, похоже, так-

тика расчётливой твари, таким странным способом дающей понять, что она вновь оказалась сильней, начинает приносить плоды: в этот праздник Марпита число претендентов не превышает ста...

А в прошлом году, как утверждают старожилы, как раз и составляло – двести.

Но за себя киммериец был спокоен.

Его-то голова здесь, в пропылено-выгоревшем, захолустном Биркенте, с жителями, кажущимися невозмутимыми и равнодушными к любым происшествиям, не останется.

Поэтому доев, и допив, он просто пошёл спать.

Сума за плечами напарника вызвала удивлённый возглас у Садриддина:

– Конан! Ты что – собираешься там жить?!

– Да, примерно.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты что, дорогой напарник, не слышал, что поговаривают о времени, существующим – а вернее – не существующим! – там, за порогом? – они как раз и стояли у этого самого порога, провожаемые наигранно-лицемерными напутственно-сочувствующими взорами толстеньких чиновников скучно-казённого вида, и двумя взводами падишахской стражи, с пиками наперевес окружавшими ворота снаружи. Правда, острия пик были обращены к открытым сейчас воротам, и брови не переставали хмуриться: похоже,

бравое воинство всё-таки больше опасалось того, что может из тёмного проёма выйти, чем тех, кто может захотеть про-рваться туда снаружи, не заплатив налога.

– Ну... Да, слышал. Но ты же, надеюсь, не веришь всем этим бабским сплетням о том, что кто-то блуждал там неде-лю, и потом вышел наружу совсем спятившим седым стари-ком?

– Нет. Сказочкам про Бахром-ака я не верю. Зато другой истории, где у мужчины за шесть часов отросла недельная борода, верю. А вот то, что ты не догадался захватить еды – плохо. Ну, ничего: на неделю-то моих запасов на двоих хватит. – Конан пренебрежительно похлопал рукой по тощень-кой котомке, что оказалась за плечами у напарника.

– Хм-м... Я благодарен тебе, конечно... Но ведь мы, на-деюсь, не будем рыскать там неделю? Дворец – небольшой! (Поскольку у наших падишахов Мохаммадов просто не бы-ло денег на возведение большого!) Надеюсь, часа за три мы обойдём его весь!

– Ну-ну. – Конан криво ухмыльнулся на замечание юно-ши, и суму с плеча снял, – Похоже, кое-кто из предыдущих шестиста-с-чем-то-там претендентов тоже так и рассуждали. Ладно. Надеюсь, ты не будешь возражать нести *свою* долю еды и воды на эти самые «три часа»? Развязывай-ка свою ко-томочку...

Перераспределение продуктов много времени не заняло: киммериец захватил с собой только белых лепёшек патыр,

которые славились в Биркенте и окрестностях тем, что не черствели побольше недели, ломтиков вяленного мяса, и сухофруктов. А вот второй бурдюк с водой, что размером был поменьше Конановского, еле влез в котомочку Садриддина. Юноша закинул её за спину, поприседал. Конан хмыкнул:

– Да, так хорошо: ничего не звенит. Теперь можно и идти. Только не торопись. И, главное – не забывай следить за нашим тылом. – видя вскинувшиеся недоумённо брови, Конан поправился, переведя на местный диалект зингарского, – Прикрывай, короче, наши спины, пока я буду «бдить» вперёд.

– А... А почему это вперёд будешь «бдить» ты?

– А потому, мой милый и надеющийся на своё «острое» юное зрение, напарник, что в темноте я всё-таки вижу лучше даже тебя. Можешь отсюда, например, сказать, сколько досок в двери, которая вон там, впереди?

– В какой двери?!

– Вопрос исчерпан. – Конан, медленно идущий чуть впереди, вздохнул, – Сейчас мы к ней подойдём.

– О, верно! Тут есть дверь! Как же ты её с такого...

– Очень просто. Говорю же – вижу в темноте лучше многих.

– Всё, понял. Ты прав. Но... Как же тогда я смогу смотреть за нашими спинами, если даже дверь с десяти шагов не заметил?

– Э-э, не бери в голову. Сейчас глаза привыкнут, и будешь

видеть лучше. – Конан не стал говорить, что сам шёл через базарную площадь с полуприкрытыми глазами, чтоб ослепительное солнце Востока не помешало его кошачьему зрению заработать сейчас, в полумраке, в полную силу. И плевать ему было, что brave стражники могут посчитать его прищуренные глаза за презрительное к ним отношение: главное сейчас – именно зрение!

– Да, верно. Вон: коридор вижу.

Коридор, оказавшийся за бесшумно открытой могучей рукой варвара дверью, уходил, казалось, в бесконечность. Которая для Конана заканчивалась в примерно сорока шагах – новой дверью. Вынув из ножен верный меч, киммериец пружинящим шагом бесплотной тенью двинулся вперёд, бросив через плечо полушёпотом:

– Хочешь пожить подольше – не шуми. А если что подозрительное...

– Понял. – ответный шёпот звучал несколько неуверенно. Хотя заподозрить парня в банальной трусости было невозможно: это же его возлюбленную они идут спасать! А влюблённых во все времена можно обвинить, скорее, в излишней порывистости и неосторожности, чем в трусости!

Вторая дверь тоже открылась без скрипа: уж Конан позаботился. Однако внутри оказалось действительно темно: свет полудня через крохотные окошечки вверху, под куполами крыши, проникать-то проникал... Но до пола почему-то не доходил: словно терялся в клубящейся мгле, наполняв-

шей огромную комнату: зал для приёмов.

Варвар, разумеется, не забыл побеседовать с архитекторами и строителями, недавно – всего лет десять назад! – проводивших перестройку крыла принцессы, и косметический ремонт остальных покоев. Поэтому примерную планировку дворца знал. Там, в дальнем конце зала, по бокам от трона, должны начаться два основных крыла: покои падишаха и комнаты принцессы. Вот там и нужно будет скорее всего ждать...

Того, чего нужно ждать.

В какое именно крыло идти, Конан собирался решить на месте, после предварительного осмотра-разведки. Но пока ни малейших намёков на что-либо, могущее помочь ему понять, с чем они будут иметь дело, не имелось: ни растерзанных тел людей, ни следов твари, что водворилась сюда, вынудив всю челядь, да и самого правителя, полуодетыми, и с душераздирающими воплями, выскочить наружу буквально за несколько минут... И бежать, пока не оказались снаружи – за защитной стеной города!

Однако когда подошли к трону, (сейчас, разумеется, пустовавшему) следы нашлись.

Вернее – один след.

Роскошная ткань на высоченной помпезной спинке оказалась словно перечёркнута, разодрана когтистой лапой: три глубокие борозды пересекали узорчатый хан-атлас, до сих пор чудесно серебрившийся мягкими отсветами и перелива-

ми даже в полумраке.

Убедившись, что ни за тронем, ни в углах никто коварно не притаился, Конан позволил себе несколько расслабиться, покачав головой:

– Хотя этой твари никто не видел, я уже могу себе кое-что представить.

– По следу лапы? – Садриддин спрашивал, как и варвар, понизив голос почти до шёпота, чутко ловя малейшие подозрительные шорохи. Хотя готов был поставить в заклад свой остро наточенный кинжал, который держал теперь в руке, против пары дохлых мух, что варвар-северянин и слышит происходящее вокруг гораздо лучше.

– По следу лапы.

– Но... Что может сказать такой след?

– Охотнику и воину – многое. Во-первых – это – не заколдованный человек, а именно – зверь. Например, у северных медведей есть такой же обычай: они помечают свой участок леса, обдирая кору деревьев как можно выше – ну, чтоб показать конкурентам свой рост и силу! Во-вторых, у этого зверя есть не менее четырёх когтистых конечностей. Или лап. – на недоумённое почёсывание затылка киммериец решил свой вывод пояснить, – Это просто: будь у него вместо передних лап крылья, ему не удалось бы задними оставить такой след. Да и территорию свою крылатые метят по-другому... В-третьих, размером тварь не меньше быка или того же медведя. Это понятно по расстоянию между отдельными

пальцами: вон какое большое!

Ну и в-четвёртых – тварь умна.

Участок для охоты ей метить не надо, поскольку сюда других таких, как она – уж точно не сунется. А этот след на ткани – призван, скорее, напугать. Людей. То есть, заставить тех, кто потрусливей – занервничать, запаниковать заранее. Вот такой вот демонстрацией своих размеров, вооружения, и силы. Дрожащего от страха противника легче...

Съесть!

– Бэл раздери... Твоя правда, Конан: я... Нервничаю.

– Это – отлично, – Конан весело глянул на уже привыкшего к полутьме, и переставшего ежесекундно щуриться и моргать, напарника, – А вот если бы ты сказал, что не боишься, я посчитал бы тебя за идиота. Или вруна. Потому что храбр не тот, кто не боится. А тот, кто может контролировать свой страх. Отложить его туда, где он не мешает работе. А мы с тобой сейчас выполняем важную работу. Ты – спасешь свою девчонку, я – зарабатываю мешок с замечательными жёлтыми кружочками. Которые потом можно обменять на кусок приятной и беззаботной жизни.

– Ты хочешь сказать, что золото...

– Что оно, пока молод, позволяет неплохо проводить время. Жаль, обычно надолго его не хватает, сколько бы не заработал!

– Так завязывай быть наёмником, и устройся на должность получше! Например, тебя легко бы взяли в нашу ар-

мию сотником. Или даже – тысячником!

– Нет, Садриддин, это для меня – мелко. Я целю куда повыше!

– В начальники войска?!

– Нет. В короли.

– О-о!.. От скромности ты не умрёшь!

– Это уж точно. Вот такие мы, киммерийцы: зарабатывать – так мешок золота, править – так королевством! Причём – своим! Ладно, отдохнули, потрепались, и – вперёд!

Осторожно ступая, они перешли к двери, ведущей в крыло принцессы.

Конан кивком головы показал Садриддину, что тот должен сделать, сам с нацеленным в сторону двери мечом встал в боевую стойку – в нескольких шагах от неё.

Дверь юноша открыл бесшумно и быстро.

Вылетевший оттуда ком шерсти и ярости Конан встретил достойно: сам внезапно прыгнул навстречу, и огромный меч вонзился прямо в центр разверстой зубатой пасти!

Рёва и воя не услышали бы только дикари отдалённого Пунта: от их силы закладывало уши и буквально до фундамента содрогались стены!

Варвар, от могучего рывка твари выпустивший меч из рук, не мешкая продолжил атаку: выхватил кинжал, размером не уступившим бы местным саблям, и одним прыжком вскочил на холку корчащегося на полу зверя. С боевым киммерийским кличем Конан вонзил стальной зуб в основание

черепа монстра!

После чего мгновенно соскочил, не забыв кинжал выдернуть.

– Сюда, за трон!

Ещё до того, как напарники отбежали, ощетиниваясь зажатым в руках оружием на врага и тёмный проём, стало ясно: тварь поражена смертельно. Конвульсии быстро затихли, и она вытянулась, обмякнув, в бесформенную гору-кучу прямо у двери...

Из проёма никто больше не появился.

– Конан. – Садриддину пришлось два раза вдохнуть, и сглотнуть, прежде чем перестали стучать зубы, и он смог сказать хоть что-то, – Какой ты могучий и быстрый! И если б не ты – сейчас одним идиотом-влюблённым точно стало бы меньше!

– Оно и верно. – тон Конана не позволял понять, говорить ли он серьёзно, или шутит, – Правда, ты погиб бы не потому, что побоялся бы этого тигра-медведя, а потому, что твой кинжальчик – коротковат. И не достал бы ни до сердца, ни до позвоночника, как моё оружие. Где разжился, кстати?

– У... – Садриддин закусил губу, затем всё же выдавил из себя, – У Рината в лавке.

– Ага. Что ж. Я ничего не имею против кражи оружия. Особенно – для достойной цели. Только вот не уверен – ковал ли его действительно сам Ринат?

– Ринан, Ринат. Я пробрался к нему в лавку в то самое

утро, когда он ушёл во дворец, а его подручные и ученики побежали провожать. И смотреть. На его брата.

– А молодец, коллега. А почему не взял саблю?

– Потому что все они брали сабли. Ну, те, предыдущие шестьсот-с-чем-то-там...

И ни на вот столько это им не помогло! – юноша показал кончик ногтя.

– Ага, снова – молодец. Рассуждаешь, в-принципе, грамотно. Но вот длина лезвия боевого оружия всё равно должна быть – хотя бы по локоть! А твоим – только в зубах ковырять. На вот, возьми. – Конан вынул из своей, казавшейся необъятной, сумы, ещё один здоровущий кинжал.

– О-о!.. Спасибо, Конан! Вот это да! – Садриддин вынул из ножен лезвие длиной как раз в локоть, и осмотрел в неверной мгле тронного зала его волшеббно-стальные, придающие уверенности, отсветы, – А почему он – четырёхгранный?

– Это – не кинжал в обычном смысле. Это – мизерикорд. То есть – оружие для последнего удара. Я видел, как таким специально обученные бойцы в Калабрии убивают быков на потеху публики. А взял я его – как запасной. Для себя, если сломается гладий. – Конан показал плоское узкое лезвие в своей руке, – Ладно, довольно отдыхать. Нужно вынуть мой меч, да идти дальше.

– Но... Погоди-ка, Конан. Ведь мы убили тварь! Значит, теперь-то нам некого бояться! И можно идти за Маликой!

– Экий ты пылкий да нетерпеливый... – иронии во взгля-

де Конана не заметил бы только совсем уж крот, – Мы убили только первую тварь. А я готов прозакладывать своё ожерелье из клыков медведя против стеклянной бусины, что будет и вторая. И третья...

И *тварями* сюрпризы чародея не ограничатся!

Коридор, ведущий в покои принцессы, оказался совершенно тёмным. Окон, или ещё чего-либо, дающего свет, здесь не имелось.

Конан вновь опустил суму на пол возле полосы света, сощавшейся из открытой теперь настёж двери с её уже неопасным стражем, и достал глиняную плошку. Налил масла из бутылочки, почиркал кресалом на трут. Вспыхнувшую искру перенёс на фитилёк масляной коптилки:

– Извини, напарник, но светильник придётся нести тебе.

Садриддин, прекрасно понявший справедливость этих слов, только кивнул.

Так, держась в двух шагах от гиганта-северянина, в точности, как тот приказал, он и двигался сзади Конана, поднимая как можно выше руку с коптилкой. И стараясь почаще оглядываться, и сдерживать шумное прерывистое дыхание, рвущееся из трепещущих лёгких. Чтобы полностью успокоиться, и унять дрожь в руке, чтоб не расплёскивать масло, понадобилось несколько минут...

Конан, как и прежде, шёл не торопясь. Иногда почему-то топая по полу ногой в сапоге, и пристально приглядываясь не

к темноте впереди, а к потолку и стенам. Этого Садриддин не понимал, пока в одной из стен вдруг не открылся люк, и к их ногам не высыпался копошащийся клубок кого-то мелкого, чёрно-блестящего, и абсолютно бесшумного!

Конан не долго думая принялся топтать клубок подошвами сапог, успев, однако, бросить через плечо:

– Отойди подальше! Ты – в дырявых афганках, а это – каракурты. А, да, ты же не знаешь... Словом – ядовитые пауки!

На этот раз Садриддина прошиб пот, хотя в коридоре было совсем не жарко. Однако светильник в его руке не дрогнул, и освещал поле странного «боя» чётко.

Когда похрустывания и хлюпанья под толстенными подошвами затихли, Конан откинул со лба мокрые волосы, и выдохнул:

– Ф-фу... Ну, вроде, теперь можно и дальше... Э-э, нет, погоди-ка – что это там?

Оглянувшийся Садриддин ничего не увидел, поскольку отсветы огонька на фитиле слепили его непривычный взгляд. Конан же просто сделал два гигантских шага по коридору, и метнул в темноту кинжал юноши, который до этого нёс просто заткнутым за свой широкий кожаный пояс.

Истошный визг, верещание, словно от стаи взбеленившихся по весне котов, и шелест и хлопанье чего-то вроде огромных крыльев сказали напарникам, что варвар не промахнулся! Однако вскоре звуки затихли, и Садриддин, снова проморгавшись, и отодвинув чуть в сторону ладонь с площ-

кой, увидел на полу позади себя очередную кучу-бугор.

– Посмотрим?

– Посмотрим.

Посмотреть нашлось на что. Гигантский нетопырь застыл на полу, обнажив в предсмертной гримасе неправдоподобно здоровые для такой твари зубы.

– Смотри: он создан кем-то специально. Зубы – чёрные. Чтоб не отсвечивать в свете факелов. Или вот, как у нас – масляных коптилок. – а когда Садриддин потянулся рукой, чтоб потрогать мягкую шерсть на теле размером с добрую собаку, Конан предостерёг, – Лучше не трогай. Может, у него какие блохи-клещи. Такая тварь-паразит, сосущая чёрную заколдованную кровь, если укусит, это может быть поопасней укуса фаланги.

– П-понял. Извини. Как-то само-собой захотелось просто так – потрогать...

– Ну вот и запомни теперь. Мы – на территории врага. Хитрого и коварного. И, думаю, твари вроде давешнего тигромедведя, или вот этого нетопыря – не самое страшное здесь звено обороны. Поэтому ничего «просто так» не трогай!

– Понял. – Садриддин снова поразился, что его взял в напарники такой опытный воин, – Но... Откуда эта штука залетела?

– Во-он оттуда. – Конан кивнул на неприметный люк в потолке, – Тебе, может, и не видно, а я его щели заметил ещё

пару минут назад. Ну что? Двинули дальше?

– Д-двинули.

Однако двинуться дальше получилось не слишком хорошо.

На очередное постукивание сапогом по плитам пола вдруг открылся очередной люк в потолке, и оттуда вывалилась огромная гора каменных обломков размером с лошадиную голову!

О том, как варвар успеет отскочить, Садриддин не беспокоился: сам же, хотя и шёл как обычно в двух шагах позади, еле успел увернуться от запрыгавших по плитам камней!

– Бэл раздери. Ну и как нам теперь перелезть через завал?

– А... Может, не надо через него перелезать? Вон там же – комнаты. Сообщающиеся. Может, обойдём?

– Плохое предложение, юноша. Комнат и дверей в них – верно, навалом. Но для чего, как ты полагаешь, нам попытались перекрыть основной ход? Вот именно. Для того, чтоб мы как раз и попытались – обойти. Наверняка те, кто шёл тут до нас, тоже так думали... Ну и где они? То-то. Поэтому держи повыше плоску – я полез.

Действительно, скоро лоснящаяся от пота спина киммерийца, не заботившегося больше о соблюдении тишины, раскидывая в стороны обломки и глыбы, скрылась в расчищенной могучими руками дыре в завале. Почти тут же там возникло его лицо:

– Забирайся. Дальше – пройдем.

Коридор, всё так же через регулярные промежутки оснащённый дверьми, тянулся и тянулся.

Конан, методично открывавший все эти двери, только чтоб лишний раз убедиться, что в них кроме клубящихся чёрных туч, ничего нет, иногда ругался уже вслух: вместо пола в таких помещениях обычно имелась бездонная дыра, казалось, уводящая в подземелья того самого Мардука. Садридин помалкивал, продолжая оглядываться назад.

Ничего там не показывалось. Или он просто не мог этого «чего-то» разглядеть...

Вдруг варвар остановился. Садридин напрягся было, но напарник пояснил:

– Хватит ходить на голодный желудок. Подошло, наверное, уже время ужина, а мы с тобой и на обед маковой росинки в рот не взяли. Садись. Вот здесь – безопасно. Вроде.

Перекусывали, неторопливо запивая лепёшки и кусочки вяленого мяса скупыми глоточками воды. Киммериец ел, аккуратно от лепёшки отламывая. Садридин просто кусал. Крошек оба старались не оставлять: мало ли... Поели за десять минут.

– Не нравится мне это место. – прервал вдруг словно тисками давящую уши тишину, Конан, – Коридор покоев Малики должен был кончиться ещё пару миль назад, а он всё тянется и тянется. Словно здесь не только время, но и про-

странство – заколдовано. Как бы... растянуто! Две мили – это мы уже, считай, за пределами городской стены Биркента!

– Да, точно. Но как такое возможно, Конан?

– Сам не знаю. Но сталкивался. Маги, они же – не люди. Им всегда мало места на обычной земле. Им подавай простор, размах... В своих замках и крепостях они как только не изощряются с этим самым пространством. Да и снаружи... Недаром же большая часть чародеев, что я встречал, хотела захватить власть над целыми странами. И континентами. Да и над всей Ойкуменой.

– А много чародеев ты встречал, Конан?

– Порядком. Только вот не скажу, что у меня от этих встреч сохранились приятные воспоминания. – от Садридина не укрылось, как щека варвара дёрнулась, – Куда чаще приходилось не загадки, как здесь, разгадывать, лазая по созданным кем-то коридорам Лабиринта, словно крыса – а свою жизнь защищать в открытом бою!

– То есть, раньше ты...

– Ну да. Просто отрубал, если получалось, головы таким претендентам на мировое господство. А если не получалось сразу голову – разные другие части тела. Ну, или в крайнем случае – убивал не мечом, а каким другим орудием: для каждого мага, знаешь, подходит своё, обычно заколдованное, оружие: копьё, костяной нож, серебряный клинок, огонь... Правда, все эти ребята обычно норовят защититься в первую очередь – с помощью своей магии. Ну, а нам, простым смерт-

ным, тут нужны средства, нейтрализующие... Или хотя бы – указывающие на неё.

– А у тебя, значит, есть...

– Да. – Конан показал кинжал, – Вот этот шарик на рукоятке – моя магическая защита. Друг подарил. Да и меч мой – тоже волшебный. Получил я его... неважно. Главное – он отлично рубит головы даже заколдованных тварей. Да и их хозяев. – и вдруг, без перехода, – Поел, что ли? Ну, пошли.

– Неужели мы никогда не дойдём до конца этого коридора?

– Почему же? Дойдём рано или поздно. – очередной перекус застал напарников уже в добром десятке миль от «входа», – Даже самый могучий чародей имеет свои, так сказать, пределы. Но напрягает меня не это.

– А что, Конан?

– А то, что мы до сих пор не встретили ни единого следа, не говоря уж об останках, тех, кто вошёл сюда раньше нас.

– Но... Для них же время тоже – того... Проходит по-другому! Может, они ушли гораздо дальше?

– Возможно, конечно... Только вот не верится мне, что все они вот так, походя, справились с каракуртами, тигром, нетопырями, крысами, змеями, (Это, кстати, были чёрные мамбы – чертовски ядовитые гадины из земель Зулу!) и мантикорой. Даже мне пришлось попотеть. – Конан, разумеется, скромничал. Мантикору, жуткую помесь львицы со скорпи-

оном, он уложил в два титанических удара – первым отрубил напрочь хвост с ядовитым жалом, а вторым – вскинувшуюся от боли голову. А удалось это сделать потому, что Садридин наконец прошёл боевое крещение: помахал перед мордой странного создания своим мизерикордом, а затем плюнул прямо в морду твари.

Тварь удивилась, на долю секунды забыв об обороне! Конан воспользовался.

– Но тогда может быть те создания, что здесь живут, просто сожрали их?

– Возможно и это. Но тогда остались бы следы – кровь, части тел, обрывки одежды... А здесь – сам видишь: чисто и даже пыли нет.

– А почему, кстати, здесь нет пыли, Конан?

– Хм. Не знаю. Но знаю, что если б была – нам было бы легче. Ну, то есть – мне. Читать следы и предвидеть опасности. Ладно, сделаем так: идём ещё пару миль, и останавливаемся на днёвку.

– Днёвку?! Но ведь мы даже...

– Парень! Сейчас, как мне подсказывает моё чувство времени и желудок, уже кончается ночь. Ты, может, и готов блуждать здесь без сна ещё пять суток. А я предпочитаю трезвую голову и зоркий взгляд! А глаза от напряжения, сам знаешь, устают.

Так что первым сторожить буду я. А затем – ты.

«Днёвка» как ни странно, прошла спокойно.

Ничего и никого в длиннющем, и так и не думающем кончаться, коридоре, пока варвар спал, (Даже похрапывая!) не появилось. Садриддин, первые минуты с замиранием сердца вертевший головой во все стороны при малейшем подозрении на необычный звук, слегка расслабился. Но добросовестно «бдил». Даже встал на ноги, чтоб не заснуть на посту. Но вот губы грызть пришлось прекратить: на них уже не было живого места!

Будить киммерийца не пришлось: он проснулся сам.

Сладко, с хрустом суставов, потянулся:

– Ну, как тут?

– Пока, вроде, никого.

– Отлично. Позавтракаем.

Завтрак, собственно, ничем не отличался от обеда и ужина, кроме того, что вместо вяленного мяса теперь они налегали на сухофрукты:

– Старайся есть побольше груш и урюка. Они просветляют зрение и разум.

Садриддин так и поступил, выбирая из кучи кусочки жёлтого и каштанового цвета.

Не прошли они и мили, как услышали странный шум. Конан, завертевший лохматой головой, прислушиваясь, бросил:

– Плохи наши дела! Дай-ка мизерикорд!

Садриддин поторопился так и сделать, протянув оружие

рукоятью вперёд. Конан вдруг подпрыгнул, и вогнал кинжал в стену над головой! Подтянулся, и вогнал ещё выше уже свой гладий. Стена из саманного кирпича выдерживала вес северного гиганта легко.

Когда Конан добрался таким образом, переставляя кинжалы, до самого потолка, он спустил ногу:

– Хватайся, и подтягивайся сюда! Быстрее, черти тебя раздери!

Садридин так и сделал, решив что ненужные расспросы можно отложить и на потом, а пока главное – избежать этой новой, с гулом, рёвом и грохотом несущейся на них, опасности. Когда подтянулся до рук киммерийца, тот освободил мизерикорд:

– Держись! Что хватит сил – держись!

А и правда: держаться пришлось изо всех сил!

Накативший на них вал чёрной холодной воды оказался почти вровень с их головами: только-только вдохнуть, подтянувшись за очередным глотком к самому потолку!..

Правда, продолжался потоп не больше пары минут, внезапно истаяв, и утихнув. На полу остались лишь лужицы чёрно отблёскивающей ледяной воды, которая, впрочем, очень быстро – не то испарилась, не то – впиталась. Садридин, у которого с непривычки к таким ваннам, зуб на зуб не попадал, выстучал ими:

– Ко-ко-на-н-н! Можжно с-сппу-ститься?

– Можно. Не соскользни: нога мокрая.

На спуск у юноши ушло куда больше времени, чем на подъём: руки тряслись, соскальзывали, и дыхание сбивалось.

Конан, выдержувший оба кинжала, и кошачьим мягким прыжком вставший на сырые плиты, протянул кинжал назад:

– Замёрз, что ли?

– А-а-га... У нас та-таких лед-дяных п-потоков даже в-в горных ручьях нетт!

– Эх, малец! Тебе бы побывать в Киммерии... У нас там в реках и ручьях вода такая даже летом. И мы в ней купаемся.

– Н-не может бытьть!

– Ха! Ты сомневаешься в слове киммерийца?!

Садриддин поспешил заверить, что конечно же – нет!

Просто ему с непривычки никак не согреть тело...

– Ладно, поприседай, помаша руками... Я прикрою пока.

Садриддин так и сделал, ощущая, как постепенно возвращаются тепло и подвижность к мускулам и суставам. Конан, наблюдавший в оба конца коридора, сказал:

– Зато теперь понятно, почему до сих пор нам не попало следов и пыли. Вода – самый лучший их уничтожитель. Даже собаки после неё не могут взять след. Согрелся?

– Да.

– Ну, надеюсь, теперь тебе понятно, почему у нас так много еды с собой?

– Точно! На голодный желудок, да после ледяной ванны, я бы не то, что идти – ползти бы уже не смог от слабости! А без света, – Садриддин кивнул на площадку, которую успел пе-

редать варвару наверх перед тем, как подтягиваться, – давно погиб бы!

– Молодец. Трезво смотришь. На работу.

Ну, двинулись.

Коридор закончился внезапно.

В торце имелась, разумеется, очередная дверь.

– Эта – точно – в покои принцессы! Её делали по заказу Мохаммада шестого в мастерской усто Джалола: вон, его клеймо внизу!

– Отлично. Наконец-то хоть куда-то добрались. Ну, давай. Как в прошлый раз!

Однако из чёрного проёма никто не выскочил. Конан, впрочем, не спешил входить внутрь. Вначале он просунул в покои руку с плоской, и долго и придирчиво рассматривал помпезно-шикарный интерьер.

– А ничего вкус у местных декораторов. Впечатляет. Покои – куда там многим королям!

– Конан! Так ведь Малика – любимая дочь нашего падишаха! Он её... э-э... баловал, и покупал всё самое роскошное и дорогое! В-основном, привозное!

– Да, вижу. Драпировки и занавеси – точно из Пунта. А кровать с балдахином – не иначе в Бритунии делали: отличный дуб. Не-ет, ты уж погоди! – могучая рука остановила порывавшегося было войти юношу, и Конан покачал головой, хмурясь, – Думаю, сейчас самое интересное и начнётся!

– Ч-что – самое интересное?!

– Ну как – что? Ловушки, капканы, волчьи ямы... Ну-ка, посмотрим.

Варвар, отойдя чуть назад, мечом выкорчевал из пола одну из чуть выступавших мраморных плит коридора. Садриддин смотрел молча, уже догадавшись, для чего напарник это делает. «Дурацких» вопросов за эти... Часы? Дни? – он научился зря не задавать.

Плита, брошенная умелой рукой, прогрохотала по мозаичному полу спальни, на полпути к постели вдруг исчезнув в открывшемся в этом полу огромном проёме!

Конан удовлетворённо крикнул:

– Есть одна!

Ещё три плиты, брошенные в разных направлениях, выявили ещё одну яму-ловушку, и поток – на этот раз тарантулов. Которых киммериец, смело вошедший в покой по тропе, проложенной уцелевшими плитами, опять подавил сапогами:

– Экие поганые твари! Не раздавишь так просто: панцири крепкие, как у черепах!

Садриддин, осторожно, бочком, вдвинувшийся в проём, осмотрелся. Осторожно перегнувшись через край, заглянул в ближайшую яму. Его передёрнуло: колья-лезвия с зеркально отполированными остриями и крючьями, словно ухмыляясь, ожидали свои жертвы на глубине пяти его ростов. Глянув же в дальний, самый тёмный, угол комнаты, юноша

невольно вскрикнул, рука вскинулась в указующем жесте:

– Конан!..

– Вижу, не слепой. Однако раз гриф не кинулся на нас сразу, значит, его дело – вредить нам как-то по-другому... Сейчас спросим.

– ЧТО?! Ты собираешься...

– Да. Помолчи-ка. И – прикрывай. – Конан и правда, подошёл к грифу, настороженным взором следящим за людьми с насеста в виде узорчато-мозаичного шестиногого столика. Тыкать при этом носком сапога в пол перед каждым шагом киммериец не забывал:

– Приветствую тебя, о почтенная птица. Ты понимаешь меня?

Как ни странно, но ответ прозвучал сразу. Птица словно только вопроса и ждала, чтоб открыть свой страшный загнутый клюв:

– Привет и тебе, чужеземец. Я понимаю этот язык.

Однако продолжения не последовало, и Конану пришлось сказать:

– Прости за невежливость. Я имею в виду, извини, что мы не спросили твоего разрешения, чтоб войти в эти покои. Мы ищем принцессу Малику. Ты не знаешь, где она?

– Ничего, я не в обиде, что вы вошли без спросу. Потому что покои-то – не мои. Они как раз и принадлежали принцессе, пока она ещё жила здесь...

Но её забрал отсюда Ворух.

– Кто такой – Ворух?

– Ах, верно. Вы не можете знать его имя. Ворух – маг, захвативший этот дворец, и живущий здесь... Не знаю уж, сколько лет. Мне кажется, что уже несколько сотен!

– Но кто же ты? Раз не пытаешься напасть на нас, думаю, ты... Не с Ворухом?

– Нет, я – не с ним. Я – кормилица Малики, а в грифа превращена в наказание. За то, что попыталась защитить свою ласточку от грязного и наглого хама!

– Феруза-опа?! – глаза у Садриддина буквально полезли на лоб.

– Да, Садриддин. Не удивительно, что ты меня не узнал. А вот я тебя отлично помню. И серенады, которые ты пел под стеной сада, и верёвку твою глупую, которую стражники унесли, а я – снова выкрала, да через стену перекинула. Чтоб ты, балбес влюблённый, мог спасти свою шкуру, когда настал час обхода!

– Ах!.. Так это вы, Феруза-опа, тогда...

– Да, мальчик. Но смотрю, ты вырос в сильного и упрямого юношу. Да и напарник у тебя – настоящий воин! Вместе вы, может, и достигнете успеха там, где восемь добравшихся сюда смельчаков потерпели поражение. И всё равно: чтоб спасти Малику, Воруха вам придётся убить. Иначе он не выпустит вас отсюда: будь то с принцессой, или без неё.

– А где сейчас Малика?

– Она – на половине падишаха, которую облюбовал для

себя новый хозяин дворца. Он там развлекается с ней, унижая, и заставляя делать то, что принцессы никогда не делают: мыть полы, стирать, убирать его покои... Петь и танцевать.

– Ах!.. А как же её ручки – такие изящные и тоненькие!..

Но почему, – У Садриддина снова лицо пошло пятнами, и шея покраснела, – Она не откажется?!

– А как она может? Ведь тогда Ворух убьёт её отца!

– Но ведь Мохаммад шестой...

– Я думаю, что он – спасся, и сейчас всё так же правит в Биркенте. Но Ворух создал настолько правдоподобного двойника, что даже родная дочь – принцесса! – не может его отличить! Вот и старается, чтобы старика не пытали, и не морили голодом.

– Проклятье! Бэл раздери!.. – Садриддин употребил и другие слова, топая, и сжимая в бессильной ярости кулаки, – Мерзавец! Да за одно это!.. Бежим скорее! Где он?!

– Спокойней, юноша. С магом можно справиться только с холодной головой и крепкими руками!

– Прислушайся к совету твоего напарника, Садриддин. Он дело говорит. С разумом, затуманенным жадной мести и яростью, ты много не навоюешь – падёшь жертвой первой же ловушки. Или Стража.

– Ты... Права... – юноша выдохнул, и разжал кулаки, взглянув на ладони, – И я теперь благодарю Небо за то, что оно послало мне такого... Трезвомыслящего напарника, и тебя, о кормилица моей возлюбленной! Подскажи же, что

нам теперь делать?

– Ну, во-первых, вам неплохо бы узнать побольше о Ворухе, и его привычках. Чтоб не совать голову в его пасть, а трезво оценивать свои возможности и знать о его слабых сторонах... Предыдущие восемь храбрецов, думаю, уже погибли. Потому что считали ниже своего достоинства заговорить с безмозглой птицей! А я не могу начать говорить, пока кто-нибудь не начнёт первым!

– Заклятье?

– Заклятье. Ворух таким образом как бы издевается над этими беднягами: сообщая им потом, что они могли бы... Но – не захотели! А во-вторых...

– Да?

– Во-вторых вам всё равно придётся перебраться в другое крыло дворца. Потому что Ворух-то рассчитал правильно: все спасатели вначале, разумеется, идут сюда!

Рассказ про чародея и его привычки, впрочем, много времени не занял.

Воочию, так сказать, лицом к лицу, Феруза-опа видала мага лишь однажды – как раз когда он домогался руки и других мест принцессы, и кормилица высказала ему всё, что о нём думает, и все пожелания относительно его дальнейшей судьбы.

За что и поплатилась.

Выглядел маг, впрочем, как вполне обычный человек.

Только толстый, и самовлюблённый (Ну, это-то Конан, как уже встречавшийся с магами, легко мог понять: сомнение у волшебников – всегда до небес!..) до безобразия. Лет ему на вид можно было дать около сорока. Бородка, усы. Оружия никакого. Всё оружие – в кончиках пальцев, откуда пошёл фиолетовый свет, словно обернувшийся вокруг тела кормилицы, и впитавшийся в кожу. После чего она и стала... Тем, кем стала.

– А почему же вы не попытались отсюда... Хотя бы улететь?!

– Эх, Садриддин. Сразу видно – неопытен ты ещё. И не заметил того, что твой напарник давно уж разглядел, – птица чуть привстала, и юноша с содроганием заметил, что ноги грифа заканчиваются не лапами, а узорчатой столешницей. Несчастливая была навеки прикована к своему насесту – прикована прочней, чем любой цепью!

– Ах, няня!.. Но как же нам вас...

– Освободить? Никак. А вот если вы убьёте чародея, думаю, оковы колдовства спадут сами собой. Так что оставьте меня здесь, и идите. Туда, куда зовёт тебя сердце, юноша, и тебя – твоя жажда наживы и славы, северный воин. К вашей цели.

Только помните: маг, перед тем, как начать колдовать, обычно вскидывает руки к небу, и перебирает пальцами: может, концентрирует волю, может – получает какую-то силу из воздуха... Не знаю. Но без этого перебирания он не кол-

дует. Это мне позже передала Малика, пока чародей спал. Она видела, как он создавал тварей для охраны дворца, и устраивал коварные ловушки против тех, кто мог прийти на помощь... А ещё он любит... – впрочем, рассказ о привычках и мерзких пристрастиях мага оказался обидно краток. Малика не часто навещала кормилицу.

– Благодарю тебя, мужественная женщина. Ты очень помогла нам. Надеемся, что когда чары спадут, ты снова сможешь обрести ноги, и стать, как все.

– Спасибо на добром слове, северянин. Желаю вам с Садриддином удачи... И помните – колдун коварен и опытен. Наверняка Биркент – не первый город, который он облюбовал для жизни. Вот только не знаю – выгоняли его из предыдущих, или же он сам уходил, по доброй воле... Он как-то сказал Малике, что ненавидит скуку и однообразие.

Да, вот ещё что: спит он только тогда, когда выставит вокруг себя кольцо из псов-кентавров, пауков, и гарпий!

– Поняли. Ну, спасибо ещё раз, Феруза-опа! Счастливо вам оставаться!

– Удачи вам, напарники.

И – трезвой головы.

– Какая терпеливая и мужественная женщина. Жаль, что пострадала. Не часто встречалась мне такая преданность.

– Да, Феруза-опа любит Малику больше, чем себя. Наверное, это потому, что её собственная маленькая дочь умерла

тогда, когда кормилица растила их обеих – от какой-то, как сказал придворный лекарь-табаб, мозговой опухоли. Вот и перенесла она, как я думаю, всю свою любовь – на Малику...

– Похоже на правду. – Конан и Садриддин удалялись от покоев принцессы быстро, не забывая, впрочем, внимательно смотреть по сторонам, – Жаль только, что её так легко обмануть.

– Как – обмануть?! Ты о чём, Конан?

– О том, что маги обычно куда коварней, чем женщины могут себе вообразить. Я, например, не верю, что Малика могла сюда приходиться так, чтоб об этом не знал Ворух. Знал, конечно. А спящим – прикидывался. Я уверен: он специально дал девушке рассказать няне-кормилице о кое-каких своих якобы привычках... Для того, разумеется, чтоб направить наши усилия туда, где от них не будет толку.

– Конан... Получается, ты никому не доверяешь?

– Дело здесь не в доверии, юноша. А в реалистическом подходе. К врагам вообще, и магам в частности. Ну вот не верю я в то, что маг выпускает сияние из пальцев, и долго сосредотачивается. Потому что, как уже сказал тебе, встречался с этой братией... Постой-ка: что это?!

Внезапно словно бесшумная волна тёплого воздуха ударила им в лицо, и прокатилась дальше – вдоль коридора. Конан чертыхнулся: плошка погасла. Пришлось срочно скидывать суму, и снова возиться с кресалом и трупом: благо, вокруг было тихо!

Но когда огонёк лампадки вновь загорелся, напарники оказались поражены: они стояли буквально в десяти шагах от всё ещё приоткрытой двери в тронный зал!

– Ох, не нравится мне всё это. Похоже, чёртов Ворух следит за нашими передвижениями, и уж наверняка подслушивал, о чём мы толковали с кормилицей, да и между собой: вон, труп тигромедведя уже нет!

– Ты мне лучше другое объясни, Конан. Как это так – к покоям принцессы мы шли чуть не двое суток, а вернулись – за две минуты!

– Как это происходит, юноша, сказать не могу – я не чародей. Но ясно одно: теперь нам опять придётся попотеть. Поэтому предлагаю перекусить и выспаться! Так как мы знаем, что вот эта часть коридора – безопасна.

Вроде.

Сон Садридина оказался на этот раз беспокоен: ему всё время что-то снилось: то он тонул под лавиной из муравьёв, которые его тело немилосердно грызли, то – убегал от какой-то твари вроде помеси крокодила со львом! То жуткий великан с толстым пузом и лоснящейся жиром кожей, сбрасывал его в котёл с кипящей смолой...

– Знаешь что, напарничек, если б я спал, ты разбудил бы меня в любом случае – так часто ты вскрикиваешь, рычишь, и громко стонешь!

– Извини, Конан. Снилось... Всякая гадость!

– Гадость, говоришь?.. Хм-м... Ну-ка, расскажи: вдруг, как это иногда бывает, твои сны – как бы пророческие? И нам встретится что-нибудь из того, что тебе сейчас...

– Не может быть! Не бывает муравьёв с бульдожьей челюстью! И крокодилов на львиных лапах! А вот в котёл с кипящей смолой мы вполне... – вздохнув, Садриддин рассказал то, что запомнил из кошмаров.

Конан пошкрёб щетину, действительно отросшую за это время:

– Правдоподобно, будь оно всё неладно... Маги, они ведь – те ещё коварные гады. И любят попугать, поиздеваться... Ладно, идём-ка. Проверим, так сказать, воочию.

Ставшее традицией открывание двери Садридином, с киммерийцем напротив – наготове, прошло без происшествий: никто на них из чёрного, словно, как выразился варвар, желудок Неграла, проёма, не кинулся.

Плиты коридора падишахской половины Конан лупил подошвой сапога уже куда чаще. Да и по стенам и потолку взглядом пробегал пристальней. Иногда даже мечом тыкал в подозрительные места.

Однако тварь, действительно напоминавшая помесь крокодила, росوماхи и крысы вывалилась на них сверху совершенно, вроде, ниоткуда: не иначе, как Ворух сотворил её прямо в воздухе коридора!

Конан отбил первую атаку, наотмашь ударив мечом по

нагло разинутой пасти, заранее исходящей слюной: нижняя челюсть оказалась разрублена почти до середины! Садриддин же, успевший зайти сзади, прыгнул твари на спину, всадив свой мизерикорд обеими руками в шею сразу за основанием черепа!

Тварь изогнулась в немыслимое кольцо, сбросив непрошенного наездника так, что тот врезался в стену, почти потеряв сознание от удара, и Конану пришлось схватить крокодила за хвост и оттащить прочь: иначе могучие когтистые лапы разворотили бы юноше живот!

Правда, активное сопротивление почти сразу стихло: тварь вытянулась на полу, жалобно рыкнув на прощанье, и, испустив дух, обмякла.

– А молодец ещё раз. Быстро схватываешь. Удар нанёс точно куда надо!

– Спасибо – тебе. За то, что снова спас... – Садриддин тёр изо всех сил шею и тряс головой, – Если б не ты – точно вспорола бы мне живот скотина бронированная...

– Думаю, да. Вон: посмотри. Тут-то трупы не убраны.

Действительно, чуть подальше лежало несколько человек. При ближайшем рассмотрении Конан узнал и кое-кого знакомого: эти трое вчера (Вчера ли?!) ужинали с ним в зале караван-сарая. Садриддина же поразило выражение ужаса, застывшее на лицах:

– Это они... Этой твари так испугались?

– Не думаю. Взгляни на раны: их словно пилили, или рас-

секали тупым ножом. А «наша» тварь могла только кусать и рвать. Когтями. Судя по лапе – пятью. А здесь – один разрез... Так что поработал кто-то пострашней. И поопасней. Думаю, скоро встретимся.

Встретились и правда – скоро.

Высокий как бы человек, ростом с доброго верблюда, вышел навстречу сам, возникнув, как и крокодилокрыса, прямо из воздуха. В каждой руке длиннорукое создание несло по сабле. А ног почему-то было четыре. Однако недолго Садриддину пришлось удивляться. Конан крикнул:

– Держись за спиной! Чтоб я тебя не задел!

После чего варвар неуловимо быстрым движением нырнул в ноги монстру, и что было сил рубанул по двум «передним»!

Ноги перерубились.

Тварь грохнулась оземь, невольно вытянув руки с саблями вперёд – смягчить падение! Конан не стал «благородно» ждать, когда чудище поднимется, а просто отрубил тому голову, даже не вставая: прямо с колена!

– Только не ворчи, ладно? По твоему лицу вижу, что ты привык к «честному» ведению единоборств. Но это – не человек. И мы – не на арене гладиаторов. Так что шансы – не «равны»!

Садриддин проглотил действительно вертевшиеся на языке слова укора, и подошёл поближе. Почесал затылок:

– Конан! Это же... Это...

– Да. Думаю, за основу маг взял обычного муравья. Просто чудовищно его увеличил, и научил обращаться с оружием. Хорошо ещё, что хитин ножек не столь прочен, как добрая сталь! – киммериец любовно похлопал по рукоятке вновь сунутого в ножны меча.

– Так это он прикончил этих несчастных?

– Возможно. А возможно, ему кто-нибудь и помогал: помнишь, некоторые раны были не столько резанные, сколько – рваные. Такие саблей не нанесёшь. А только чем-нибудь вроде... Да, серпа! – говоря это, Конан, поднявший вдруг голову, чуть отступил, мгновенно снова выхватив верный меч, и встав в боевую стойку.

На них, угрожающе загребая передними конечностями, двигалось очередное чудище.

Это оказалось похоже, скорее, на богомола. Жуткого, гигантского богомола, действительно вооружённого серповидными сегментами на передних лапах. То, что чудище раскачивалось из стороны в сторону, делало его ещё страшней – в дополнение к немислимо противной треугольной морде с шарами водянистых, зелёно-серых в свете лампадки, глаз по бокам головы.

– Не высовывайся! – только и успел крикнуть Конан, прежде чем существо сделало внезапный выпад, попытавшись достать его живот одним из серпов.

Остальная схватка прошла без реплик: чудище наступало, стараясь сблизиться, и нанося удары то левой лапой, то пра-

вой. Киммериец отступал, только и успевая отбивать страшные «сабли-серпы», и ругаясь на всех языках Ойкумены!

Садридин отступал тоже, пытаясь освещать коридор, и не мешать манёврам варвара, то резко прыгавшего в сторону, то пытавшегося пробиться к ногам твари. Ничего не получалось: та надёжно перекрывала всё пространство коридора!

Юноша отошёл к левой стене, перехватил рукоять, прицелился...

Острый зуб мизерикорда вонзился именно так, как он наметил: в огромный глаз твари! Та завизжала, вскинув передние лапки к морде, и засучила, затопала в ярости по плитам пола четырьмя ножками!

Но уж Конан не стал ждать, пока тварь опомнится: в два гигантских шага он преодолел разделяющее их расстояние, и перерубил тонкую сяжку, соединяющую брюшко с головогрудью!

Половинка с руками-серпами отвалилась, грохнувшись на пол прямо перед ним. Но киммериец не стал сразу добивать монстра, а быстро отступил, оказавшись вне досягаемости всё ещё конвульсивно машущих передних конечностей:

– Проклятье! И живучая же гадина! Чуть не зацепила. А ты ещё раз – молодец. Уже начинаешь мыслить стратегически! Похоже, из тебя выйдет толк. Когда окажешься на месте Мохаммада шестого, главное – не забывай, откуда вышел. Не дави народ новыми налогами.

– Конан! Ты это – всерьёз?

– Конечно! Когда ж мне тебя предупредить и наставлять, как не сейчас? А вдруг меня убьют, и тебе придётся заканчивать всё самому?

– Конан... Давай не будем о смерти! Я бы всё-таки предпочёл, чтоб ты остался жив.

– Я тоже. Однако надо быть реалистом: Ворух-то... Не дремлет. А твари – всё сильнее и изощрённее. Думаю, скоро встретимся и самим их создателем. А тогда будет не до напутствий будущему Правителю Биркента и окрестностей...

Коридор ничуть не изменился: оштукатуренные стены из саманного кирпича, мраморный пол, потолок, теряющийся во тьме. Конан уже два раза подливал масла в лампадку: ход в покои падишаха тянулся третьи сутки. Во всяком случае, они делали ночёвку уже два раза.

Садриддин уже успел рассказать, как, совсем мальчишкой, нашёл крышу соседа, с которой было неплохо видно сад прекрасной, тогда – девочки: Малики. Влюбился, конечно, с первого взгляда: «Вот не поверишь, Конан, когда она посмотрела через плечо – словно кипятком обдала! Ну, я сравниваю с тем, что пережил совсем мальчишкой, когда уронил казан шурпы на ногу...»

После этого отрок Садриддин пошёл работать водовозом, чтоб заработать на уроки игры на рубобе – песни и стихи заучивал, а затем сочинял и сам.

Принцесса, вроде, отвечала взаимностью, смотрела на

него, когда он, схватившись за горло, в котором перехватывало дыхание, стоял, застыв, на крыше... И он даже один раз забрался в сад дворца, (Ну, эту историю Конан уже слышал!) и провёл с вожденной мечтой своей юности восхитительные два часа – время до первого обхода дворца ночной Стражей. Ну а дальше...

Что было дальше, киммериец знал и так: рассказы о внезапной атаке, и позорном бегстве даже преданнейших, и всё равно казнённых потом за трусость личных телохранителей, давно превратились в легенды и сказания.

В свою очередь и Конан поведал юноше кое о каких своих приключениях. Садридину оказалось особенно интересно слушать о тех, что происходили с Конаном в бытность корсаром. Оно и понятно: море в окрестностях Биркента существовало только как бесконечное пространство, до горизонта занесённое песком. Ну, варвар и рассказывал... Однако то, что они всё ещё спали по очереди, не позволяло слишком уж углубляться в дебри воспоминаний.

Зрение юноши привыкло к полумраку за эти дни настолько, что видел он теперь почти так же хорошо, как варвар. Слух тоже обострился: в коридоре нависала оглушительная, нереально густая и глубокая, тишина, в которой даже падение на пол волоска было отчётливо слышно.

Но почему-то после богомола маг не насылал на них никого – словно хотел, чтоб их бдительность притупилась! Только однажды под ногами вдруг снова открылся предательский

люк – опять с кольями-гарпунами на дне. На некоторых виднелись чьи-то останки... Кровь давно застыла, и отвратительные отблёскивающие в свете лампадки стружья шелушились на дне ямы – словно корки на солончаках или такырах.

Но поскольку лиц несчастных не было видно, Конан не смог бы поручиться, видел ли этих людей в числе претендентов, или соседей по ужину в караван-сараяе.

Яму они просто перепрыгнули.

Очередной перекус проводили, сидя как всегда – лицом друг к другу. Конан поглядывал вперёд, Садриддин – назад.

– Конан. – теперь, когда напряжённые моменты у входа осталось позади, и они, собственно, ничем больше, кроме вглядывания и вслушивания не были заняты, Садриддин старался во время движения спрашивать только «по делу», не беспокоя варвара «ненужными и отвлекающими» разговорами. А накопившиеся вопросы – приберегая до момента еды или сна, – А почему ты ввязался в эту авантюру на самом деле?

– Хм... Из-за мешка золота.

– Нет, не верю. В такую причину поверили бы те, богатые и знатные претенденты... Такой умный и расчётливый воин как ты, не может не знать, что он может заработать и куда больше. И – куда спокойней. А не так как сейчас: буквально сунув голову в петлю! Ну, или – в осиное гнездо. Полное неведомых опасностей и страшных тварей!

Молчание затягивалось. Конан неторопливо ел, всё так же

запивая скупыми глоточками предпоследнюю лепёшку. Наконец, не глянув на напарника, ответил:

– А ты вовсе не так глуп и наивен, как казался с первого взгляда. Твоя правда: мне соваться сюда только из-за золота смысла не было. Да что – золото! Верно: у меня были тысячи возможностей заработать куда больше, лишь шевельнув пальцем! Ну, или согласившись быть мужем коро... – варвар дёрнул плечом. – Но – не по мне это.

Вашу местную «легенду» с чародеем-захватчиком я посчитал за... вызов.

Вызов моим профессиональным навыкам. Навыкам Воина и – глупо звучит! – в какой-то степени – борца за справедливость.

Да, я хотел попытаться спасти целый город от напасти, которая, словно бельмо на глазу, лежит на людях. На жителях. Крестьянах, ремесленниках, ткачихах, водовозах...

Ведь Мохаммад шестой, по моему твёрдому убеждению – всего-навсего – барыга.

Расчётливый торговец, пытающийся извлечь выгоду даже из спектакля по спасению своей дочери! Да и общие налоги он поднял три года назад – якобы для того, чтобы обеспечить усиленную охрану старого дворца: чтоб тварь, стало быть, не выбралась наружу.

И сколько новых сардоров появилось в вашем выросшем войске?

То-то! А их ведь надо кормить.

Ну а если народ захочет, наконец, сбросить ярмо, что давит всё тяжелей на его шею...

Эти же сардоры с большим удовольствием потопят в крови любой бунт.

Так что обирание чужеземных претендентов меня не беспокоит. Как и их смерть. Они – сами выбирают такую судьбу. А вот бесчестное угнетение и притеснение ни в чём не повинного местного населения я считаю гнусным делом.

Но поскольку убивать падишаха и занимать его дохленький трончик я считаю ниже своего достоинства, я – здесь. В заколдованном старом дворце, а не в новом, который ваш правитель построил для себя как раз на новые налоги, и «госпошлину» с претендентов. И продолжает достраивать – вон: леса третьего крыла до сих пор наращивают кверху и в стороны.

Вот я и хочу, в числе прочего, помочь тебе сесть на место вымогателя-тирана.

Я... Хм. Достаточно подробно объяснил тебе свои... Мотивы?

– Да. Да. Достаточно подробно. И теперь я думаю, что ты был бы для Биркента отличным правителем. Дальновидным. Справедливым. Умным. И – сильным! Уж при тебе никто бы не осмелился на наш город напасть!

– Возможно. Но давай сделаем так, чтоб нападать никто не осмеливался и при...

Тебе.

Дверь в покои падишаха оказалась заперта.

Вот так, просто и буднично: заперта.

И все попытки северного гиганта открыть её голыми руками не помогли: жилы на его шее чуть не трещали от напряжения, но отворить дверь, или пробить мечом толстенные прочные доски, из которых она была набрана, не удалось!

– Надо же... Какая прочная. Не иначе – доски заговорены от стали! Вот ведь хитро...опая скотина. – теперь и Конан почесал затылок, – Ладно, сейчас чего-нибудь придумаем.

Много думать, впрочем, северянин не стал: мечом ударил в саманную стену торца коридора, в которую и была вмонтирована дверь. Остриё со звоном отскочило.

– Бэл раздери. Стена-то... Тоже заколдована. Но с таким я тоже сталкивался. Есть вариант.

Садриддин снова не без удивления пронаблюдал, как из необъятной суммы на свет божий вынимается странный набор предметов: несколько потемневших от времени до коричневого косточек странной формы – словно от неизвестного животного. Баночка из чёрного стекла, свёрток из плотной кожи, похоже, бычьей: очень толстой и негнущейся.

– Если опасаясь колдовства – лучше отойди!

Садриддин поспешил так и сделать, истово бормоча про себя молитву Мирте Пресветлому, однако взгляда от Конановских приготовлений не отрывал, не забывая оглядываться и в темноту коридора за их спинами.

Приготовления, впрочем, оказались чисто символическими: Конан, применяя вместо заклинаний ругательства на разных языках, полил на дверь густой ядовито-зелёной жидкости из баночки. Развернул свёрток, сыпанул на тягучие потёки – жёлтого порошка, оказавшегося там, и выкрикнул, воздев руки:

– Гаррат-Йешшади! Во имя Трёх! Откройся!

От двери пошёл пар. Затем повалил едкий зелёно-жёлтый дым, и вдруг доски вспыхнули ярким фиолетовым пламенем! И горели так, что гудел даже воздух вокруг!

Не прошло и минуты, как обломки препятствия попадали к ногам напарников, и проём открылся.

Внутри оказалось светло: странный голубовато-фиолетовый свет явно исходил не от солнца, и не от факелов или других светильников. Однако из проёма никто не выскочил.

Садриддин сказал:

– Здорово ты меня... Насчёт колдовства. А я-то, я-то... Купился, как последний простофиля, впервые увидавший странствующего факира. А это – просто земляная смола и кхатайский порошок! А косточки-то тебе были зачем нужны?

Конан фыркнул:

– Ну – так!.. Факирские уроки даром не проходят: косточки – для нагнетания таинственности, и создания соответствующей атмосферы. Зато тебе точно не было скучно! А то за пять дней безделья мы совсем разленились. Отъелись,

успокоились...

– Ага, все бы так бездельничали и отъедались!.. Ну что, посмотрим?

– А то!

Внутри оказался почти такой же интерьер, как в покоях принцессы: роскошная кровать с балдахином из драгоценного шёлка, столики-дастарханы, табуретки, занавеси...

Вот только окон, которым по-идее полагалось бы быть на своих местах, и дверей в помещения для слуг, не обнаружилось: стены казались монолитными, и сделаны были явно из чего-то получше и потвёрже, чем саманный кирпич.

Напарники рассматривали комнату с порога, не торопясь входить.

– Не нравится мне это. Слишком похоже на мышеловку.

– Почему?

– Стены. Видишь: какие блестящие и ровные. Готов заложить свой меч против зубочистки, что прочнее камня. Чтоб тот, кто будет иметь глупость забраться, не смог пробиться сквозь них.

– Но ведь они... Ну, вернее – мы! – всегда сможем выйти через проём! – Садриддин указал на догоравшие у их ног обломки досок.

Конан ничего не сказал, но посмотрел так, что юноша прикусил язык. Но всё же спустя минуту выдавил:

– Что же нам делать? Ведь пройти дальше мы можем толь-

ко через эту комнату?

– Нет, не только. Можно ещё попытаться... – Конан, отошедший теперь к боковой стене коридора, попробовал потыкать в неё мечом.

Стена подалась: начала крошиться.

– Ага. – варвар удовлетворённо хмыкнул. – Всё правильно. На защиту стен уходит чертовски много колдовских компонентов, и сил мага. И её всё равно надо поддерживать. А маги обычно достаточно ленивы... Отойди-ка, чтоб не мешать, и прикрывай тылы!

Глядеть, как профессионал расчищает проём в стене мечом легче и быстрее, чем команда строителей – кирками и ломанами, Садриддину было бы интересно. Если б он добросовестно не «бдил» в клубящийся неземным светом проём, и в черноту коридора.

Работа по выламыванию дыры, достаточной, чтоб пропустить человека, заняла не больше пяти минут:

– Давай-ка нашу плошку!

Внутри оказалась та же клубящаяся чернота, что и в комнатах вдоль коридора половины принцессы.

Дна или пола тоже не имелось. Киммериец покривил губы, и поработал языком, чтоб собрать побольше слюны. Плюнул вниз. Всмотривался долго.

– Негралово отродье. Не повезло. Ладно – есть ещё другая сторона.

Когда взломали стену напротив, за ней черноты не оказа-

лось. А оказалось там море. Вот так, буднично и просто: море! Под застывшим в зените жёлтым солнцем.

– Конан. Красиво-то оно, конечно, красиво... Но я и плавать-то не умею. У нас в Биркенте есть только хаусы, каналы, да арыки для полива!

– Понял. Но плавать не придётся. Думаю, тут мелко.

Действительно, когда киммериец попробовал, держась за стены, спуститься в «необъятный» океан, оказалось, что несмотря на громадные валы и завораживающую взор чернотой бездонную пучину, глубина этой самой «бездонной пучины» – по колено.

– Понятно. Иллюзия.

– Как это?

– Да очень просто. Нету тут никакой воды. И если б с нами был порошок цветка Парасты, мы бы посыпали себе на глаза, да и увидали... Как тут и что.

– А у тебя...

– Нет. Израсходовал на предыдущих магов. Так что закатывай штанины, и пошли.

Стена, вдоль которой они теперь пробирались вброд, тянулась и тянулась. Конан периодически похлопывал по ней рукой, Садриддин с тоской оглядывался: отверстия, через которое они влезли, не видно стало через несколько минут ходьбы. И хоть Конан и сказал, что вода – лишь иллюзия, это не мешало ей хлюпать в афганках, и быть чертовски холод-

ной – почти как в потоке, который чуть не смыл их... Три? Четыре дня назад?

– Ну, думаю, что хватит. – киммериец остановился, и снова вынул меч.

Долбёжка прошла обычно: никто на той стороне их не ждал. И фиолетового тумана за дырой не оказалось. Зато луг с зелёной травкой и пышные деревья в душистых цветах сразу напомнил Садриддину о временах счастливого детства:

– Конан! Это же – сад! Сад принцессы! Здесь мы с ней и...

– Ага. Понятно. Что ж. Неплохо, Мардук раздери. Полезли.

В саду пели птички.

Сине-голубое солнышко светило на блёкло-голубом небе, быстро нагревая тела и головы. Конан буркнул:

– Не напекло бы... Тут оно светит как-то...

– Это – не солнце!

– Ну конечно. Хе-хе. – варвар глянул через плечо, ухмыльнувшись, – Ещё не встречал я чародея, который мог бы солнце – заколдовать.

Закрыть тучами, спрятать от людей – да. Изменить вид – тоже. Но что-то действительно сделать с самим светилом – никогда! Иллюзия, как всегда. Но – опасная для нас. Не забывай про тылы.

Напарники двинулись вперёд – туда, где посреди сада возвышалась беседка.

Из беседки доносились звуки арфы: кто-то перебирал струны, посылая в пространство меланхоличную восточную мелодию, словно наполненную дымком кальяна, запахом опиума, гашиша, и благовоний... Предлагающую расслабиться, и забыть о тяготах бренного существования, мирно уснув и отдавшись чудесным видениям!

Мелодии вторил нежный и приятный – женский! – голос.

Конан, пробуя ногой прочность газона, почесал спину и плечи. Садриддин и сам ощущал, как под пронизывающими лучами начинает зудеть и покрываться волдырями, словно от ожогов, кожа на открытых участках лица и рук.

– Проклятье. И ведь не пойдёшь быстрее – мало ли каких тут ям не припасено!

Вожденная тень беседки приближалась медленно, но наконец они добрались и до неё. Голос и звон струн вдруг стихли.

Конан буркнул через плечо, не отводя взора от входа:

– Собственно, мы и не думали, что появление таких выдающихся личностей как мы, пройдет незамеченным. Собирайся. Сейчас уж точно – начнётся!..

Но ничего не началось, и они по пяти ступеням осторожно вступили в широкий проём между двумя ближайшими колоннами: а всего крышу над ажурным сооружением поддерживали десять резных деревянных столбов-опор.

В дальнем углу, если так можно назвать возвышение над круглой поверхностью внутри беседки, висела восточная

арфа, за которой стояла (Да, восточные арфы нужно во время игры крепко держать, чтоб не упали!) симпатичная даже на взгляд Конана, девушка. А рядом...

Рядом свернулась огромными кольцами змея. Вернее – змей. Потому что взгляд холодных стальных глаз не позволял усомниться в том, что их обладатель – самец.

Толщиной его тело казалось с торс Конана, а длиной – уж никак не меньше двадцати шагов.

– Малика! – в голосе Садридина звучала такая боль, и одновременно – радость, что даже варвара проняло, – Ты жива! Это – главное! Сейчас я этого мерзавца!...

С боевым кличем Садридин бросился вперёд, явно намереваясь всадить мизерикорд, который держал обеими руками над головой, в шею у основания головы змея.

Тот, казалось, едва шевельнул концом хвоста, и юноша отлетел к бортику беседки, так треснувшись головой о перила, что кинжал выпал, откатившись на пару шагов, а Садридин потерял сознание, осев наземь безвольным мешком.

– Ну вот и встретились, Борруш ужасный. – Конан не спешил доставать меч, просто подошёл чуть ближе, и встал напротив девушки, буравя глазами её лучистые невинные очи, – Не думал, небось, что найду тебя?

– Нет, Конан, не думал. – девушка не открывала, вроде, рта, но слова звучали чётко и разборчиво, – Я думал что ты, как любитель наживы и новых приключений, и не собираешься исполнять своё обещание разделаться со мной.

– Киммерийцы слов на ветер не бросают – вот он я!

– Да. В упрямстве и мужестве тебе не откажешь. Ну что – как всегда?

– Да. Как всегда!

Дракон, в которого превратилась Малика, еле помещался в беседке, что Конану оказалось на руку: столбы-опоры хоть как-то сдерживали манёвры мускулистого чёрного тела. Киммериец прыгнул вбок а затем – вверх. Верный меч неведомо как оказался в руке, и рубанул что было сил... По пустоте!

Потому что чешуйчатое тело мгновенно – словно бы перетекло в сторону, а голова развернулась к северному воину, и изрыгнула поток пламени!

Который тоже встретил пустоту.

– Бэл. Забыл, какой ты быстрый. Ничего: я кое-чему поднаучился за это время!

Пол под бойцами вдруг подался, и словно ушёл в стороны, втянувшись под стены, и оба врага оказались как бы летящими в пустоте чёрного пространства. Тут дракону, разумеется, оказалось куда легче: крылья позволяли маневрировать, тогда как варвар мог лишь разворачиваться в разные стороны, чтоб встретить Борруша хотя бы лицом, и от пламени прикрыться мечом и сумой!

Однако Конан нашёл хитрый ответный ход: при очередном выпаде дракона бросил в его открытую пасть уже горя-

щую суму!

Пока змей отплёвывался и чихал из-за оказавшейся внутри не то пыли, не то – муки, киммериец умудрился подлететь, управляя телом, опиравшимся на воздух, словно на подушку, и помогая себе руками, и смог зацепиться за одну из передних когтистых лап.

После чего забраться на холку врага оказалось делом техники!

Шея изогнулась, морда с разверстой огнедышащей пастью вновь возникла перед лицом Конана. Тот изо всех сил запустил свой меч – как копьё: внутрь пасти!

Ком огня застрял в глотке, и словно истаял, успев раскалить остриё до бела!

Волшебный меч, пущенный могучей рукой, сделал даже больше, чем варвар рассчитывал: пробил небо твари, прорубил затылок и вылетел наружу, пройдя насквозь!

В кровоточащей огромной дыре вдруг появился ослепительный свет!

Он рос, расширяя дыру, и становясь всё более обжигающим и нестерпимым!

Конан зарычал, закричал, но шеи не выпустил. Наоборот: он постарался как можно крепче охватить её руками, переползя только на её нижнюю половину: чтоб не жгло!

Пасть закинулась к спине, тварь заревела, но киммерийца чудовищный, разрывающий барабанные перепонки, крик, не отвлёк: вынув из-за пояса клинок юноши, он всадил его по

рукоять в чешуйки, и чудовищными усилиями стал продвигать вперёд!

Как ни странно, это удалось, и шея, отделённая от туловища, вдруг отпала, улетев, так же как и тело с оседлавшим его киммерийцем, куда-то вниз, вниз, в бесконечное вращение и кружение!

Затянувшее и поглотившие варвара чернотой и гулом, рёвом, словно вокруг низвергаются тысяча водопадов, и навалившимся на уши так, словно слон – на тело...

Очнулся Конан внезапно. Сел.

Странно – но он снова был в беседке. И перед ним на своём возвышении опять лежал гигантский змей. Конан поторопился подхватить меч, валявшийся в шаге от него, и встать:

– Приветствую вас, о прекрасная Малика! Простите, что развалился тут в вашем присутствии! Невежливо с моей стороны.

– Ничего, о северный воин, имени которого я пока не знаю. Я не обижена.

– Меня зовут Конан. Конан-киммериец.

– Приятно познакомиться, Конан-киммериец. Благодарю тебя за избавление меня от страшного Хозяина. Пожалуй ты... Станешь для меня неплохим мужем.

– Не бывать же этому! – вдруг раздался позади варвара злобный выкрик, и Конан почувствовал, как в шею огненным укусом впивается какое-то насекомое вроде осы...

Повернувшись и взявшись за шею он, впрочем, обнаружил не осу, а маленькую стрелку с кусочком хлопка на заднем конце – явно выпущенную из духовой трубочки!

Ноги почему-то перестали держать киммерийца, и он осел на пол беседки, успев стрелку всё же выдернуть.

– А неплохо получилось. Этот яд не убивает, напарничек. А только парализует. Так что ты будешь в полном сознании, когда я буду перерезать твоё горло. Хотя я брал эти стрелы не против тебя – я не рассчитывал, что ты проживёшь так долго! – а против конкурентов...

Сказать Конан уже ничего не мог, но глазами выразил то, что хотел.

– Ах, это... Ну как – почему? Во-первых, как ты любишь повторять, это – Восток! Здесь не бывает настоящих союзников, или напарников. – Садриддин с мизерикордом в руке медленно подходил, глаза горели сдерживаемой и тщательно скрываемой до этого – не то – завистью, не то – ненавистью! – А во-вторых...

А во-вторых, место на троне – только одно. И мне, как будущему падишаху не престоало, чтоб мне тыкали в нос: дескать, ты-то сам был лишь сопливым прихвостнем на побегушках у великого северного Героя – легендарного Конана-киммерийца.

Не-ет! Я *сам* всё сделал! Освободил принцессу, убил дракона, получил падишахство и жену...

– Но милый... А как же – я? Я ведь могу рассказать, как

всё было? – удивления в голосе принцессы, голова которой уже превратилась в голову прекрасной девушки, не заметила бы только арфа, сиротливо валявшаяся на полу возвышения.

– Ты? Да, ты... Не то, чтоб за эти три года моя любовь ослабла, звезда моего сердца... Но я стал гораздо взрослее. Многое передумал. Многое понял. И теперь более трезво смотрю на мир. И реально оцениваю многие вещи...

– Трезво и реально – это значит – более подло? – у принцессы появились и руки.

– Ну зачем же так, ласточка моя... В конце-концов, рычаги у меня имеются. Твой отец – твой настоящий отец! – ещё жив. И мне, как новому падишаху, ничего не стоит заключить его и в Биркенте в какой-нибудь зиндан, и приказывать морить голодом. Или даже пытаться, если вы, ваше высочество, начнёте проявлять строптивость. Или – болтливость.

Я достаточно ясно выразился?

– Да уж, достаточно. Ясней некуда. – Конан не без удивления смотрел, как во время этого диалога между будущими супругами хвост гигантской змеи неуловимым движением сполз за борт беседки, и конец его вдруг появился позади Садриддина. Киммериец не смог бы того предупредить, даже если б и захотел: паралич надёжно сковывал все его мышцы! – Однако вот что я тебе скажу, вдохновенный поэт и трепетный возлюбленный мой!

Отправляйся-ка ты к Негралу!

Конец хвоста вдруг снова – теперь со всей силой! – об-

рушился на затылок юноши, и тот оказался на полу, шмякнувшись лицом в мрамор в шаге от Конановской головы. Из расколотого от удара о камень черепа хлынул поток крови...

Конан чудовищным напряжением воли смог даже отодвинуться, словно от ядовитой гнусной гадины: настолько велико оказалось омерзение и презрение к хитрозадому мерзавцу!

– А неплохого напарничка ты себе выбрал, Конан-киммериец! – а принцесса-то умеет добавить иронии и сарказма в медоточивый голос! – Сразу видно: сам выбирал. А вот если б тебе посоветовала мудрая женщина, хорошо разбирающаяся в характерах мужчин... – такой взгляд даже киммериец не смог выдержать: покраснел!

Однако ответить Конан ещё долго не мог: челюсти и язык не двигались.

Но те долгие часы, пока к его телу возвращалась подвижность, прелестная Малика, постепенно восстановившая человеческое естество, честно лежала рядом, прижимаясь мягким податливым телом к его сотрясаемому ознобом туловищу, и заботливо грея героя!

Довольно долго они оставались одни, и уши Конана только что в трубочку не сворачивались от слов, которые ему нащёптывала милая соблазнительница. Однако через некоторое время приковыляла кое-как на скрюченных ревматизмом (Вот он почему-то – не пропал!) ногах и Феруза-опа, и Малика замолкла. Но греть Конана не перестала!

Вид, представший глазам кормилицы ту явно не удивил:

– А я тебе сразу сказала, ласточка моя ненаглядная, что это яблочко было с гнильцой! Впрочем, смотри, ты уж и сама сделала верный выбор!

Конан почувствовал, как сердце сжимает чья-то стальная рука! И то, что она вдета в бархатную перчатку, опасности нисколько не уменьшало!

Как же ему, причём – так, чтоб не оскорбить гордость и чувства спасительницы, отвертеться от очередной претендентки в жёны?!

И ещё мозг калённой стрелой жгла мысль: как он мог быть настолько самоуверенным и ненаблюдательным, чтоб не раскусить...

Напарничка?!